

Маргулановские чтения 1990 СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А. Х. МАРГУЛАНА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Маргулановские чтения 1990

СБОРНИК
МАТЕРИАЛОВ
КОНФЕРЕНЦИИ

МОСКВА 1992

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х.МАРГУЛАНА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ. 1990
(сборник материалов конференции)

Часть I.

МОСКВА, 1992

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

З.С.Самашев — отв. редактор
В.С.Ольховский — отв. секретарь
Е.А.Смагулов
К.М.Байпаков
М.К.Шакенов
Р.Л.Наурызбаева

Печатается по постановлению Ученого совета
Института археологии им. А.Х.Маргулана
АН республики Казахстан

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ. 1990 (сборник материалов конференции).
Часть I. М., 1992. 278 стр.

В сборник вошли материалы второй региональной научной конференции, прошедшей в г.Алма-Ата, в Центре археологических исследований. В докладах конференции отражены итоги исследований археологов, историков архитектуры, искусствоведов, антропологов по различным проблемам древней и средневековой истории Казахстана и соседних регионов. Авторы — известные и начинающие сотрудники многих научных центров — представляют результаты полевых исследований последних лет, а также анализа конкретных практических и теоретических проблем.

Сборник рассчитан на археологов, историков, этнографов, искусствоведов.

© Институт археологии АН
республики Казахстан.
1992.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В сборник вошли материалы II Маргулановских чтений, состоявшихся в Алма-Ате весной 1990 г. Авторы сборника — исследователи казахстанских древностей из Алма-Аты, Москвы, Кемерово, Киева, Петербурга, Караганды, Целинограда, Горно-Алтайска, Чимкента и других городов. Тематика их работ в значительной мере отражает круг научных интересов академика А.Х.Маргулана. Наряду с теоретическими проблемами кочевничества, развития археологии и древнего искусства значительное внимание уделяется новому археологическому материалу, полученному в ходе экспедиционных работ.

Первые результаты работы над Сводом памятников истории и культуры показали, какое огромное археологическое "наследство" ушедших поколений разбросано по просторам Казахстана: стоянки и города, курганы и святилища, древние рудники и ирригационные системы. Само географическое расположение Казахстана, необходимость использования его территории для налаживания контактов между Востоком и Западом, степным Югом и лесостепным Севером предопределили раннее вовлечение населения Казахстана в орбиту международных торгово-экономических связей, военной и миграционной активности; казахстанский участок Великого Шелкового пути — одно из проявлений такой активности. Этими же факторами обусловлена важность памятников Казахстана для выяснения исторических судеб населения как Казахстана, так и окружающих регионов.

Углубленный анализ "традиционных" археологических источников (погребальных и жилых комплексов, петроглифов, керамики, украшений), в ряде случаев привел авторов к интересным результатам, уточняющим наши представления об относительной хронологии культурных комплексов, миграционных процессах и межэтнических контактах в эпоху бронзы — средневековья. Важны и работы, посвященные анализу антропологического материала, культурологическим интерпретациям с целью реконструкции древних идеологических представлений.

Не имея возможности опубликовать в данном сборнике все представленные на II Маргулановские чтения доклады, редколлегия надеется осуществить это в дальнейшем.

АКИШЕВ К.А.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ "ЗВЕРИНОГО" СТИЛЯ В ИЗОБРА-
ВИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ САКОВ

Сакское искусство звериного стиля — неотъемлемая часть того исторического феномена, который принято называть скифо-сибирским искусством звериного стиля. Однако этот термин необходимо признать слишком ограниченным в этническом, региональном и в хронологическом аспектах. Памятники этой формы искусства были распространены в III—I тыс. до н.э. на огромной территории, включающей Переднюю Азию, Евразию и Центральную Азию, как в скифской и сакской, так и в индоевропейской, индоиранской, прототюркской (?), финно-угорской среде. В целом несомненно, что искусство звериного стиля — это азиатский феномен.

Хотя ареал этого искусства имел континентальный масштаб, в каждом субрегионе распространения он имел специфическую форму и содержание. Субрегиональные варианты этого стиль-искусства по ареалу памятников выделяются довольно четко хурритский, фракийский, ордосский, скифо-сибирский, скифо-причерноморский, сарматско-приуральский, сакско-памирский, сакско-казахстанский, сакско-алтайский и т.д.

Сопоставление формально-типологических признаков памятников субрегиональных стиль-искусств практически возможно, но выходит за рамки узкотематической статьи, да и специалистам в области искусства звериного стиля они достаточно известны. Вместе с тем, не лишне указать, что усилия большинства исследователей до сих пор прилаживаются для поисков и изучения общего, объединяющего памятники различных регионов, значительно меньше особенного, самобытного. Таким образом, искусство звериного стиля относится к категории феноменальных достижений человечества. Причины зарождения его в значительной степени являются тайной веков, хотя несомненны их тотемно-магические истоки. Прародина (прародины) и генезис его до сих пор проблематичны, а многочисленные существующие по ним концептуальные выкладки гипотетичны. Предпочтение переднеазиатского моноцентризма представляется тенден-

циозным.

Во многом данью традициям являются попытки все новые коллекции предметов искусства звериного стиля, находимых в разных ареалах скифской и сакской культур, считать происходящими из Передней Азии. Зачастую подобный вывод делается на основании лишь формально-типологических признаков и хронологически раннего появления антропо- и зооморфных образов в этом регионе азиатского континента. При этом недостаточно учитывается обстоятельство, что предметы со звериными образами изготавливались и использовались в меньшей степени как украшения, а в большей степени как инсигнии власти, как указатели высокого общественного положения конкретного индивидуума на иерархической лестнице. Социальное содержание искусства значительно превосходило утилитарную функцию, хотя нельзя не учитывать последнее, особенно на стадии перерождения его реалистических образов в сторону стилизации и орнаментализма.

В каждом регионе семантика зооморфных изображений отражала космогонические, мифологические, религиозные представления, а в целом идеологическое мировоззрение, понятное членам только определенного общества. Эти же вещи, попав в иную чужеземную среду, теряли свою социальную значимость, ибо смысловая нагрузка отдельных звериных образов, особенно сложные композиционные сцены (сцены борьбы и терзания, многоярусные сочетания зооморфных и растительных мотивов, как, например, на иссыкском кулахе и т.д.) становилась недоступной для дешифровки новыми владельцами.

В таком случае металлические (и иные) миниатюры с рельефами животных, птиц, фантастических образов приобретали чисто утилитарные функции, употреблялись как предметы украшения или становились сырьем для производства новых предметов изобразительного искусства с понятными образами, с новым идеологическим содержанием, поддерживающим и обосновывающим социальную систему, устой власти и светскую и духовную исключительность правящей династии.

Исключительно этой причиной объясняется преобладание на скифских и сакских предметах прикладного искусства представителей местной фауны: олень-марала (Причерноморье, Алтай, Казахстан, Ордос), лось (Сибирь, Алтай, Казахстан), горного козла и дикого барана — архара (Ордос, Казахстан, Алтай, Памир), анти-

лопы-саги (Казахстан, Алтай), тигра и барса (Казахстан, Алтай), волка (Алтай, Сибирь, Казахстан) и других. Образы этих животных, физические и зоологические достоинства которых были понятны в аборигенной среде, должны были символизировать силу и мощь, красоту и гармонию. Этими же физическими и нравственными качествами наделялся владелец вещей с изображением этих зверей. Значительно реже встречаются изображения льва, пантеры, грифонов, как заимствованные из арсенала искусства Передней Азии.

Семасиология в археологии — направление молодое, поэтому дешифровка идеологического содержания, вложенного в древности в отдельные образы, в композиции и сюжеты, искусства звериного стиля далека от совершенства и нередко носит уровень привлеченных догадок, которые не могут быть достаточно обоснованными на современном этапе. Однако перспективность археологической семасиологии несомненна.

Не менее трудны и сложны пути поисков истоков этих субрегиональных искусств. Как уже отмечалось, моноцентрическая направленность исканий не может считаться плодотворной, однако, при этом не исключая импорт идеи искусства из региона наиболее раннего зарождения зооморфных изображений. Вероятность установления истоков джурьстанского, ордосского и скифо-сибирского искусств значительно больше, чем всех остальных. Первая из них уходит своими корнями в древнейшую цивилизацию Месопотамии, в неолитическую и энеолитическую культуру IV—III тысячелетий до н.э., а две последние — в карасукскую культуру Южной Сибири и Северной Монголии. Роль карасукской культуры в значительной степени гипотетична в связи с неясностью ее генезиса и исторических судеб. Тем не менее, представляется приемлимой точка зрения М.Лера-М.И.Артамонова о припадке карасукской культуры в Центральной Азии, точнее в Северной Монголии и об этнической инфильтрации и культурной интеграции оттуда в Южную Сибирь, а через Ордос в Хань.

Карасукское искусство звериного стиля имело сугубо прикладные формы, большинство из них производились не как обособленные изделия искусства, а дополняли предметы вооружения и быта, украшая шавершия ножи и кинжалов. Все изделия этого искусства выполнены в бронзе и меди, драгоценные металлы еще не

стали сырьем для производства художественных изделий.

Таким образом, хотя ювелирное искусство зародилось еще на ранних этапах эпохи бронзы (золотые браслеты, серьги, подвески, обоймы), но до находки нашей золотой серьги, ювелирные изделия с зооморфными образами не были известны.

Это большая золотая серьга с литыми фигурками двух лошадей, стоящих или идущих вслед друг за другом. Она была обнаружена при раскопке в 1980 г. могильника Мин-Шункур (в северо-западном предгорье Джунгарского Алатау, у с.Капал).

Могильник состоит из трех групп: южной, из пяти курганов с насыпью из щебня и речной гальки; восточной, из десяти таких же курганов; и центральной, из 26 четырехугольных и округлых каменных оград. В центральной группе за 1980—1981 гг. раскопаны 10 оград. Приведем описания нескольких оград.

Ограда 17 (размером 5х5 м): захоронение в прямоугольной яме, ориентированной широтно, стены могилы по верху обложены речной галькой на высоту в два ряда, размеры могилы 1,65х0,8 м, глубина 1,37 м. В могиле найдена литая золотая серьга с украшением в зверином стиле.

Таким образом, десять раскопанных в могильнике Мин-Шункур оград оказались основательно ограбленными, поэтому находок немного: три золотые серьги, и три глиняных сосуда. Но эти находки и погребальный обряд не оставляют сомнения в принадлежности могильника к эпохе бронзы.

В могильнике (в центральной группе) все надмогильные сооружения однотипны — это четырехугольные (чаще квадратные и прямоугольные), иногда округлые ограды из крупной речной гальки и валунов, положенных в определенном порядке на поверхность грунта, позднее они "вросли" в землю. Размеры их устойчивы: 5х5, 4х4, 3х3 м. Иногда две-четыре ограды примыкают одна к другой, составляя одну прямоугольную ограду с перемычками внутри.

Однотипны также надмогильные сооружения — это или каменные ящики или сооружения типа цисты, ориентированные широтно. Положение и ориентировку захороненных установить не всегда возможно, только в двух случаях ясно, что погребенные были положены головой на запад. В ограде 21-а в могиле встречались мелкие обломки кальцинированных костей (от трупосожжения?). Таким образом, погребальный обряд (типы надмогильных и надмогильных соору-

жений, ориентировка, обряд захоронения) типичен для памятников эпохи бронзы.

Керамические сосуды — небольшие неорнаментированные кувшины с профилированными шейками и плоским дном, по форме, структуре теста и обжигу также типичны для андроновской культуры.

Золотые серьги на бронзовой основе были широко распространены во всех ареалах культуры степного типа во второй половине II тыс. до н.э. Большая золотая серьга с литыми фигурками двух лошадей представляет особую научную ценность. Отметим, что серьга имеет на одном конце раструб, характерный для алакульско-андоновской культуры. Капальская золотая серьга — первый памятник ювелирного искусства племен бронзового века Сибири, Казахстана и Приуралья, выполненный в зверином стиле в золоте (рис.1).

Хронологическая ориентировка капальской серьги может быть установлена твердо — это эпоха бронзы. На такую дату у.зывает весь погребальный обряд могильника: типы намгильных и могильных сооружений — каменные ограды и каменные ящики, западная ориентировка захороненных, труположения и трупосожения. Немногочисленный погребальный инвентарь типичен для развитого этапа культуры эпохи бронзы.

Среди многочисленной коллекции предметов украшения андроновской и других культур андроновского типа Сибири, Приуралья, Средней Азии и Казахстана аналогий капальской серьге нет, что затрудняет уточнение ее датировки. Хронологическая конкретизация между тем не только желательна, но и важна для установления времени зарождения звериного стиля у племен степной бронзы.

К нашему удивлению, аналогия звериным образам на капальской серьге была обнаружена в коллекции древностей из Сейминского могильника на р. Волге близ г. Нижний Новгород. Среди находок из этого могильника имеется выгнутообушковый нож с навершием в виде скульптурной группы из двух лошадей, идущих друг за другом (рис.2). Аналогия настолько близкая, что создается впечатление идентичности с той лишь разницей, что капальские лошади выполнены в золоте, сейминские — в бронзе.

Другая находка, но не аналогия, а важная для определения даты нашей серьги, это выгнутообушковый нож из кургана у с. Тур-

дино на р. Кама (близ г.Перми). На навершии этого ножа "шесть" из трех архаров — диких баранов (рис.3). Все три находки — капальская серьга, сейминский и турбинский ножи — объединяет техника исполнения, поза и позиция зооморфных образов, стилистические особенности искусства в целом.

Для уточнения хронологической и культурной принадлежности капальской серьги напомним датировку и атрибуцию сейминского и турбинского ножей. Принадлежность последних к карасукской культуре южной Сибири считается неоспоримой. В хронологических пределах этой культуры (XIII-XI вв. до н.э.) дата ножей конкретизируется комплексом находок сейминско-турбинского типа, в состав которого были найдены карасукские ножи — это бронзовые ступчатые наконечники копий, кельты — тесла общераспространенных сибирско-казахстанских форм, относящихся к финальному этапу упомянутой культуры, к XII-X вв. Находка в Капале относится к этому же периоду.

Серьга из Капала — уникальный памятник ювелирного искусства для Евразии эпохи бронзы. Возможно, эта находка прольет новый свет на до сих пор дискуссионную проблему происхождения скифо-сарматского искусства звериного стиля и на время зарождения его у иборитенных племен региона. Вероятно, предтечей распространенного мотива этого искусства "шесть зверей" являются капальские и сеймино-турбинские "идущие" животные.

АЛИМБАЕВ Н.

О МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ В КОЧЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

Одним из уязвимых аспектов современного кочевниковедения является неудовлетворительный в теоретико-методологическом отношении уровень понимания существа проблемы отношений собственности на условия и средства производства в кочевой среде. Существующие суждения по этому вопросу не имеют необходимой силы научного доказательства и в сущности представляют собой ре-минисценцию точек зрения ученых предшествующих поколений¹. Вероятно, именно поэтому проблема формационной атрибуции кочевничества, идентификации стадийно-исторического уровня этого типа социума с точки зрения его реального исторического бытия

до сих пор относят к области догадок и предположений².

Такие широко распространённые в кочевниковедении формулы — словосочетания типа "патриархально-феодальное", "полуфеодальное", "кочевой феодализм" и т.п. обнаруживают свою операционную ограниченность в объяснении узловых вопросов проблематики, в частности социальной природы кочевничества в широкой теоретико-методологической перспективе.

Тем не менее эти формулы, в особенности понятие "патриархально-феодальное", призванное обобщенно подчеркнуть символы двух начал — патриархально-родового и феодального в структуре общественных отношений у кочевников, в литературе находят широкое применение в качестве средств объяснения ключевых вопросов проблематики³.

Таковыми были попытки ряда исследователей, постулировавших наличие у кочевников собственности только лишь на скот⁴. Таковы в сущности попытки и некоторых кочевниковедов, строящих свои системы доказательств на основе общеизвестного в марксовской теории тезиса о монополизации земельной собственности как основополагающего принципа феодальной идентификации феодализма эпохи средневековья и нового времени⁵.

В этом же русле аргументируется положение, согласно которому основными объектами собственности в кочевом обществе являются и скот, и земля, находящиеся друг с другом в органической сочлененности, и потому представляющие собой и предметно-вещественную основу, и естественно-исторические условия, и средства производства у кочевников. При этом отмечается, что наличие частно-семейной собственности на скот и общинной формы землепользования как условия существования кочевого типа организации материального производства исключало монополизацию феодальную собственность⁶.

Как показано в исследовании Г.Е.Маркова⁷, сама природа кочевничества, органическая структура кочевого типа производительных сил обусловили общинную форму социально-территориальной организации⁸ производственного процесса, поскольку в обратном случае имело бы место нарушение сложившегося социокультурного ритма жизнедеятельности кочевого общества, разложение традиционной системы материального производства в трудных условиях степного пояса Евразии.

К этой же точке зрения примыкает существующее в ряде современных исследований положение, согласно которому общинная собственность на землю опосредуется собственностью на скот⁹.

Однако эвристическая возможность этого и других аргументов для объяснения природы производственных отношений, точнее, механизма реализации отношений собственности на условия и средства производства у кочевников, во многом ограничена. Ибо категория "собственность" (применительно к действительности кочевого общества) трактуется как собственность только лишь на материальный объект, т.е. на скот и землю. Такой усеченный подход игнорирует то важное обстоятельство, что собственность на материальный объект в кочевом обществе опосредуется личностными отношениями, которые как известно, представляют собой "скачкообразную" качественную определенность всех типов социальных связей в докапиталистических формациях¹⁰.

Общественное воспроизводство в условиях отношений естественной общности, т.е. внутриобщинных отношений, означало воспроизводство традиционных деперсонизированных личностных отношений, являющихся всеобщим обязательным условием обеспечения нормального функционирования данной общественной системы. Иными словами, основной целью воспроизводства являлось воспроизводство человека (но не личности) с его определенным социальным статусом и общественными обязанностями, т.е. экономический процесс в целом носил непосредственно социальный характер¹¹.

Поскольку личностные отношения в отличие от вещных отношений, являющихся сутью капиталистических общественных отношений, в докапиталистических социумах, в том числе кочевом, базируются на традиционных институтах, принципах, нормах и формах социальной деятельности и поведения, то логично заключить, что последние образуют особый тип отношений — институциональный¹².

Представляется весьма заманчивым рассмотреть институциональные отношения как особый механизм реализации отношений собственности на условия и средства кочевого типа производства, поскольку в условиях "отношений естественной общности" (термин Г.С.Киселева) организация и присвоение производительных сил осуществлялись в соответствии с регулирующей функцией общественных институтов, т.е. в рамках институциональных отношений,

представляющих собой совокупное функциональное выражение всех типов социальных связей в обществе. Структуру этого типа (или уровня) общественных отношений образуют все институты, общепринятые нормы социальной деятельности и этнического поведения, а также разнохарактерные формы (принципы) общественных предписаний и установок самого различного назначения.

Поскольку система общественных отношений в реальности является собой сложнейшее переплетение разнообразных структурно-функциональных рядов социальных связей, т.е. сложное интегрированное образование, то любой тип отношений, в том числе институциональные отношения, следует рассматривать на уровне содержательной абстракции.

Границы отдельных "блоков", т.е. институтов, установок, принципов общественно значимых действий размыты и проницаемы. Нормальное функционирование каждого из этих компонентов предполагает нормальное функционирование других компонентов данного типа отношений. Функциональную взаимосвязь и взаимобусловленность элементов институциональных отношений можно представить в виде цепной реакции, где движение одного элемента приводит в движение других.

Одним словом, система институциональных отношений представляет собой особый регулятивный механизм, охватывающий все сферы жизнедеятельности общества. Основное назначение этого механизма — регулирование социально целесообразной деятельности и поведения членов коллектива, общности в соответствии с "господствующим всеобщим определением" (К.Маркс), т.е. осуществление соционормативной функции. Разумеется, значение традиционных социальных институтов этой функцией не исчерпывается. Наряду с этой функцией они выполняют коммуникативную, селективную, когнитивную, программирующую и т.п. функции, что является предметом специального исследования.

Социальные институты, будучи регулятивным механизмом, обеспечивают нормальную циркуляцию информационных связей внутри этносотциального организма, что является важнейшим принципом жизнедеятельности общества¹². Ибо именно в рамках институциональных отношений (точнее, на уровне социально-бытовых институтов) происходит трансформация и аккумуляция межпоколенного социально-этнического опыта.

Несомненно с тем традиционные социальные институты образуют в сфере межэтнических отношений особый защитный механизм этноса, так называемый этнический осмос¹⁴.

Механизм действий социальных институтов в кочевом обществе казахов с известной долей условности можно проиллюстрировать на следующих двух примерах. Понятие "Ата коньсы" (или "ата менен" и т.п. — "земля предков"), как известно, означало неприкосновенность и целостность не только своей территории, т.е. территории своих соплеменников, но и других общин. Действительность этого института обуславливалась динамическим равновесием бинарных начал: "наша территория — территории других общин", имевшим едва ли не решающее значение в обеспечении автономного режима, дискретности экономического пространства каждой общины. В свою очередь сбалансированное взаимодействие этих фундаментальных начал регулировалось соответствующими общественными институтами, принципами, нормами самого различного назначения. В частности, целая система ритуально-обрядовых действий была призвана помочь людям прикоснуться к великой благотворительной силе особых объектов — священных гор, рек, озер, рощ, урочищ, культовых сооружений, курганов, родовых кладбищ и т.п. Устойчивость и действенность межпоколенной коллективной (общинной) памяти¹⁵ о данных сакральных объектах обеспечивалась определенным циклом легенд, преданий и мифов. Освященные традицией, эти объекты вкупе с соответствующим ритуально-обрядовым комплексом мотивируют коллективную привязанность кочевников к данной территории, следовательно, являются основным средством (или механизмом) "географической" самоидентификации общины. Так что функция института "ата коньсы" в конечном счете есть функция генерирующая, призванная обеспечить слаженность взаимодействий всех структурных элементов системы землепользования у кочевников. Иначе говоря "ата коньсы", базирующийся на определенном комплексе ритуально-культовых действий, а также строго регламентированный обычным правом и другими соционормативными установками, в сущности являлся особым принципом регулирования землепользования в сфере как внутри-, так и межобщинных отношений.

Хорошо известный экзогамный принцип семейно-брачных отношений у казахов (т.е. запрет брака внутри рода до семи поколений)¹⁶ детерминировал образование сложноразветвленной

5. См.: Еренов З.А. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1960; Сабирханов А. К истории земельных отношений Казахстана в XIV в. (на материалах Младшего жуза) // Казахстан в XV-XVIII вв. Алма-Ата, 1969. С.148-159; Златкин И.Я. Основные закономерности развития феодализма у кочевых народов // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С.255-268, и др.
6. См.: Марков Г.Е. Кочевники Азии, с.288-307.
7. Там же.
8. Понятие "социально-территориальная организация" введено в научный оборот В.И.Козловым в качестве одного из основных признаков этнической общности (СЭ.1967, № 2, с.106; см. также: Куббеля Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1983. С.167-168; и др.)
9. См.: Дахилейгер Г.Ф. Некоторые проблемы историографии кочевниковедения и оседания кочевников и полукочевников в СССР // Вопросы историографии Казахстана. Алма-Ата, 1983, с.54. Эту точку зрения в более развернутой форме высказывает и Н.Масанов (Масанов Н.Э. Социально-экономические проблемы истории Казахстана на рубеже XIV-XIX вв. Алма-Ата, 1984, С.144).
10. См.: Гуревич Л.Я. Категории средневековой культуры. М., 2-е доп. изд. 1984.
11. Киселев Г.С. О роли власти в генезисе классового общества (на материалах доколониальных обществ Тропической Африки) // СЭ. 1987, № 4, с.61.
12. В условиях господства отношений естественной общности, т.е. в собственном кочевом обществе, функции институциональных отношений носят универсальный характер. Об этом см.: Алимбаев Н. Изучение теоретико-методологических вопросов этнической истории в современной зарубежной этнологии (80-е годы) // Вопросы этногенеза в зарубежных исследованиях. Алма-Ата, 1988, С.3-9.
13. Понятие "информационная связь" введено в научный оборот С.А.Арутюновым и Н.Н.Чебоксаровым в качестве одного из основополагающих принципов существования этноса // Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Вып.2. М., 1972.
14. О понятии "этнический осмос" подробнее см.: Арутюнов С.А. Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом

и раннеклассовом обществе. М., 1982. С.76-80.

15. О механизме воспроизводства социальной памяти в бесписьменной этнокультурной среде подробно см.: Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблема переводимости. М., 1987. С.3-11.
16. Арғынбаев Х. Қазақ халқындағы семья мен неке. Алматы, 1973.
17. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1. С.483.

БАЙПАКОВ К.М., ШАРДЕНОВА Ф.Ж.

О РАБОТЕ НАД СВОДОМ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КАЗАХСТАНА

В соответствии с Постановлением Президиума АН Казахской ССР, Министерства культуры Казахской ССР и коллегии Госкомиздата Казахской ССР от 4 июня 1982 г. "О подготовке к изданию Свода" были начаты работы по выявлению, паспортизации памятников и подготовке 10 томов Свода памятников республики. Это будет официальный государственный документальный источник, включающий все недвижимые памятники истории и культуры.

Свод должен обеспечить научную основу для дальнейшего изучения прошлого Казахстана, станет своеобразным фундаментом для пояснения научных концепций и выводов. Он будет стимулировать сохранение национального культурного наследия, глубинных пластов народной памяти. Свод определит достойное место культурного наследия народов, населявших Казахстан в древности и средневековье, выявит их вклад в сокровищницу общечеловеческой культуры, будет способствовать сотрудничеству народов и государств мира в области охраны памятников истории и культуры. Велика роль подготавливаемого издания и в воспитании чувства патриотизма, любви к своей Родине, ее прошлому.

В настоящее время из печати вышел том "Свода памятников истории и культуры Казахстана" по Чимкентской области, подготовлен том по Жамбулской области. Наряду с традиционными методами хранения учетной документации и всех сведений о памятниках, целесообразно всю общую информацию, включенную в Свод, хранить в памяти электронно-вычислительной машины, например, в персональных ЭВМ (ПЭВМ).

Использование персональных компьютеров (ПК) дает возможность выполнять процессы, проводимые ранее в вычислительном

центре с помощью большой ЭВМ, прямо на рабочем месте. При этом эффективность постоянной эксплуатации техники, объем и качество выполняемых работ заметно увеличиваются. В будущем это позволит до минимумажать сроки проектирования и внедрения новых разработок изданий последующих томов, касающихся других областей Казахстана.

В Центре археологических исследований ИИАЭ АН Казахстана для решения поставленной задачи используется персональная ЭВМ "ИСКРА-226". Конструктивно "ИСКРА-226" выполнена в виде настольного центрального блока и подключаемых к нему дополнительных внешних устройств. Весь комплект "ИСКРЫ-226" достаточно компактен.

Взаимодействие пользователя с "ИСКРОй-226" осуществляется посредством интерпретирующей Бейсик-системы, которая обеспечивает выполнение всех необходимых функций по управлению работой машины и программированию на ней.

Машина предназначена для проведения оперативных плановых расчетов и выдачи по ним выходных печатных форм, автоматизации исследовательских работ, работ с локальными базами данных в составе информационно-поисковых систем и справочных систем с представлением информации на дисплее и документировании результатов. На "ИСКРЕ-226" можно выполнять разнообразные расчеты, подготовку текстовых документов, создавать информационно-поисковые системы; осуществлять автоматизированное проектирование и управление научными экспериментами, технологическими процессами и т.д.

В настоящее время на "ИСКРЕ-226" реализовано достаточно большое количество пакетов прикладных программ (ППП) и диалоговых систем — ДИСОТА, ПРОЕКТ, НИВА, ВАМ, СОТИС и т.д. Все они различаются по своему функциональному назначению.

Для начала необходимо сгенерировать небольшую и несложную базу данных, куда будут вводиться сведения о памятниках культуры и истории. Там они будут храниться и накапливаться, а при необходимости в ней можно легко найти сведения о любом интересующем памятнике по каким-то признакам, будь то географическое место, датировка, название, тип или вид, и т.д. Из всех имеющихся пакетов прикладных программ и диалоговых систем необходи-

мо выбрать наиболее подходящий. Учитывая, что они позволяют делать, каковы возможные сферы их применения и условия эксплуатации, остановимся на пакете прикладных программ "ВАМ-Д". Система "ВАМ-Д" разработана специалистами НИИП Госплана Латвийской ССР и специалистами НТПО "Ленсистемотехника". Она предназначена для задания структуры локальных баз данных (ЛБД), обеспечения ввода, корректировки, накопления, поиска и вывода необходимой пользователю информации в соответствии с запросами. Система "ВАМ-Д" представляет собой вариант системы управления базами данных с использованием файлов инвертированных списков. Помимо программных компонентов, выполняющих перечисленные функции, система "ВАМ-Д" обеспечивает ведение словарей, ведение форм ввода-вывода и имеет развитый генератор отчетов для выдачи результатов как на экран дисплея, так и на АЦПУ (алфавитно-цифровое печатающее устройство). Здесь представляется возможность подключения пользовательских программ на языке Бейсик для выполнения функций, не обеспечиваемых стандартными средствами.

Доработанная система "ВАМ-Д" входит в программно-технологический комплекс ведения локальных баз данных "ВЕЛОБАД", предназначенный для создания и ведения информационных систем на персональном компьютере "ИСКРА-226". Функциональные возможности "ВЕЛОБАДа" позволяют использовать его в двух режимах: проектирование ЛБД и эксплуатация ЛБД; можно также проектировать и реализовывать обмен информацией через магнитный носитель между различными базами данных, определенных на одной или нескольких ЭВМ подобного типа.

Система "ВАМ-Д" обеспечивает выполнение широкого спектра операций по формированию и управлению данными пользователя, объединенных в следующие десять технологических процедур:

ПЕРВАЯ основная технологическая процедура обеспечивает ввод и корректировку описаний показателей, т.е. указания основных их характеристик: наименования, типа, длины и других параметров.

ВТОРАЯ основная технологическая процедура — процедура многократного использования — обеспечивает ввод и корректировку классификаторов, т.е. задание и изменение их основных параметров, ввод и корректировку информационных строк классификатора,

содержащих код и наименование показателя. Обращение к данной процедуре позволяет пополнять имеющиеся или открывать новые классификаторы.

ТРЕТЬЯ основная технологическая процедура — процедура многократного использования — обеспечивает ввод и корректировку форм ввода-вывода, которые могут применяться при работе с данным набором информации. С ее использованием осуществляется проектирование на экране дисплея макета вводного документа или выводной таблицы с последующим заданием соответствия между именами вводимых (выводимых) показателей и окнами ввода-вывода. В данном режиме можно корректировать имеющиеся или создавать на основе существующих новые формы ввода-вывода.

ЧЕТВЕРТАЯ основная технологическая процедура обеспечивает ввод и корректировку исходных данных пользователя с клавиатуры по формам ввода. Это основная регулярно используемая процедура обработки информации применяется для поддержки информации пользователя в актуальном состоянии.

ПЯТАЯ основная технологическая процедура обеспечивает поиск необходимой информации в массиве данных и корректировку найденных данных с клавиатуры по формам ввода, содержащим различные наборы показателей.

ШЕСТАЯ основная технологическая процедура обеспечивает поиск информации ЛБД по заданным пользователем условиям, вывод ее на экран дисплея или АЦПУ в заданных формах.

СЕДЬМАЯ основная технологическая процедура заключается в построении инвертированных списков, а также в восстановлении доступа к информации в случае аварийных ситуаций.

ВОСЬМАЯ основная технологическая процедура обеспечивает выполнение широкого набора программ сервисного обслуживания.

ДЕВЯТАЯ основная технологическая процедура обеспечивает массовую загрузку и корректировку массива данных, а также классификаторов с магнитного носителя, если существует файл описания структуры вводимых данных или макет загрузки.

ДЕСЯТАЯ основная технологическая процедура заключается в выводе информации из массива или классификатора на магнитный носитель, с учетом пользовательских запросов на количество и состав выводимой информации.

После загрузки в память машины пакета прикладных программ

управления базами данных начинаем вводить записи. Проще всего это можно сделать, заполняя на экране дисплея "форму ввода", в соответствии с которой будет вводиться и отображаться информация, и "форму вывода", которую будет печатать ЭВМ. Вся информация в базе данных состоит из ряда документов, имеющих единую форму записи. Форма, как правило, включает группу взаимосвязанных полей информации. Каждое такое поле информации представляет собой последовательное число байтов, отведенных для хранения значений данных определенного типа. Кроме того, каждая форма содержит текст примечаний, аннотаций, инструкций и т.д. Форму проектирует пользователь. Она записывается один раз и хранится в памяти машины.

При традиционном подходе к организации базы данных прежде всего необходимо решить, какие элементы информации будут храниться и какой они будут длины. Важно знать длину каждого элемента хранимой информации, так как в этом случае ЭВМ может легко найти любые данные. В данном случае для того, чтобы записать всю имеющуюся информацию о памятниках в память машины, необходимо сгенерировать две базы данных. Один информационный массив, который называется "Свод памятников", будет хранить записи, содержащие краткую характеристику об отдельных памятниках, включая вид, тип, географическое место нахождения, название, датировку и другие сведения, касающиеся каждого отдельного памятника. Другой информационный массив — "Библиография". Здесь будут храниться документы, указывающие фамилии авторов статей, описывающих памятники, названия этих статей и другие различные библиографические сведения.

Рассмотрим вкратце, как строится форма для базы данных "Свод памятников". Для этого нам необходимо знать, что представляют собой показатели и возможности их использования.

Информационный массив в системе представляет собой набор файлов, состоящих из информационных строк. Информационная строка — это набор элементарных данных, называемых в системе показателями. Показатель имеет следующие основные характеристики: имя (идентификатор), наименование, тип, длина, которые могут принимать различные значения. Чтобы выдать сведения по требованию пользователя, в системе необходимо последовательно просмотреть всю информацию массива. Во избежание больших затрат

времени при поиске необходимых данных вводятся показатели прямого доступа. Таким показателям система отдает приоритет, просматривая их инвертированные списки в первую очередь. Инвертированными (отсортированными по возрастанию) списками называют списки значений показателей. Система "ВАМ-Д" позволяет ввести любое количество показателей прямого доступа, но это требует дополнительных затрат внешней и оперативной памяти для хранения их инвертированных списков, а также затрат времени на поиск. Показатели быстрого поиска часто называют ключами, а метод поиска с их использованием — методом поиска по ключам.

Форма для информационного массива "Свод памятников" содержит три ключа: показатель значимости, показатель типа, показатель географического места нахождения. Все памятники различаются по видам. Если это поселение или произведение древнего искусства, то его относят к археологическим памятникам. Если памятник военной истории или памятник производственной и трудовой деятельности — то его относят к памятникам истории. Памятники градостроительства, промышленной архитектуры и инженерного искусства — к памятникам архитектуры; памятники монументальной скульптуры — к памятникам монументального искусства. Таким образом, различают четыре вида памятников — археологические, архитектурные, исторические, монументальные. Инвертированный список классификатора значимости состоит из четырех значений: А — археологические памятники; В — архитектурные памятники; Д — исторические памятники; Ж — монументальные памятники.

Каждый вид памятников включает в себя до 500 наименований типов. Таким образом, инвертированный список показателя типа может содержать 2000 значений.

В документ информация заносится в упакованном виде — кодируется. Кодирование производится произвольным комбинированием цифр или букв. Код географического расположения указывает, в каком районе и области найден памятник.

Остальные показатели (датировка, имя памятника, номер по своду) не являются ключевыми и, потому, не имеют своих списков значений.

В заключение следует отметить, что использование ЭВМ в археологии принципиально меняет предшествующую работу по сбору

и хранению информации о памятниках культуры. Эта работа является первой ступенью в многогранном исследовании материальной культуры прошлого, рассмотренного в ракурсе современной вычислительной техники. Следующим этапом явится более углубленное и детальное систематизирование дальнейших изысканий с применением методов математической статистики.

БУНЯТЯН Е.П.

О КЛАССИФИКАЦИИ И ТИПОЛОГИИ СКОТОВОДСТВА

Вынесенная в заглавие проблема имеет два аспекта: структурный — построение общей классификации и типологии скотоводства и генетический — время и условия появления различных типов скотоводства, пересекающийся с выделением этапов в развитии скотоводства. Эти два аспекта взаимосвязаны, поскольку определенные типы скотоводства возникают на определенных этапах развития производящего хозяйства, но отчасти и самостоятельны, поскольку, раз возникнув, определенный тип скотоводства, технологически не меняясь, мог существовать длительное время.

Хотя представление о разнообразии скотоводства мы черпаем из этнографических данных, классификация в этнографии и археологии выполняет различные функции. В первом случае она направлена на систематику и описание материала, во втором — на реконструкцию деятельности древних обществ. Поэтому отсутствие логичной классификации в археологии сдерживает познавательный процесс. Это особенно касается реконструкции хозяйственной деятельности древнего населения зоны Евразийских степей и полупустынь, где, начиная с энеолита-бронзы, скотоводство становится в силу ряда причин ведущей отраслью деятельности.

Анализ специальных работ, а также недавняя дискуссия на страницах журнала "Советская этнография" (1981-1982 гг.) показывают, что проблема систематики скотоводства сложна и далека от своего завершения. Хотя в этом вопросе накоплен значительный опыт, решение его упирается в поливариантность скотоводства, что порождает трудности в выборе критериев упорядочения. Результатом этого является разнообразие способов решения задачи и неоднозначность терминов.

Причину такого состояния я усматриваю в следующем. 1. Разнообразие скотоводческой деятельности мешало сосредоточиться на логических аспектах проблемы. Оно же привело к тому, что проблема общей классификации ушла в сторону региональных. 2. Четко не разграничены два аспекта проблемы: классификация скотоводства и классификация обществ, его практикующих. Неразграниченность двух объектов систематики привела к тому, что систематика скотоводства проводилась с учетом признаков, характеризующих не только скотоводство как отрасль деятельности, но и общество (социально-экономические показатели, образ жизни, и др.) 3. При таком подходе трудно соблюсти основное правило классификации — единство основания: разные классы выделены на основании различных признаков.

Критическое осмысление опыта по систематике скотоводства позволяет вернуться к этой теме. Напомню, что успех любой классификации зависит от ее критериев. Поскольку речь идет о скотоводстве, то классификацию нужно строить, исходя из него самого, т.е. как определенной отрасли деятельности. А это значит, нужно ответить на вопрос, что и как производится. Иными словами в основу упорядочения материала нужно положить технологические критерии. Это и отражает сущность скотоводства. Все остальные показатели — социально-экономические отношения, степень подвижности, оседлости и т.д. являются результативными, и отражают уровень развития общества в целом, а не только лишь скотоводства. Поэтому использование их в классификации вводит нас в иную систему осмысления — формационную и внутриформационную. Об отсутствии корреляции между разновидностями скотоводства и социально-экономическими показателями свидетельствует тот факт, что различные способы содержания скота, технологически существенно не меняясь, существовали длительное время в различных социально-экономических системах.

Такой подход позволяет создать не только общую классификацию и типологию скотоводства, т.е. определенным образом систематизировать материал, но и сделать их инструментом познания в археологии. Во-первых, он соответствует структуре археологического познания (Генинг В.Ф.), в которой уровень реконструкции — первая ступень — начинается с реконструкции образа жизни, т.е. жизни в ее повседневности, ее технологии. Во-вторых, технологи-

ческая сторона деятельности в отличие от остальных находит наиболее прямое отражение в материальных остатках. Она в наибольшей мере отягощена идеологическими и иными факторами. В-третьих, технология обладает некоторыми системными качествами, что позволяет, реконструировав классы и типы скотоводства, предполагать состояние других отраслей деятельности, как и наоборот. Ведь хозяйство каждого общества — это сбалансированная система, в которой различные отрасли могут развиваться гармонично или одна в ущерб другой. Исходя из разработок Ю.И. Семенова и соотношения земледелия и скотоводства в хозяйстве, можно говорить о трех основных формах деятельности: земледельческой — земледелие играет ведущую роль, комплексной или смешанной — земледелие и скотоводство примерно уравновешены, скотоводческой — скотоводство играет ведущую роль.

Исходя из изложенного, можно предложить следующую структуру классификации и типологии скотоводства. Скотоводство по критерию содержания скота можно разделить на экстенсивное и интенсивное. Первое базируется на выпасе скота, второе — на стойловом содержании. Это — формы скотоводства. В свою очередь скот можно выпасать в течение дня — это будет выгон (синоним: придомное скотоводство), сезона — отгон, круглый год — перегон. Это членение будет зеркально отражаться во второй форме — стойловой: выгон будет сопровождаться возвращением скота на ночь в селение, в стойло; отгон — возвращением в селение на какое-то время, когда содержание скота будет сочетать стойло и выгон; на стойловом содержании, как и на перегоне, скот может находиться круглый год. Таким образом, мы получили варианты форм или классов скотоводства. Сочетание их в пределах года как замкнутого хозяйственного цикла даст типы. Круглогодичное содержание скота в стойле, естественно, не может сочетаться с другими способами содержания скота — оно образует самостоятельный тип. В полной мере он может реализоваться в индустриальном обществе. Это же касается перегона как наиболее экстенсивного способа содержания скота. Остальные варианты могут сочетаться и образуют: сочетание стойла и выгона — стойлово-выгонный тип, сочетание их с отгоном — отгонный тип. Таким образом, мы получили четыре типа скотоводства.

Технологические признаки содержания скота в различных фор-

мах деятельности могут быть сходными, но, сочетаясь с другими элементами, дают разные результаты. Круглогодичный перегон в системе скотоводческой формы деятельности даст кочевничество (все население передвигается за стадами), в системе смешанной — трансгуманс (часть населения живет оседло, часть движется за стадами, территориальное разграничение земледелия и скотоводства). Отгон в системе скотоводческой деятельности будет более продолжительным по времени и имеет своим результатом полукочевой и полуседлый образ жизни, в системе комплексной — лишь приведет к сезонной подвижности части населения. Перегон в различных системах деятельности будет иметь и некоторые технологические особенности. Иными словами в рамках типов можно производить дальнейшее членение — на более низком уровне, отражающее более мелкие детали способов содержания скота.

Обратим внимание еще раз, что предлагаемая систематика касается скотоводства, но не обществ, его практикующих. Дело в том, что в рамках одной общины могут практиковать различные типы скотоводства, что детерминировано видовым, половозрастным составом стада, функциями животных, половозрастным разделением труда и т.д. Кроме этих факторов, действуют и социально-экономические: различные в имущественном и социальном отношениях группы населения могли осваивать различные ресурсные зоны по выпасу скота, практиковать различные способы его содержания, а, значит, вести различный образ жизни и т.д. Таким образом, типология обществ по критерию способа содержания скота должна сводиться к просчету всех возможных комбинаций, что вряд ли целесообразно, так как типов будет очень много, а типология потеряет свои познавательные функции. Поэтому классификацию обществ нужно производить по иным критериям, возможно, образу жизни или иным.

Предлагаемая типология отражает и этапы возникновения различных типов скотоводства. Но генетическая типология является относительной в том смысле, что определенный тип скотоводства возникает на определенном этапе развития общества, но, с другой — не приводит к исчезновению предыдущих типов, с третьей — прогрессивность каждого типа относительна. Определенные формы деятельности, а также типы скотоводства являются не только отражением регионального разделения труда, но и фиксируют его

атопы. Земледельческая форма деятельности и выгонно-стойловое содержание скота возникают вместе со становлением производящего хозяйства (неолит). Распространение производящего хозяйства в разных экологических условиях происходило, вероятно, как в земледельческой форме, так и комплексной (энеолит), которая сочетает земледелие с различными типами скотоводства. Именно в это время, по мнению исследователей, возникает отгонное и перогонное скотоводство. Последнее возникает в условиях низкой продуктивности неполивного земледелия, результатом чего была активизация скотоводства. Для эпохи бронзы можно говорить о возникновении скотоводческой формы деятельности; когда во многих регионах скотоводство начинает играть ведущую роль. На базе технологических и социально-экономических достижений эта форма деятельности получает завершение в возникновении кочевничества на рубеже бронзового и железного веков.

Каждая из этих ступеней является прогрессивной, так как отражает новые формы адаптации древних коллективов к окружающей среде. Вместе с тем, по этой же причине эта прогрессивность относительна: новая форма деятельности не отрицает полностью старую, но лишь в определенных условиях. Поэтому, начиная с эпохи бронзы, все формы деятельности и типы скотоводства сосуществуют. В абсолютном отношении первая форма деятельности наиболее прогрессивна, так как именно земледелие и оседлость являются условием накопления опыта, достижений и их совершенствования.

Каждая форма деятельности в сочетании с типом скотоводства находит свое отражение в материальной жизни. Это и выступает отправным пунктом реконструкции их по археологическим данным.

МАРТЫНОВ А.И.

О СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Каждый период развития археологии вырабатывал свои представления о ценности археологических памятников, свое отношение к ним. Соответственно общественным и научным знаниям вырабатывались определенные приемы их исследования. Меньшую роль

в русской археологии играли технические возможности, так как всегда основным техническим средством полевой археологии была лопата и рабочий. В отечественной археологии до сих пор нет никакой специальной раскопной техники для снятия слоя, зачистки и прочего. Технической вершиной нашей археологии остается обыкновенный строительный бульдозер, скрепер и транспортер.

В каждый историографический период развития науки по-другому выглядели научные и общественные цели раскопок и накопления материалов. Наверное, для XVIII-первой половины XIX в. нельзя еще говорить о какой-то научной методике полевых исследований, она еще не сформировалась как система общих представлений о том, как надо раскапывать археологические объекты, с помощью каких приемов. К тому же преобладали в ряде случаев самые конкретные задачи, которые надо было решить: что, например, находится в курганах, какова их древность, а в некоторых случаях надо было решать научно-политические задачи, как например, при массовой раскопке Уваровым славянских курганов или дружинных курганов в европейской части страны.

Методика полевых исследований в нашем понимании складывается как отрасль научного познания в археологии только в конце XIX в. Фактически тогда были заложены основы современной полевой методики, хотя в ряде случаев, применительно к курганам, она существенно отличалась, например, раскопки курганов колодезем или траншеей. Основное же — стремление получить археологический вещественный материал и ради этого раскопки насыпи "на снос", часто без достаточного изучения, сохранившаяся во многих случаях фиксация материала по механическим штыкам лопаты, фиксация по сантиметрам глубины, расстояний, часто без достаточного установления логической взаимосвязи объектов, — все это было заложено еще в конце прошлого века, как и сама царская система организации полевых исследований — выдачи открытых листов, начало которой было положено почти 150 лет назад Императорской археологической комиссией.

Ясно, что полевая археология в любом случае включает две взаимоисключающие задачи: выявление и уничтожение археологических памятников, даже если это делается в целях научного изучения. Анализируя сегодняшние цели и задачи полевой археологии, ее научные и общественные концепции, уместно поставить вопрос:

отвечают ли они современному уровню развития науки, общественной мысли, задачам сохранения и использования культурного исторического наследия?

Чем же характеризуется сейчас эта отрасль археологии? Здесь можно отметить несколько характерных моментов.

1. Финансовая нищета науки и в силу этого ее полная экономическая, организационная зависимость от строительных программ, которые выделяют средства.

2. Постоянные нарушения закона СССР и республик о сохранении и использовании памятников истории и культуры со стороны министерств культуры, ученых — археологов и землепользователей. Здесь, как правило, отмечается несколько характерных вариантов сложившейся практики. Значительное количество памятников, особенно курганов степной зоны, гибнет при распахе земель. Никто не спрашивал, можно или нет распахать курганы в Хакасии, Забайкалье, Горном Алтае. Их сотнями, а может и тысячами просто сравнили с землей, заменив тем самым культурно-исторический ландшафт. В результате количество памятников мировой и отечественной культуры убавилось по самым приблизительным подсчетам не менее чем в два раза, а при таком подходе, примерно через 15 лет, они могут исчезнуть вообще. Их ждет повторное погребение, навечно, когда уже не останется их следа по поверхности земли.

3. При решении вопросов хозяйственной деятельности на земле всегда на первый план выдвигаются хозяйственные задачи. Памятники же полностью исследуются "на снос" и переходят таким образом из сферы национальной историко-культурной ценности в чисто научную узко-локальную ценность. Такой утилитарно-хозяйственный подход, диктуемый часто узковедомственными экономическими задачами сегодняшнего дня, нельзя считать ни современным по своей сути, ни гуманистическим, ни разумным. Я уже не говорю о том, что такой подход создает иллюзию соблюдения существующего закона, а в действительности его нарушает, так как закон направлен на сохранение и использование памятников истории и культуры, в том числе и археологии. О каком сохранении памятников может идти речь, если в угоду стройкам археологические памятники сплошь раскапываются как мешающие. Никогда при этом не ставится вопрос об их использовании. Кто-нибудь может при-

помнить, где в зоне стройки за последние годы музеефицированы курганы или древние поселения за счет средств строительства? Нигде. Вряд ли нашу концепцию исследования памятников можно назвать современной по своей сути. Такой подход сложился в первые послевоенные годы, а своими корнями уходит в период первых пятилеток, когда существовали совсем другие взгляды на историческое прошлое и другое отношение к "великим" стройкам. Многое с тех пор изменилось, не изменилось только отношение к культурно-историческому наследию, его сохранению.

Современной можно считать только концепцию, содержащую альтернативные варианты, в цепи взаимоотношений — среда, археологические объекты и хозяйственная деятельность общества. Поэтому при решении вопросов об отводе земель под строительство необходимо с современных позиций решать, что важнее — памятники, их сохранение или стройка, которую можно выполнить на другом месте. В случае, если это невозможно, может быть и такой вариант, как обязательное решение вопроса о полной или частичной музеефикации археологических объектов за счет средств строительства. И только третьим, самым примитивным, надо считать в современных условиях такой подход, когда памятники полностью исследуются.

ОЛЬХОВСКИЙ В.С.

ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКАХ МИГРАЦИЙ В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Накопленные к настоящему времени антропологические, лингвистические и археологические материалы позволили констатировать ряд крупных миграционных процессов в степном поясе Евразии в эпоху бронзы и раннего железа, участие в них носителей многих археологических культур. Причины миграций при этом видят либо в изменении социально-экономического строя определенной этнической общности (переходе к кочевому скотоводству, ускорении имущественной дифференциации, зарождении ранне-классовых структур и элементов государственности, демографическом взрыве), либо в глобальных изменениях природно-климатических условий (аридизации, похолодании, потеплении). В причинно-следственной связи с переходом к номадизму, помимо указанных фак-

торов, находится распространение и совершенствование колесного транспорта, овладение почти всем населением навыками верховой езды, появление строгой узды из кости, рога, кожи и металла, а также седла. Подобные условия объективно делали возможным, а при экстенсивном кочевом скотоводстве и необходимым постоянное либо регулярное перемещение значительных групп населения как в широтном, так и в меридиональном направлении. При этом меридиональные миграции более целесообразны и климатически (зона обитания меняется в зависимости от сезона), и географически (нет необходимости преодолевать водные преграды, так как большинство рек течет меридионально). Однако столь же часто фиксируется перемещение населения и в широтном направлении, что вряд ли полностью объясняется "хозяйственной" необходимостью.

В случае отсутствия наиболее объективных — лингвистических и антропологических — данных для обоснования тех или иных миграционных гипотез широко привлекаются археологические материалы, обычно бытовые предметы, оружие, керамика, произведения искусства, в особенности погребальных комплексов. Однако абсолютная выводов, получаемых при анализе подобных источников, опасна, ибо археологические материалы, как известно, в силу своей специфики и фрагментарности не могут отразить реальную историческую ситуацию во всей ее полноте. Так, встречаемость вещей сходных либо идентичных типов (например, скифской "триады") на удаленных друг от друга территориях нельзя считать доказательством перемещения их носителей. Данный случай можно рассматривать как эмпирическое подтверждение неидентичности содержания понятий "этнос" и "археологическая культура". Особенности погребальных комплексов считаются весьма надежными этнокультурными индикаторами, позволяющими проследить передвижение интересующих групп населения; однако и они не всегда абсолютно достоверны и однозначны (так, дискутируется этнокультурная принадлежность создателей ульских, нартанских, келермесских и др. курганов).

Невыясненность механизма межплеменного (межэтносного) обмена культурными элементами в условиях эпизодических либо регулярных контактов (торговля, дань, дарение, добыча, и т.д.) приводит обычно к упрощенной трактовке события (заимствование,

культурное влияние, этническое смешение, миграция). При этом существует опасность результаты саморазвития культурных комплексов в сходных экологических условиях признать результатом заимствования или миграции населения.

Недостаточно разработана и проблема причинности синхронного распространения некоторых культурных явлений на огромных территориях и в разной этнической среде, объясняемая обычно сходным уровнем социально-экономического развития, стадийностью, общими "корнями", "модой", миграциями.

С учетом вышесказанного наиболее надежными признаками миграции определенного этноса (при отсутствии антропо- и лингвистических данных) является наличие на удаленных друг от друга территориях огуло специфических объектов, которые по религиозно-идеологическим и иным мотивам трудно либо невозможно заимствовать или перемещать на значительные расстояния; к таким объектам относятся прежде всего культурные сооружения (святые места, поминальники, крупные жертвенники), а также памятники монументального искусства (изваяния, менгиры, петроглифы). Так, характер распространения стел типа оленных камней в Европе и Центральной Азии с учетом их абсолютного количества определенно свидетельствует о проникновении отдельных групп кочевников в киммерийское время из Азии далеко на запад. Анализ территориально-хронологического распределения скифских изваяний свидетельствует о концентрации основной массы антропоморфов VI в. до н.э. на Северном Кавказе, где они абсолютно преобладают. Севернее (Нижний Дон, Приазовье) ранние изваяния встречаются реже; до половины их числа относится к V-IV вв. до н.э. В Северном Причерноморье преобладают изваяния V и IV вв. до н.э., в Крыму - IV-III вв. до н.э. Изваяния, надежно зафиксировав факт пребывания на данных территориях скифов, отразили и этапность перемещения их основной массы в VI-IV вв. до н.э. с Северного Кавказа в Северное Причерноморье.

Надежными индикаторами районов обитания и путей перемещения населения являются также специфические родовые и племенные знаки-тамги.

КЛАССООБРАЗОВАНИЕ У КОЧЕВНИКОВ

Становление раннеклассовых общественных отношений имело место как в оседлоземледельческих, так и в кочевнических обществах, причем в первом и втором случаях названный процесс реализовывался далеко не идентично. Во многих районах раннеполитические структуры возникали в результате интенсивного взаимодействия кочевников и земледельцев. Ранее мы рассматривали становление раннеклассовых общественных отношений главным образом на материалах оседлоземледельческих обществ¹. Посмотрим теперь, как названный процесс происходил в обществах кочевых скотоводства.

Необходимыми условиями перехода от позднепервобытных отношений к раннеклассовым являются: 1) производство регулярного пищевого прибавочного продукта; 2) его концентрация в руках представителей социально-потестарной знати; и 3) последующая трансформация такого рода сконцентрированного в руках властвующей элиты продукта в престижно значимые ценности, монопольное обладание которыми подчеркивает привилегированный статус знати и в сущности превращает ее в эксплуататорскую прослойку того или иного раннеклассового социального организма. В различных природно-хозяйственных и социально-исторических условиях принципиально возможны и различные способы увеличения производства натурального продукта, его концентрации и трансформации. Ярким своеобразием названные три момента отличаются в условиях кочевых скотоводства.

Древнейшие общины, основывавшиеся на производящих формах хозяйства, как правило сочетали занятие земледелием и животноводством. Это было характерно, в частности, для неолита Передней Азии, где совпадение областей обитания диких предков домашних животных и культурных растений способствовало возникновению комплексной производящей экономики². В условиях распространения производящих форм ведения хозяйства особенности природной среды определяли преимущественное развитие земледелия или скотоводства. Степи и нагорья благоприятствовали второму. По-видимому, что люди всегда и везде стремились к наибольшей эффек-

тивности своего труда. Повышение продуктивности скотоводческого хозяйства на стадии поздней первобытности было связано с расширением ареала выпаса скота, поскольку увеличение площади пастбищ позволяло поднимать численность стад. Однако не все одомашненные животные были способны к постоянному перемещению по обширным территориям. Для максимального освоения пастбищных угодий степей требовался поэтому оптимальный подбор видов скота в самом стаде. В степной зоне, как известно, основой последнего выступал мелкий рогатый скот в сочетании с конем и крупным рогатым скотом.

Можно согласиться с мнением, что переход к кочевничеству стимулировался экологической нестабильностью, в частности аридизацией обширной зоны Средней и Центральной Азии³. Однако важно подчеркнуть, что, выражаясь словами А. Дж. Тойнби, столь удачный "отклик" на "вызов" неблагоприятных обстоятельств, каким был переход к номадизму в обширной зоне Евразийских степей на рубеже II-I тыс. до н.э., в конечном счете был обусловлен позитивными сдвигами в самой трудовой деятельности людей. Последние были связаны, главным образом, с подбором оптимального для степной зоны видового состава стада, изобретением ряда новых технических (в первую очередь — транспортных) средств и развитием соответствующих кочевому способу ведения хозяйства форм организации производственного процесса, в частности — строгую регуляцию использования пастбищ и обеспечение вооруженной охраны стад. Новая, значительно повышавшая роль племенных и межплеменных органов в социально-экономической жизни общества, форма организации производственного процесса представляется важнейшим фактором качественного повышения продуктивности скотоводства при переходе к кочевничеству. Она, в сочетании с отмеченными выше факторами, позволила в благоприятных для скотоводства районах степей добиться производства натурального общественного прибавочного продукта в объеме, достаточном для перехода к раннеклассовым отношениям.

Следующим является вопрос о том, каким образом в условиях кочевого скотоводства обеспечивается концентрация натурального прибавочного продукта в руках знати. Его решение связано с проблемой форм собственности у кочевников. Как показала Е.П. Бу-

чин⁴, основным средством производства у кочевников является земля, а скот, находящийся в частной собственности. Пастбища же используются коллективно и теоретически являются общественной собственностью, однако фактически, в соответствии с универсальными для позднпервобытных и раннеклассовых обществ принципом "власти-собственности"⁵ ими, не без выгоды для себя, контролировалась общинно-племенная знать. Отмеченный дуализм форм собственности органически связан с возможностью реализации общинных, отмеченных Ф.Энгельсом⁶, путей становления эксплуататорских отношений.

В условиях частной собственности на скот каждое кочевое производственное объединение (хозяйственная ячейка) достаточно самостоятельно. Возможность концентрации скота в руках отдельных домохозяйств (что облегчается его легкой отчуждаемостью) способствует сосредоточению средств производства до известного предела в руках влиятельной верхушки. Представители этой верхушки, владельцы крупных стад, обеспечивают своему скоту лучшие условия выпаса, используя труд обедневших сородичей, в ограниченных масштабах, невольников, главным образом — рабов⁷. Корпорация лиц, более других обеспеченных скотом, и экономически, и социально господствовала над массой трудящихся индивидов, а следовательно, и над общиной в целом⁸.

Однако, ввиду экстенсивности кочевого хозяйства, объем получаемого прибавочного продукта лимитирован многими факторами. Увеличение поголовья стад наталкивается на естественные возможности кормовой базы⁹. Кроме того, процесс накопления скота не мог быть бесконечным, так как по мере возрастания обеспеченности скотом того или иного хозяйства, резко увеличивался и падеж животных, так что спонтанно возникавшие процессы его накопления в конце концов прерывались¹⁰. Последнему способствовали и высокая степень зависимости благополучия кочевников от природных условий. Все сказанное определяет весьма ограниченные возможности накопления натурального прибавочного продукта в частных руках в условиях кочевого хозяйства. Поэтому мы вправе предполагать, что огромные богатства, концентрировавшиеся в руках кочевой знати в эпоху раннежелезного века на Алтае¹¹ или в Северном Причерноморье¹² накапливались не в результате эксплуатации зависимых лиц в рамках частных домохозяйств, а благодаря

монополизации вождями и аристократами ведущих общественных функций и, соответственно, права распоряжаться общественными фондами и ресурсами.

Как уже отмечалось, по мере развития кочевого скотоводства неизменно возрастала организационная роль племенной верхушки, опиравшейся уже на свои дружины. По мере возрастания плотности населения и невозможности расширения пастбищ, разделенных между племенами, возрастает военная напряженность. В результате одни потестарно-политические группировки побеждают другие, которые либо вытесняются на другие территории, либо, что представляется более типичным, подчиняются победителям на вассально-данических условиях. Даничество становится основной формой эксплуататорских отношений в кочевой среде, равно как и в отношениях между доминирующими кочевническими объединениями и зависимыми от них земледельческими обществами¹³. Длвиная доля данических поступлений оказывается в распоряжении носителей высшей военно-политической власти. Немалую роль в их обогащении играют и подношения со стороны рядовых членов собственных социумов.

Итак, в системе кочевого скотоводства (конечно, с учетом конкретных экологических и исторических обстоятельств) в принципе могут быть обеспечены и производство, и концентрация в руках знати необходимого для становления раннеклассовых отношений прибавочного продукта. Однако для окончательного утверждения последних необходимо обеспечить его трансформацию из натуральной формы в престижные ценности, в различные виды богатств, сокровищ, предметов роскоши. В принципе это возможно либо в рамках самого общества, благодаря развитию соответствующих ремесел, либо благодаря внешним сношениям — как мирным, торговым, так и военно-политическим, когда требуемые ценности получают в виде трофеев или дани. Но кочевой образ жизни мало благоприятствует развитию связанных со сложными технологическими операциями ремесел. Поэтому основным способом получения товаров престижного потребления становился второй, внешний.

Трансформация сосредоточенного в руках социальной знати натурального прибавочного продукта в престижно значимые ценности на относительно более ранних этапах взаимодействия кочевников с соседними цивилизованными обществами осуществляется

в первую очередь в ходе прямых военных действий. Примерами могут служить киммерийцы и скифы в Передней Азии или вторгавшиеся в то же самое время в Северный Китай племена ди. Продуктивность экономики и концентрация средств обеспечивали им возможность содержания достаточно многочисленных воинских формирований, при помощи которых правящая в кочевых обществах верхушка насильственным образом приобретает необходимые для ее социального самоутверждения ценности. Но на следующем этапе характер отношений между кочевниками и соседним цивилизованным обществом в значительной степени изменяется. Стремясь к регулярности получения престижных ценностей и предметов бытовой роскоши, властвующая элита кочевников становится более заинтересованной в торговых связях. В результате концентрирующейся в ее руках натуральный прибавочный продукт обменивается на импортные товары, распределяющиеся по нисходящим линиям от ханов через его приближенных и глав аристократических кланов на всех представителей знати.

Развитие внешней торговли резко повышает заинтересованность кочевнической верхушки в увеличении объема данических поступлений, что способствует росту агрессивности соответствующих раннегосударственных образований (Большой Скифии, Хагарского каганата и др.). При этом важно подчеркнуть два момента. Во-первых, кочевое скотоводство само по себе всегда нуждается в поступлении продукции земледельческих обществ. Обычно это осуществляется в процессе товарообмена между скотоводами и земледельцами. Однако при явном военном превосходстве кочевников, возглавляющих некое раннеполитическое образование, господствующий слой последнего стремится обеспечить себя продуктами земледелия за счет данических поступлений. Во-вторых, воинское, в том числе и в основе своей кочевническое, государственное образование начиная с эпохи бронзы нуждается в металлургической базе. Но кочевой образ жизни мало благоприятствует развитию металлургии и металлообработки (в том числе и производства оружия) в необходимых масштабах. Металлы, как правило, также получают от оседлых народов, что создает дополнительный стимул для их военно-политического подчинения. При этом знакомство с благами цивилизации, развитие внешнеторго-

вых связей и потребность в наличии специалистов-ремесленников при правителе и его дворе порождают тенденцию к элементарной урбанизации, которая начинается с постепенной трансформации ставки хана-царя в столичный центр утверждающегося раннеклассового государства.

Анализ третьего условия классовообразования применительно специфике кочевых обществ объясняет такие, отмечавшиеся многими исследователями моменты, как, во-первых, возникновение основываемых номадами государств на внешней периферии развитых цивилизаций (скифы – переднеазиатские государства и античные центры Северного Причерноморья; саки и массагеты – древнейшие государства Средней Азии и держава Ахеменидов; сюнну-гунны на востоке – Китай, в Приарале – Мавераннахр, в Европе – обе Римские империи; турки – Сасанидский Иран и Танский Китай; хазары – мусульманский мир и Византия, и т.д.); во-вторых, стремление усиливающихся кочевнических объединений к подчинению соседних оседлоземледельческих племен (собственно скифы – оседлое население Приднестровья и Лесостепной Украины; хазары – алан Северного Кавказа и славянское население восточнее Днепра; авары, болгары, мадьяры – славян Подунавья; бантуязычные кочевники Судана – земледельцев долины р. Нигер, побережье оз. Чад и Восточноафриканского межозерья, и пр.); в-третьих, – появление городских центров на базе ставок правителей, выполняющих существеннейшие функции в системе торговли с соседней цивилизацией (скифское Каменское городище на Днепре; хазарский Итиль и столицы Золотой Орды и Нижней Волге, и пр.). Как и по воле, отставление раннеклассовых отношений у номадов было связано с появлением раннегосударственных структур и первыми шагами в сторону градообразования. Однако неизменно связанное с этими процессами начало перехода к оседлости¹⁴ влекло за собой переобразование собственно кочевых обществ в сторону увеличения удельного веса оседлоземледельческого уклада. Впрочем, данный процесс был легко обратим.

1. Павленко Ю.В. Основные закономерности и пути формирования ранне-классовых городов – государств // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984. С.169–217; Павленко Ю.В. Пути становления раннеклассовых социальных организмов

// Исследование социально-исторических проблем в археологии. Киев, 1987. С.72–84; Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества: генезис и пути развития. Киев, 1989.

2. Винерман В.А. Происхождение скотоводства. М., 1980. С.52.
3. Марков Г.Е. Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. С. 22–81.

4. Бунятян Е.П. Формы собственности у кочевников // Проблемы реконструкции исторического процесса в археологии. Киев, 1985. С.21–43.

5. Васильев Л.С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С.60–99.

6. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.184, 185.

7. Тереножкин А.И. Общественный строй скифов // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С.3–28; Бунятян Е.П. Рядовое население степной Скифии IV–III вв. до н.э. // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Киев, 1981; Генинг В.Ф. Проблема социальной структуры обществ кочевых скифов IV–III вв. до н.э. по археологическим данным

// Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984. С.215–234.

8. Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже VIII–XIX веков. Алма-Ата, 1984.

9. Бунятян Е.П. К вопросу о материально-технической базе кочевых обществ // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984. С.121, 122.

10. Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической..., с.123.

11. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

12. Мозолевский Б.М. Товста Могила. Київ, 1979.

13. Першиц А.И. К вопросу о социальных отношениях у кочевников

// Основные проблемы африканистики. М., 1978. С.8–25; Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975.

14. Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967.

ЭЛЕМЕНТЫ И МОТИВЫ В ОРНАМЕНТИКЕ

(по андроновским материалам)

Из археологических "текстов" орнамент доходит до исследователя в наиболее полном виде. Процедуры, связанные с реконструкцией и гипотетическим додумыванием недостающих частей, здесь сведены к минимуму. Тем не менее, орнаментика, как информационный источник, разработана совершенно недостаточно.

Техника нанесения, коллекционирование фигур, отчасти, семантика — вот, в основном, и все, чем оперируют в археологических исследованиях. Бедный набор направлений в изучении орнаментов объясняет и аморфность терминологического аппарата. Практически все существующие в орнаментике термины не имеют общепринятых значений. "Элемент" и "мотив", может быть, наиболее неустойчивы. В археологической литературе практически отсутствует аргументация того или иного значения этих терминов. Из контекстов же следует, что "элемент" и "мотив" понимаются либо как синонимы, либо обозначают различные по сложности составные части орнамента.

Сразу определимся — вся терминология в орнаментике сложилась на основе морфологического анализа, что соответствует синтактике в семиотике. Синтактика в орнаментике — это формальная грамматика, объясняющая из чего и как строится орнаментальный "текст". В этом плане важно понять этимологию "элемента" и "мотива". (СФЭ, ФЭС, СЭС, Ожегов С.И., 1984). Первый можно перевести как "один из ряда", а второй — "движущий". Не претендуя на бесспорность подобных трактовок, можно, однако, снять неопределенность с рассматриваемых терминов, сформулировав "элемент" как составную часть, а "мотив" как способ пространственной организации.

Эти формулировки не решают проблемы, скорее конкретизируют ее и располагают к новым вопросам уже системного характера; что именно и чего есть составные части и какие конкретно способы пространственной организации имеются в виду.

Начнем с мотивов, поскольку они независимы от конфигурации конкретных фигур и универсальны для любой орнаментальной

системы.

1. Симметрические построения. Они осуществляются при построении осей переноса, осей вращения, плоскостей зеркального отражения и различных их сочетаний. Эти сочетания дают две группы симметрий: бордюры (7 типов) и собственно орнаменты (17 типов) (Шубников А.В., Копчик В.А., 1968). Бордюрные построения наиболее распространены. Их особенностью является трансляция какой либо фигуры вдоль одной оси переноса: ряд треугольников, ряд ромбов, ряд свастик и т.д. В собственно орнаментах трансляция осуществляется в двух измерениях по условной сети из пересекающихся осей переноса: например, бегаящая "шахматная сетка". В особую группу симметрий иногда выделяют розетки (на древней керамике они, чаще всего, встречаются на днищах сосудов). Но их, все же, правильнее отнести к бордюрной группе, так как в них трансляция элемента одномерная, только замкнутая в круг.

2. Деформации. В основном используются три вида: вертикальная, горизонтальная и диагональная. При вертикальной деформации элементы приобретают "приплюснутый" вид: андроновские ромбы, равнобедренные треугольники. При горизонтальной — высота фигур превышает их ширину. В андроне подобная деформация широко не использовалась, но иногда встречается в виде высоких равнобедренных треугольников. Диагональная деформация может встречаться сама по себе и в сочетании с вертикальной (чаще всего) и горизонтальной (гораздо реже). Примерами диагональной деформации могут служить скошенные (вправо или влево) "уточки", "свастики" и так называемые "косые" треугольники.

Кроме перечисленных, встречаются хаотические, бессистемные деформации, свидетельствующие более о недостаточной умелости исполнителя.

3. Ориентация. Любая фигура (собственно орнамента или бордюра) может быть по-разному сориентирована относительно условной или реальной горизонтали. Чаще всего (в андроне) фигуры находятся в устойчивом положении: треугольники, как правило, установлены (или подвешены) так, что одна из сторон параллельна горизонтали. Но достаточно часто встречаются фигуры в положении неустойчивого равновесия (треугольники, поставленные на вершину), или откровенно "падающие" (наклонные отрезки). Кроме того,

фигуры могут быть "левыми" и "правыми" в зависимости от того в какую сторону они "падают", "стремятся" или закручены (разнонаклонные отрезки, "левые" и "правые" "свастики", "уточки").

4. Мерность. При общем разнообразии фигур все они распадаются, в основном, на две группы: одномерные и двумерные. К одномерным относятся замкнутые по периметру сосуда линии, отрезки линий и звенья зигзагов. Двумерные фигуры преобладают: треугольники, ленты, ромбы и прочие, представляющие собой замкнутый контур.

К мерным мотивам относятся также: размер отдельных фигур, их частота в ряде бордюра или собственно орнамента и частота бордюров по вертикали (зонирование) (Рудковский И.В., 1989).

5. Последовательность трансформаций. Прежде, чем композиция в целом, бордюр или отдельный элемент приобретет окончательный вид, художник выполняет ряд последовательных операций. Композиция может строиться сверху-вниз, снизу-вверх, параллельно, слева-направо или справа-налево. Для двумерных фигур может первоначально наноситься одномерный эскиз, но может сразу обозначаться плоскость с последующим оконтуриванием.

Определение этих мотивов достаточно сложно. Наиболее ценны в этом плане незаконченные орнаменты.

6. Позитив-негативные преобразования. широко распространены в орнаментах, где используются двумерные фигуры. Суть этих преобразований заключается в том, что художник, после того, как рассечет поверхность сосуда одномерными линиями, может выбирать, какими выделенным плоскостям придавать статус "позитива", покрывая их штриховкой, а какие оставлять нетронутыми. При этом "негатив" (незаштрихованные плоскости) не остается пассивным в орнаментальном "текоте", а находясь в постоянной оппозиции к "позитиву", является источником альтернативных решений при образовании отдельных фигур и композиции в целом (Рудковский И.В., 1987).

В андроне подобные вариации происходят, чаще всего, вокруг двойного зигзага. В первом варианте штрихуются верхняя и нижняя плоскости. В результате получаются два ряда треугольников. При штриховке плоскости между зигзагами получается двумерная зигзаговая лента. При одной и той же (инвариантной) основе — совершенно неодинаковые решения.

Выделенные 6 классов мотивов характеризуют андроновскую традицию, но для орнаментики в целом этих классов будет больше: симметрия подобия, цветовая симметрия, трехмерность элементов и т.д. Главное, что вытекает из понимания природы мотива — их инвариантность по отношению к конкретным воплощениям. Именно благодаря мотивам мы объединяем как андровские совершенно разные орнаменты, разделяем орнаменты как разнотрактные о идентичным набором элементов, но чуждые в своей организационной основе.

При общей подчиненности мотивам, элементы в орнаментике играют свою роль как воплощение идеальной схемы, а наиболее отличительные из них маркируют конкретную орнаментальную традицию, связанную с определенными комбинациями мотивов.

Элемент в орнаментике имеет не только общее значение. Орнамент является многоуровневой структурой, единицы и связи в которой обладают определенной автономией, модульностью. Самым основным модулем выступает композиция в целом. Она автономна и неделима по отношению и к другим композициям, выступает как элемент некоторого числа композиций. Сама композиция состоит из бордюров, которые элементарны по отношению к композиции. По этой же схеме элементом бордюра определяем наибольшую повторяемую его часть. Но и эта часть может быть составлена из каких-то фигур и они будут элементарны по отношению к наибольшей повторяемой части бордюра.

На данном этапе мы выделили 4 класса элементов: на уровне серии композиций, на уровне одной композиции, на уровне бордюра и на уровне бордюрной фигуры. Вероятно, в андроновской орнаментике (а тем более в орнаментике вообще) эту дробность можно увеличивать — насколько это будет необходимо для извлечения из орнамента исторической информации.

Подводя итоги, напомним, что определения "элемента" и "мотива", в понятийном плане, их состава и роли в орнаментальном текоте осуществлялось с позиций синтактики. Исследования в области семантики и прагматики в орнаментике, безусловно, дадут "мотивам" и "элементам" свои трактовки, не альтернативные выше приведенным, а отвечающие своим особым задачам.

АРТЮХОВА О.А.

МУСТЬЕРСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЕМИРЕЧЬЯ (АКТОГАЙ I-4)

Палеолитические памятники в горах Семиречья до недавнего времени не были известны. Это объясняется, с одной стороны, тем, что в активно поднимающихся горных районах, да еще лишенных карстовых пещер, очень немного мест, благоприятствующих сохранности объектов столь древнего возраста; с другой стороны — отсутствием методики их целенаправленного поиска. Специальные разведочные работы, построенные на начальником стратиграфического отряда ИГН им. К.И. Сатпаева АН КазССР Б.Д. Аубекеровым в 1986 г. на основе анализа геологических, геоморфологических и экологических условий, благоприятствующих обитанию первобытного человека, позволили найти следы его жизнедеятельности в урочище Актогай на левом берегу р. Чарын (междуречье Чарын-Чили, горы Кунгей Алатау) I.

В своих верховьях долина р. Чарын представляет сочетание глубоко врезанных (до 800-850 м) в палеозойские породы теснин, на дне которых бьет мощный водный поток, и расширяющихся участков, где на склонах высотой до 150-200 м обнажаются палеоген-четвертичные глинисто-галеchnиковые отложения (илийская и хоргосская свиты) и нижнечетвертичные лессовидные суглинки.

Расширенные участки протяженностью до 20-25 км служили рефугиумами для растений и животных во время гляциалов; и сейчас они заняты тугайными пойменными лесами, образуя сложный интразональный тип растительности на фоне сухостепных ассоциаций водо-раздельных пространств.

Стоянки каменного века следовало искать в местах, где скалистые каньоны переходят в расширения долины, где разнообразие формы поверхности, богаче и доступнее каменное сырье. Ягоды, птицы и животные тугайных зарослей представляли неисчерпаемые запасы пищи для первобытных охотников и собирателей. Кустарники и деревья давали топливо и материал для сооружения жилищ. А стада копытных животных водораздельных степей служили самым подходящим объектом загонной охоты. Таким участком и представляется левый борт долины в урочище Актогай у входа в

каньон и на несколько километров вверх по течению р. Чарын.

Здесь левый берег высотой до 200 м усложняется за счет серии просяных в него денудационных или эрозийных террасовидных поверхностей. Самая высокая I (водораздельная) поверхность считается среднеплейстоценовой. II-III поверхности сохранились отдаленными фрагментами незначительных размеров. Именно здесь были обнаружены палеолитические каменные изделия.

Первые разведочные сборы показали, что концентрация каменных артефактов очень мала. Наибольшее их количество приурочено ко II и III поверхностям. Изготовленные из серо-зеленых кремнистых палеолитов, изделия имеют сильно заглаженную поверхность, покрытую густой патиной оранжевого цвета. Реже встречаются артефакты из коричневых порфиритов с белесой тонкой патиной. Сырье встречается тут же в виде обломков эльвий, галек или валунов.

Каменные изделия происходят из нескольких пунктов:

Актогай I. В 5 км вверх по течению от зимовок Актогай и устья долины Копалысай. Сборы здесь, как и в других пунктах урочища Актогай, производились по поперечному профилю долины через все террасовидные уровни. Из этого пункта получена самая многочисленная коллекция каменных орудий и отходов их производства. Наибольшая концентрация артефактов отмечена у бровки II поверхности, где и произведены сплошные сборы с разбивкой на квадраты. Изделия залежали очень разреженно — не более 7 экз. на 100 кв.м. (см. рис. I). Всего на площади более 6000 кв.м. собрано 122 артефакта, среди них: 4 нуклеуса (3 — леваллуазские, 1 — дисковидный); 33 орудия: 8 отщепов леваллуа (рис. 2: I-5, 7), 5 трехугольных сколов леваллуа (остроконечники) (рис. 2: 6, 8), 5 пластинок леваллуа (3 фрагментированные 2 целые), 5 зубчатых орудий (рис. 3: I, 4, 6, 9), 1 выемчатое орудие (рис. 3: 3), 3 скребла (рис. 3: 8, 10), 1 изделие с бифасиальной оббивкой, напоминающее рубильце (рис. 3: 2, 5), 3 ножа с естественным или частично аккомодированным обухом (рис. 3: 3, 5), 1 тронкированный отщеп с вогнутым утолщением (рис. 3: 7), 1 бивентральный скол. Остальные артефакты представлены 14 первичными, 26 полупервичными сколами, 17 отщепами, лишенными корки, обломками со следами искусственных сколов.

На площадке III уровня размерами 50x50 м собрано 28 артефактов, в том числе 1 выемчатое, 2 зубчатых орудия и 1 обломок со

следами бифасиальной обработки. Треть образцов отличается сильной окатанностью и их искусственное происхождение вызывает сомнения.

На II поверхности за пределами квадратов и на склоне между II и III уровнями найдено еще 20 артефактов, среди них: I нуклеус леваллуа. I нуклеус – левало, 2 скола леваллуа атипичных, I треугольный скол леваллуа, I зубчатое орудие (рис. 8:9) и I простое выпуклое скребло.

Актогай 2. Находится в 2,5 км к северу от предыдущего в аналогичных геоморфологических условиях. Пробные сборы показали, что плотность находок здесь меньше. На II уровне найден I вторичный отщеп; на III уровне – 10 артефактов, в том числе I нуклеус (двусторонний двуплощадный бомбовидный), 2 отщепа леваллуа, I остроконечник леваллуа; на IV уровне – I остроконечник леваллуа атипичный, I изделие со следами бифасиальной обработки; на V уровне – I обломок со следами искусственных сколов.

Актогай 3. К северу от Копалысай, у входа в каньон р. Чарын на выработанной в палеозойских породах небольшой (около 200 кв.м) площадке УП уровня собраны коллекция из 15 изделий, покрытых густым пустынным загаром черного цвета: нуклеус протопризматический, заготовка одностороннего одноплощадочного нуклеуса леваллуа, великолепный массивный чоппинг, бракованная заготовка чоппинга, I отщеп и I остроконечник леваллуа, "цитрон", бифасиальное изделие треугольной формы (топорик?).

Актогай 4. В левом берегу р. Чарын к северу от Копалысай вдоль опор линии электропередач на дедукционной площадке (УП уровень) собрано 7 артефактов, среди них остроконечник леваллуа и нож из пластины леваллуа. Один полупервичный скол найден на следующей по высоте площадке UI уровня. Изделия здесь выглядят более "свежими" – менее окатаны, почти не патинизированы, изготовлены из темно-серых и коричневых пород.

Между этими местонахождениями нет естественных границ: многочисленные изделия можно было найти на все протяжении исследованного участка.

Всего на Актогайских местонахождениях собрано 201 каменное изделие. По техническим и типологическим признакам они довольно однородны. Между изделиями с разных геоморфологических поверхностей технико-типологические различия пока не прослеживаются

(возможно, из-за малочисленности материалов). А вот состояние поверхности (патинизация, выветренность, оглаженность) изделий, связанных с поверхностями, выработанных в плиоцен-плейстоценовых рыхлых отложениях и в скалистых палеозойских породах – резко различается. В первом случае изделия из серо-зеленых алевролитов покрыты рыхлой рыжей патиной, из эффузивов – белесой; во втором – происходило образование черного густого хорошо листрованного пустынного загара.

Среди орудий (в общей сложности 55 экз.) преобладают сколы леваллуа – 54,5%. Нуклеусы (8 экз.) в большинстве случаев также представлены леваллуазскими формами. Изделия довольно крупные, преобладает длина 5-6 см.

Немногочисленность и разрозненность находок Актогайских местонахождений, их типологический состав характерны для эпизодических охотничьих стоянок. Стационарные стоянки-мастерские нам найти пока не удалось.

Итак, целенаправленные поиски палеолитических каменных изделий, основанные на геологических, геоморфологических, палеонтологических данных, позволили открыть в верховьях р. Чарын остатки древнепалеолитических охотничьих стоянок. Материалы с них немногочисленны, но типологически определяются довольно четко как мустье леваллуа. Мустье леваллуа известно на Алтае (Усть-Канская, Страшная, возможно, Двуглазка)², и в Средней Азии (Кайрак-Кумы, Джар-Кутан, Ходжакент)³. Актогайские местонахождения отчасти заполняют лакуну между ними.

Геологические и геоморфологические данные не противоречат археологическому возрасту местонахождений Актогай I-4 в пределах начала-середины верхнего плейстоцена. Великолепный чоппинг дает надежду найти здесь и ашельские материалы.

В Казахстане известны памятники мустье типичного (Кожкуртан), мустье ашельской традиции фации леваллуа (Хантау, Семизбугу, Турапта и др.), мустье зубчатого (Толкули, Бурма и др.), мустье-соан (?) (Музбель). Теперь этот ряд можно дополнить местонахождениями мустье леваллуа (Актогай I-4).

И. Артехова О.А., Аубекеров Б.Х. Изучение палеолитических памятников Южного Казахстана и Семиречья // АО 1986 г.М., 1988, С. 476-477.

2. Абрамова З.А. Ранний палеолит Азиатской части СССР // Палеолит СССР. М., 1984.

3. Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.

ВОЛОШИН В.С.

ОБ ИСТОКАХ ПАЛЕОЛИТА В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

Ввиду накопления полевых материалов целесообразно рассмотреть вопрос о начальных этапах палеолита в регионе, имея в виду прежде всего проверку представлений М.Н.Кляпчука и А.Г.Медоева.

Позиция М.Н.Кляпчука не нашла полного отражения в печати, но в нашем распоряжении имеются рукописи. Из них следует, что при интерпретации скудных тогда материалов по древнему палеолиту Центрального Казахстана, М.Н.Кляпчук следовал популярной в то время концепции Х.Мюллера и по сути дела механически переносил известное противопоставление культурных традиций Запада и Востока на новую территорию. Он соотносил древний палеолит долины р.Сарысу с двумя культурными образцами: азиатским — галечным (Обалысан) и европейско-ближневосточным ашельским (Жаман-Айбат 4). Галечная индустрия Обалысана связывалась с первой серией древнего палеолита хребта Каратау, которую Х.А.Алишбаев (1962) в свою очередь выводил из Северного Китая (Чжоукоудяи IV, 1) и относил вместе с артефактами из конгломератов р.Арыстанды к миндель (Х.А.Алишбаев, Н.Н.Костенко, 1968). Позднеашельский памятник Жаман-Айбат 4 соотносился соответственно с ашелем Ближнего Востока. Существенным моментом в оценке возраста обоих памятников помимо типологии инвентаря выступали геоморфология, приуроченность памятников к палеодолине Сарысу, протягивавшейся в меридиональном направлении через пустыни Бетпак-дала и функционировавшей, по данным геологов, в нижнем плейстоцене (миндель). Эта долина, по мнению М.Н.Кляпчука, могла обеспечивать пути мигрантов с юга на север в конце нижнего — начале среднего плейстоцена, когда шла инфильтрация населения с хребта Каратау (Обалысан), и в плейстоцене среднего плейстоцена, когда носители культуры ашеля более сложными путями, через Прикаспий переселялись из Ближнего Востока на мелкосопочник (Жаман-Айбат 4). Двучленная модель переносилась М.Н.Кляпчуком и

на более поздние периоды палеолита: так, по его мнению, в долине верхнего плейстоцена в бассейне Сарысу осуществлялась индустрия мустьер-сванский (галечная индустрия Музбей) и индустрия ашельской традиции (индустрия с двухсторонними орудиями Айдарлы 2). Воспитанный на европейских материалах и привыкший в своих работах традиционную терминологию, М.Н.Кляпчук скептически относился к попыткам А.Г.Медоева обосновать особый путь эволюции палеолита в регионе; он не принял даже "культуры леваллуа-ашель", не без основания подозревая, что эти материалы, в частности Кудайколь, относятся к верхнему плейстоцену и, возможно, к его второй половине. Возможность нахождения на мелкосопочнике палеолита более древнего, чем миндельский, равно как и процессов антропогенеза на данной территории М.Н.Кляпчук категорически отвергался.

Взгляды А.Г.Медоева на палеолит Центрального Казахстана, хотя они с годами менялись, всегда носили только общий характер, что объясняется феноменологическим подходом автора. В отличие от М.Н.Кляпчука он делал акцент на целостности палеолита Казахстана, которую усматривал в особенностях сложения и развития, в значительной степени детерминированных фактором природного окружения. Картины, нарисованные А.Г.Медоевым, как правило, лишены сколько-нибудь скрупулезного фактического обоснования и могут удовлетворить разве что критерию красоты построения; отсюда и критика этих построений должна сосредоточиться по преимуществу на предпосылках, владевших автором.

Важное значение имеют последние работы автора (Волошин В.С., 1980; 1982). А.Г.Медоев принимает новую датировку — позднеплейстоценовый возраст, артефактов из конгломератов р.Арыстанды и отныне в своих реконструкциях древнего палеолита Казахстана исходит из представления об автохтонном пути становления человека в Азии за последние 2 млн. лет. Стержнем его концепции особенной культурной эволюции в палеолите Казахстана становится постулируемая "оригинальность большинства палеолитических культур", тотальное господство здесь "культуры леваллуа-ашель", понимаемой в качестве одной из всеобщих тенденций в палеолите, лицо которой в Казахстане определено ранним появлением техники леваллуа (возможно, в нижнем плейстоцене), присутствием рубил, колпунков, кливеров, на Маңғышлаке — техники

комбева. Наряду с материалами Кудайколя (Левобережное Прииртышье) и Шахбагаты (Мангышлак), к леваллу-ашелю теперь отнесены древний палеолит Карауау как культура леваллу-ашеля "в ее очень раннем варианте (на стадии среднего или, возможно, древнего ашеля)", т.е. территориально весьма далекие друг от друга памятники. За рамками этой культуры остаются только индустрии Северного Прибалхашья, формирующие другую линию, в основании с ашелем, "с рубилами и клетонской техникой, но без колунов и кливеров" (I пол. среднего плейстоцена), развивающаяся в направлении мустье с ашельской традицией, фации леваллу (2 пол. среднего - I пол. верхнего плейстоцена). Происхождение ашеля не известно, однако из ранней работы (Медоев А.Г., 1965) можно понять, что клетонская традиция сложилась как следствие техноморфопреобразующей функции исходного сырья. Развиваясь параллельно этой линии, культура леваллу-ашель эквивалентна на стадии I (I пол. среднего плейстоцена) - среднему, развитому ашелю, на стадии II (2 пол. среднего - I пол. верхнего плейстоцена) - мустье традиционной европейской периодизации. Свое начало она берет в культуре протолеваллу-ашель, для которой на Мангышлаке, вопреки сложившимся представлениям о возрасте каспийских террас, теперь предлагается позднеплиоценовый возраст. Обоснование возраста протолеваллу-ашель А.Г.Медоевым в аспектах как геоморфологии, так и типологическом слишком общее, и в таком виде оно не может быть принято. Вызывает удивление констатация автором "разительного сходства" индустрий с олдувайской культурой, в связи с чем приводится ряд форм - колуны, бифасы, крупные отщепы, отщепы леваллу, т.е. всем известные элементы ашеля Африки (!). Автор допускает возможность смещения в выборке элементов олдувая и древнего ашеля, однако, каковы собственно элементы олдувая в культуре протолеваллу-ашель, мы, к сожалению, так и не узнаем. Соответственно теряется почва и положение о формировании культуры на олдувайском субстрате. С другой стороны, связь протолеваллу-ашеля с леваллу-ашелем, очевидная для автора, хотя он и отмечает возможный длительный временной интервал между двумя культурами, жидется всего лишь на одной и притом весьма проблематичной аналогии с бифасом Кудайколя. Бифасы протолеваллу-ашеля Мангышлака, как отмечает сам автор, обладают редкой особенностью

(лигнитские размеры, обработка короткими сколами по краям) и почти не имеют аналогов! Бифасы Кудайколя, как их описывает сам автор (Медоев А.Г., 1968), совсем другие. Сказанное, на наш взгляд, достаточно иллюстрирует уровень обоснованности модели А.Г.Медоева, призванной на археологическом материале реализовать идею автохтонного пути становления человека в Азии.

Исследования последних лет принесли новые и значительные материалы по древнему палеолиту Центрального Казахстана. Как и прежде, это преимущественно подъемные собрания - сборы проводимые в Обалысане, Музбеле, Жаман-Айбате, Кудайколе, на новых местонахождениях Ак-Кошкар I, 6, Вишневка 3-6, Мизар, Каменная, Курма I-4-15. Вместе с тем, что очень важно, группа памятников древнего палеолита обнаружена в известном разрезе четвертичных отложений у с.Батпак, зафиксирована в четком стратиграфическом положении, в полном разрезе, обоснованном магнитостратиграфическими данными, с чередованием фаз эрозии и аккумуляции осадков, лессов и ископаемых почв. Анализ материалов еще не закончен, однако в контексте приведенных выше представлений М.Н.Клапачко и А.Г.Медоева можно отметить следующее.

I. Правильность установки А.Г.Медоева на поиски позднеплиоценового палеолита в Центральном Казахстане подтвердилась в ходе работ в Батпаке. Индустрии Актасты I и II (Актастинский комплекс) получены из нижней Актастинской толщи, обратномагнитической, являющейся литолого-отрафигическим аналогом Музбельской свиты позднего плиоцена. Индустрия Актасты I приходится на основание этой толщи и может быть отнесена к нижнему-среднему ополону. Индустрия Актасты II заключена в выразительном педокомплексе, который венчает толщу, и является скорее всего верхнеплейстоценовой (глин). На указанной толще с разрывом залегает верхняя Актастинская толща, которая также характеризуется обратной намагнитченностью, и только в верхах наблюдается переход к прямой намагнитченности. На породах обеих Актастинских толщ со слоями локальных разрывов залегает так называемые "водораздельные суглинки", в которых наблюдается два горизонта автоморфных ископаемых почв. Суглинки охарактеризованы прямой намагнитченностью, выделено 6 эпизодов-экскурсов обратной намагнитченности (определение М.Кунаева). Толща "водораздельных суглинков" на севере Центрального Казахстана геологами обычно относится

к нижнему-среднему плейстоцену; в новой стратиграфической схеме Казахстана она выделена в ранге Батпакской свиты нижнего плейстоцена. Обе Актастинские индустрии содержат весьма аморфный материал, трудно диагностируемый по причине грубости сырья — трещиноватых кварца и изверженной породы протерозоя. Однако, среди орудий присутствуют отщепы, пика с обработкой боковых краёв, а также очень грубое, крупное копьевидное рубило с массивной скошенной пяткой-гранью (Волошин В.С., 1989). Индустрии следует сопоставлять: Актасты I с артефактами из конгломератов р. Арystаиды, а также древнейшими памятниками Кита (Сихоуду и др.); Актасты II с памятником Куль-Дара в Южном Таджикистане, рядом памятников Северного Китая (Нихэвань).

2. Среди имеющихся материалов по древнему палеолиту Центрального Казахстана отсутствуют сколько-нибудь убедительные следы культуры протолеваллуа-ашель, типа, зафиксированного на Мангышлаке. Представляется, что эта культура, отличительной чертой которой является совершенно удивительная манера обработки краёв орудий небольшими чередующимися с обеих сторон сколами, которые формируют таким образом извилистые края, моделируют в плане формы бифасов, оформляют пятки рубил и колунов, манера, почти патологически реализуемая мастером по ребрам крупных отщепов, колунов и грубых бифасов из них, а также протолеваллуазского элемента (приготовление ударных площадок на нуклеусах, плоскостное расщепление), то этот комплекс в Центральном Казахстане действительно уже в развитом виде вместе с пиками, триэдрами, грубыми рубилами с пяткой в I-ой, древнейшей серии подъемных собраний Ак-Кошкара I и 6, Кудайколя I4-I6, которую следует, видимо, сопоставлять с первой серией древнего палеолита Каратау и относить к нижнему плейстоцену (времена Дантиана-Гунваняня, Кехэ, Чжоукоудяня I3 в Китае). На некоторых бифасах этой серии уже заметны признаки использования миткого отбойника. Ассоциации с ранним ашелем Африки здесь бесспорны.

3. Дихотомическое описание древнего палеолита региона (по модели Х.Мовиуса) не бесспорно: последний обладает гораздо большей целостностью, чем предполагал М.Н.Кляпчук. Древние серии галечных материалов Обалысана, а также Музбея, аналогии которого с мустьеро-сованом (Кара-Бура), отмеченные М.Н.

Волошиным (1989), незначительны и случайны, близки к типу "та-мания культура" (наличие выразительной серии чопперов), однако имеют ряд обстоятельств — сходство нуклеусов и отщепов с та-манией, хорошая дифференцировка среди чопперов, чоппингов и нуклеусов, обилие орудий на целых гальках, отсутствие та-х-мания "цитронов", наконец единичные рубило с пяткой и кливер — позволяют склониться в интерпретации индустрии как галечной индустрии ашеля.

4. Установление большой древности палеолита региона, наличие в северных районах развитого ашеля с выразительными бифасами (Волошин В.С., 1987, 1988) и леваллуазской техникой (Караульковский комплекс: древние серии Вилшевки 3, Мизар), раннего охотничьего ашеля на Ямал-Айбат 4, лишает смысла понятие протоашеля на Ближнем Востоке (М.Н.Кляпчук), тем более, что Средняя Азия не дает примеров столь выразительного ашеля, как Казахстан.

5. В оценке возраста макроиндустрии с бифасами, отнесенной к I-му периоду к леваллуа-ашелю, ранее была совершена ошибка. Этот стратиграфический материал, цветом, "близким к цвету свежего излома", в Кудайколе не только не является древнейшим, соответствующим денисовскому возрасту 4-ой озерной террасы, но составляет здесь 4-ую серию; третья же серия еще плохо изучена, но включает выразительные нуклеусы леваллуа, имеющие аналоги в мустье леваллуазской традиции (тип Шотона I-2). Бифасная макроиндустрия 4-ой серии Кудайколя в северных районах образует устойчивую традицию, представленную несколькими хронологическими сериями и на разном сырье. По-видимому, она покрывает здесь весь ранний плейстоцен, и если судить в большом масштабе, завершается палеолит региона, и по этой логике должна ставиться в связь с такими культурами как форсмит, санго, дунемба, но отнюдь не с ашелем Африки. Материалы имеют много сходств с "леваллуа-ашелем" Мангышлака, в связи с чем положение образцов последней на раннехвалынской террасе нам не кажется парадоксальным.

К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУТАЦИИ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ТУРГАЙ Ш ТЫС. ДО Н.Э.

За последнее десятилетие в пределах Тургайского прогиба было выявлено и изучено около 80 энеолитических памятников, датируемых от XXII до XIV в.в. до н.э.¹. Сопоставление полученных нами материалов с одновременными материалами других территорий показало, что имеется обширный круг памятников, имеющих специфическую, близкую нашей керамику.

Специфику ей придает богатая геометрическая орнаментация, в которой заметную роль играют композиции с вертикальным членением орнаментального поля. Прежде всего это терсекские памятники Тургайского прогиба, Ботай, памятники кыскульской, липчинской и аятской культур. Они локализованы на значительной территории, прилегающей к рекам Тобол, Ишим, Артыш и их уральским притокам. Самые северные памятники этого круга (аятские), по сообщению М.Ф. Косарева, известны в бассейне р. Конды². Наличие керамики аятского типа на чужьяельских памятниках Северного Приуралья заставляет учитывать возможность обнаружения памятников с подобной керамикой и в Нижнем Приобье, севернее р. Конды³. В какой-то мере в пользу этого свидетельствуют и факты находок керамики с сотовой орнаментацией на нижнеобских памятниках Малый Атлым, Сорынзя II и др.⁴. В лесной и лесостепной зоне западная граница этого круга памятников, вероятно, проходила по Уралу. Однако по крайней мере в отдельные периоды сфера его влияния распространялась, судя по всему, и на часть Приуралья. Об этом свидетельствуют памятники среднего этапа чужьяельской культуры и стоянки типа Месягутово и Средняя Оже в Башкирском Приуралье. В степной и полупустынной зоне памятники рассматриваемого круга локализованы в Урало-Ишимском междуречье. Самыми южными памятниками пока являются южнотургайские стоянки Кумкешу I и Кожай I. Однако следует учитывать, что вероятность обнаружения аналогичных памятников к югу от них достаточно велика. Неолитические и энеолитические древности Центрального Казахстана практически еще не изучены. Как далеко на восток распространяются памятники этого типа, сказать пока трудно. Таким образом, очерченный круг памятников зани-

мает огромную территорию нескольких географических зон. Вопрос интерпретации отмеченной близости орнаментальных композиций керамики столь обширной территории сложен.

Среди специалистов давно уже утвердился тезис о том, что среди массовых категорий находок наибольшей этнической информативностью обладает керамика, а в ней орнаментальные узоры. Рассматриваемый круг памятников дает к этому дополнительные основания.

Мы уже обращали внимание на то, что он включает в себя различные географические зоны. Это привело к тому, что освоение их группы населения практиковали разные типы хозяйства в зависимости от географической зоны обитания. Для лесостепной и степной зон реконструируются производящие формы хозяйств⁵, часто с незначительным удельным весом непродовольственных форм⁶. Для обитателей лесной зоны основными были присвоивающие формы хозяйства⁶. Поскольку для украшения посуды использовались одни и те же узоры, можно сделать вывод, что интересующий нас орнаментальный комплекс не зависел от хозяйственной деятельности; мы вправе его рассматривать как символ определенного этнического единства. Это единство не могло бы существовать столь длительное время без наличия достаточно регулярных контактов. Без таких контактов оно (единство) неминуемо распалось бы. Следовательно, у нас есть основания считать, что рассматриваемые памятники в своей совокупности представляют этнокультурную или историко-этнографическую общность, которую предлагаем назвать общностью (областью) культур геометрической керамики. Конечно, название это несколько условно.

Вместе с тем, уровень развития коммуникаций того времени не мог обеспечить всеобъемлющих связей, которые могли бы привести к полной нивелировке материальной и духовной культуры, что создает возможность для выделения локальных археологических культур. Работа эта большей частью была проделана предыдущими исследователями, выделившими такие культуры на территории к северу и к северо-западу от Тургайского прогиба. Сстановимся, однако, на проблеме культурной принадлежности памятников Тургайского прогиба, тем более что уже намечались определенные разногласия по их трактовке.

Впервые материалы энеолитических памятников Тургайского

протига были опубликованы А.А.Формозовым, который на их основе с привлечением материалов орских стоянок и Кысы-Куля выделил "южно-приуральскую", "терсек-карагайскую" культуру⁷. Это не встретило особых возражений специалистов, лишь К.В.Сальников выступил резко против включения в эту культуру поселения Кысы-Куль. Он склонен был выделять казахстанские памятники в особую группу, признавая при этом их сходство с Кысы-Кулем⁸. Г.Н.Матюшин в последней монографии, не зная наших материалов, колеблется в отнесении терсекских или, как он их называет, волед за К.В.Сальниковым, кустанайских памятников к суртандинской культуре, хотя поселение Ботай называет типично суртандинским памятником⁹. Познакомившись же с материалами новых тургайских памятников, он стал относить их вместе с Ботаем к суртандинской культуре¹⁰.

Нам уже приходилось писать об отличительных признаках памятников Тургайского протига и Южного Зауралья¹¹. Существенные отличия отмечаются в кремневом инвентаре. Так, тургайское и зауральское население эксплуатировало различные источники сырья для изготовления кремневых орудий. На наших памятниках абсолютно преобладают находки из кварцитов и кварцито-песчаников обычно серого цвета. В Зауралье широко использовались яшмы и черный кремнь¹². А.А.Формозов безусловно прав в том, что "использование разных пород для выделки орудий обусловлено "свообразием природной среды", но это свидетельствует и об определенной территориальной приуроченности, замкнутости тех или иных групп населения. Надо думать, что этнические связи и традиции реализовывались прежде всего внутри таких групп. На кысыкульских памятниках, как мы уже отмечали, существенно выше процент орудий из пластин¹³. На чистом, по словам Г.Н.Матюшина, суртандинском памятнике поселении Суртанды УИ орудия из пластин составляют примерно 25% от суммы орудий из отщепов и пластин, у нас на чистых памятниках от 0,9% до 3,8%¹⁴. Это также свидетельствует об определенной обособленности зауральской и тургайской групп населения. На тургайских памятниках редко встречаются столь характерные для Зауралья сосуды с примесью талька в тесте. Тургайские сосуды в целом как будто имеют более вытянутую форму, хотя уверенно судить об этом трудно из-за малочисленности целых сосудов в Зауралье. Все это заставляет с насто-

стойностью относиться к попыткам объединения зауральских и тургайских памятников в рамках одной культуры. Пожалуй, правильнее будет считать их принадлежащими разным, но родственным культурам.

В отношении ишимских памятников сложилась в целом аналогичная ситуация. В.Ф.Зайберт и другие петропавловские археологи выделяют самостоятельную ботайскую культуру, локализуя ее в Ишиминье¹⁵. В.Н.Логвин в последнее время высказался за объединение в одну культуру ишимских и тургайских памятников¹⁶.

Из всех исследователей наиболее фундаментально попытался обосновать правомерность выделения особой ботайской культуры В.Ф.Зайберт. По его мнению "ее отличительными чертами являются: монополюсность как доминанта в комплексной системе хозяйства; глинобитно-древесная архитектура (жилая и производственная); тургайский характер погребений в пределах поселения; обрядовая традиция и изготовления погребальных масок; культовая роль черепа лошадей; осуществление грабенчатой и веревочной техники фрагментации керамики, наличие характерных насечек по венчикам основной массы сосудов; коленчатые двусторонние обработанные ножи, бифасы-сверла, уникальные наконечники копий, уплощенные, двусторонне обработанные, длиной более 20 см; диски мультифункционального характера и долота-сверла; несколько уникальных типов среди костяного инвентаря - атержневой пошпий (?), челнок (?) для ткацкого станка, гравированные фаланги лошадей, трубчатые штампы для керамического производства"¹⁷.

Не считая "уникальных" единичных вещей типа предполагаемых пошпий и челнока, а также характера погребений (включая скелет и трепанацию черепа), культовой роли лошадиных черепов, отсутствие которых в наших материалах вполне возможно является случайным, во всем этом перечне есть только одна действительно отличительная в сравнении с тургайскими памятниками черта. Это "глинобитно-древесная архитектура". Все остальные признаки достаточно обычны для наших памятников. Неясно, правда, о каких насечках "по венчикам основной массы сосудов" идет речь. В публикациях, посвященных керамике Ботая, насечки упоминаются лишь в связи с керамикой боборыкинского облика, количественно составляющей незначительную часть керамического комплекса Ботая¹⁸. Если же имеются в виду оттопки зубчато-

го и веревочного штампа по бережку и внутреннему краю сосуда, то они для наших сосудов также обычны. Однако, несмотря на эти замечания, общий вывод В.Ф.Зайберта о культурной самостоятельности ишимских памятников, возможно, и верен. В пользу этого говорит одна почему-то не учтенная им отличительная черта — текстильная керамика, которой на Ботайе много. Для Тургайского же прогиба она не характерна. О.М.Мартынюк при просмотре наших коллекций смог выделить лишь единичные фрагменты с отпечатками текстиля. Безусловно, это этнографический признак, и он свидетельствует об определенной культурной обособленности терсекских и ботайских памятников. Различия в архитектуре также свидетельствуют об этом. Правда, в этом случае мы имеем дело уже со вторичным, реконструированным признаком, правильность заключений по которым зависит от правильности реконструкций.

Таким образом, видимо, прав был В.И.Зайтов, предложивший считать энеолитические памятники Южного Зауралья, Тургайского прогиба и Прииртышья принадлежащими трем родственным культурам: кыскульской (суртадинской), терсекской и ботайской¹⁹, которые вместе с аятскими и липчинскими древностями формировали более обширное образование — общность культур геометрической керамики.

1. Логвин В.Н., Калиева С.С. Терсекские памятники Тургайского прогиба // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986. Логвин В.Н. О времени и путях сложения энеолита в степях Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987.

2. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку // Археология СССР, Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С.253.

3. Стоколос В.С. Культура эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988. С.53, 59, 198, табл. I.

4. Окладников А.П., Молодин В.И., Волков И.А. Памятник у села Малый Атлым на реке Оби // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С.121-125; Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. № 85. М., 1953. С.46. Табл. ХУП.

5. Зайберт В.Ф. Сложение энеолитической ботайской культуры. Урало-Прииртышском междуречье // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Тез. докл. Барнаул, 1983. С.7; Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982. С.277-296.

6. Косарев М.Ф., Западная Сибирь..., с.254, 257; Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. С.156, 157.

7. Формозов А.А. Археологические памятники в районе Орска // КСИИМК. Вып. XXXVI. М.-Л., 1951. С.117; Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. Вып. XXXIX. М.-Л., 1951. С. 11-13.

8. Сильников К.В. Юный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // Археология и этнография Башкирии. Т.1. 1962. С.28-30.

9. Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. с.111-113.

10. Зайтов В.И. Развитие каменной индустрии в эпоху неолита-энеолита на территории Северного Казахстана. Автореф. дисс... канд. ист. наук, Л., 1988. С.23, 24.

11. Логвин В.Н., Калиева С.С. Терсекские памятники..., с.72, 73.

12. Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала, с.24, 25, 53-58; Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977. С.16.

13. Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время..., с.7.

14. Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала, с.28.

15. Зайберт В.Ф. Сложение энеолитической..., с.88-90; Зайтов В.И. Развитие каменной..., с.23, 24; Зайберт В.Ф. Поселение

Ботай и задачи исследования энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985. С.8, 9; Зайберт В.Ф., Мартынюк О.И. Керамические комплексы энеолитического поселения Ботай // КСИИМК. Вып. 177. М., 1984. С.8.

16. Логвин В.Н. О времени и путях..., с.13-25.

17. Зайберт В.Ф. Поселение Ботай и задачи..., с.9.

18. Зайберт В.Ф., Мартынюк О.И. Керамические комплексы...; Мартынюк О.И. Керамика поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985.

19. Зайтов В.И. Развитие каменной индустрии..., с.24.

МАХАНДЖАРСКАЯ КУЛЬТУРА В НЕОЛИТЕ КАЗАХСТАНА

В течение длительного времени неолиту Казахстана специалистами не уделялось должного внимания. Большая часть известных в настоящее время неолитических памятников выявлена не археологами, а краеведами, геологами и т.д. Археологи если и обращались к неолиту Казахстана, то за редким исключением использовали материалы, собранные не специалистами с дневной поверхности. К таким исключениям следует отнести исследование поселения Усть-Нарын С.С.Черниковым и пещеры Караунгур Х.А.Алипбаевым. К сожалению, материалы этих памятников до настоящего времени должным образом не опубликованы. Можно отметить также работы Л.А.Чалой на стоянках Иман-Бурлук и Пеньки, А.Н.Мелентьева в Северном Прикаспии, хотя последний и ограничился изучением только развешенных стоянок.¹

Лишь в последнее время ситуация стала меняться к лучшему. Следует отметить многолетнюю и целенаправленную деятельность петропавловских археологов, в особенности В.Ф.Зайберта, по изучению неолитических памятников Казахстанского Приишимья. Им удалось выявить несколько сот памятников. Многие из них были раскопаны, что позволило В.Ф.Зайберту, пожалуй, впервые в Казахстане дать достаточно полную характеристику неолитической индустрии изучаемого региона, предложить схему периодизации памятников и поставить вопрос о выделении в Приишимье неолитической атбасарской культуры. К сожалению, В.Ф.Зайберт был лишен возможности дать сколько-нибудь полную характеристику керамики и хозяйства в силу крайней малочисленности и фрагментарности полученных в ходе раскопок материалов. Это сильно ограничило его выводы.²

Более информативные материалы по неолиту удалось получить в последние годы в Тургайском прогибе. Здесь, начиная с 1978 г. по настоящее время, выявлена группа памятников (14), характеризующихся устойчивым сочетанием ряда признаков, позволивших выделить маханджарскую неолитическую культуру.³ Первоначально все известные памятники локализовались в северной части прогиба, но в последние годы было выявлено две стоянки в южной его части в верховьях реки Каратургай. Последние сви-

детельствуют о том, что маханджарская культура характерна для прогиба в целом.

Полученные остеологические коллекции позволяют утверждать, что население маханджарской культуры занималось охотой и рыболовством. В Коллекции фаунистических остатков поселения Екимовка на реке Каратургай представлены кости сайги (176), куницы (10), лошади (47). По предварительному заключению Л.Л.Савицкого, лошадь Екидина 24 близка лошади Пржевальского. Неорнаментированы также костные остатки рыбы и птиц. В Северном прогибе в одной из ям Бестамака обнаружено скопление рыбьей чешуи. Здесь же найдены кости сайги и лошади.

К сожалению, пока мы практически не имеем информации по маханджарским жилищам. Только на Дузбае I встречены остатки сооружений, которые с определенной долей вероятности можно связать с маханджарской культурой. По ним можно лишь предположить бытование жилищ полужемлянок.

Прямой категорией находок наших памятников является керамика (рис.1). Пожалуй, впервые в Казахстане была получена столь выразительная коллекция. Маханджарские сосуды, как правило, изготовлены очень тщательно. Черепок плотный. Тесто хорошо промытое. Форма сосудов оказалась неожиданно сложной.

Сосуды удлинённых пропорций. Горловина и наиболее раздутая часть тулова обычно одинаковой ширины. Дно коническое, чаще выпуклое. Шейка четко выделена, верхний край ее в большинстве случаев плавно загнут внутрь сосуда. Изредка встречаются сосуды, у которых шейка в верхней части изогнута не плавно, а под углом. Целые неорнаментированные сосуды нами не получены, однако, судя по некоторым фрагментам, можно думать, что в небольшом количестве они у маханджарского населения бытовали. Сравнительно редкими были и сосуды со сплошной орнаментацией внешней поверхности. Обычно орнамент располагался зонами: по шейке; шейке и дну; шейке и плечикам; шейке, плечикам и дну. Помимо внешней поверхности сосуда орнамент часто встречается на срезе венчика и в виде узкой полоски на внутренней поверхности у края венчика.

В абсолютном большинстве случаев орнамент на сосудах нанесен зубчатым штампом. Использовались штампы с различной величиной зубьев; от дающих пунктирные оттиски до крупнозубого.

Встречены также отдельные сосуды, украшенные отступающей палочкой и прочерчиванием.

Узор состоит из таких элементов и мотивов орнамента как горизонтальная линия, горизонтальный ряд оттисков наклонно или вертикально поставленного штампа, горизонтальный или вертикальный зигзаг (одиночный или многорядовый), горизонтальные или вертикальные ленты качалки. Отмечены все возможные их сочетания. Небольшую, но выразительную серию составляют сосуды, внешняя поверхность которых украшена довольно сложным узором, составленным из геометрических мотивов: различных видов треугольников, ромбической сетки, сот, вертикальных колонок.

Кремневая индустрия маханджарских памятников сохраняет многие черты, присущие мезолитическим памятникам Тургай типа стоянки Евгеньевка I⁴. Как и в мезолите, большая часть орудий изготовлена из пластин. Сохраняется призматическая техника скалывания заготовок орудий. Нуклеусы в основном конусовидной и призматической формы.

Очень близок набор орудий. Общими для маханджарских и мезолитических стоянок типа Евгеньевка I являются такие типы орудий, как скошенные острия, пластины с ретушированным торцом, с притупленной спинкой, резцы, скребки, резники из пластин, пластины с выемками, пластины с ретушью по боковым краям, скребки из отщепов и отщепы с участками ретуши.

Вместе с тем имеются и существенные отличия. Меняются типы геометрических орудий. В маханджарское время на смену асимметричным трапециям мезолита приходят симметричные. Наряду с ними бытовали крупные параллелограммы и прямоугольники. Значительные отличия отмечаются в сырье, использовавшемся для изготовления орудий. Если в мезолите для этих целей использовали в основном халцедонолиты, алевролиты и яшмоварциты, то в неолите маханджарское население переходит к изготовлению орудий из кварцитов и кварцито-песчаников.

С одной стороны, отмеченные черты отличия кремневых индустрий стоянок типа Евгеньевка I и маханджарских, а также наличие керамики на последних, не позволяют нам синхронизировать их, а с другой стороны, существенные черты сходства не позволяют далеко разносить их во времени. Вероятно, маханджарские древности формировались на базе местных мезолитических,

безусловно, процесс этот был осложнен контактами маханджарского населения с одновременным ему населением сопредельных территорий.

Стоянка Евгеньевка I наиболее близка памятникам янгельского этапа мезолита Южного Зауралья⁵. В стратиграфической шкале мезолита они более всего соответствуют 6 и 5-6 слоям, в которых встречаются симметричные трапеции⁶. На этом основании верхняя граница бытования памятников типа Евгеньевки I нами была определена концом УП — началом УІ тыс. до н.э. В свете изложенного, она же принята нами в качестве нижней границы периода существования маханджарской культуры. В целом же она, по нашему мнению, синхронна дарьясайскому этапу неолита Среднеазиатского междуречья. А.В.Виноградов датирует его в диапазоне времени от конца УП до середины (или третьей четверти) У тыс. до н.э.⁷. Хотим подчеркнуть, что из всех материалов Среднеазиатского междуречья датировка именно дарьясайских обоснована наилучшим образом, в том числе и радиоуглеродными датами.

Маханджарские и дарьясайские памятники обнаруживают близость как по кремневому инвентарю, так и по керамике. В особенности показательны такие памятники как Учачи А, Учачи I3I, Учачи I, 4. По сути дела, здесь имеются все основные типы орудий, характерные для маханджарских стоянок, включая такие формы, как симметричные трапеции и параллелограммы⁸. Судя по верхним частям сосудов, найденных на этих стоянках, сосуды, близкие по форме маханджарским, для них достаточно обычны⁹.

Все эти факты и позволяют нам синхронизировать дарьясайские и маханджарские материалы, относя последние ко времени от конца УП до конца У — начала ІУ тыс. до н.э. Отрезок времени в две тысячи лет очень велик. Вполне вероятно, что время существования маханджарской культуры занимало только часть его, но более точно датировать рассматриваемый круг памятников мы сейчас не можем.

Неолитические памятники Тургай выделены в самостоятельную культуру преимущественно на основании оригинальности керамического комплекса. К северу, в Зауралье и Западной Сибири, памятники с такими сосудами пока неизвестны. На западе близкие формы сосудов встречены лишь в памятниках сурско-днепровской культуры¹⁰. На юге, близкие по форме нашим сосуды встречены

в памятниках дарьсайского этапа неолита Среднеазиатского междуречья. О разнокультурности тургайских, среднеазиатских и сурских памятников свидетельствуют огромные пространства, лежащие между ними. Кроме того, при сходстве формы сосудов этих групп древностей в орнаментике их отмечаются существенные различия.

Открытие маханджарских памятников позволяет не только дать характеристику неолита Тургай, но и в определенной степени приливает свет на неолит Казахстана в целом. Уже среднеазиатские аналоги маханджарской керамики позволили нам предположить существование целого пласта неолитических памятников с керамикой, близкой к маханджарской на промежуточной между Тургаем и Среднеазиатским междуречьем территории.

В 1989 году, просматривая с Ж.К. Таймагамбетовым коллекции Караунгура, мы обнаружили, что для него близкая маханджарской керамика также очень типична. Причем караунгурская керамика более близка к маханджарской, чем среднеазиатская. Многие сосуды по всем признакам (тесто, орнамент, форма) идентичны тургайским. Эти факты, пожалуй, не оставляют сомнения в том, что близкие маханджарским памятники со временем (по мере изученности покроют большую, если не всю, территорию Казахстана.

1. Коробкова Г.Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии // МИА. № 158. 1969. С.142-172; Чалая Л.А. Озерный стоянки Павлодарской области. Пеньки I,2 // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 163-181; Чалая Л.А. Поздне-неолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С.188-203; Меленев А.Н. Разведки памятников древности в Западном Казахстане // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С.194-196.

2. Зайберт В.Ф. Памятники каменного века Петропавловского Прииртисья // СА. 1979. № 1; Зайберт В.Ф. Неолит Северного Казахстана. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1979.

3. Логвин В.Н. Первые памятники маханджарской культуры // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург, 1980. С.17; Логвин В.Н. Стоянки маханджарской культуры Солонное Озеро 2 // Волго-Уральская степь и лесостепь

раннего металла. Куйбышев, 1982. С.148-159; Логвин В.Н. Неолит и энеолит степного Приобья. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1986. С.10-14.

4. Логвин В.Н. Новый памятник каменного века Кустанайской области // СА. 1977. № 4. С.270-274.

5. Матвеев Г.Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976. С.162. Рис. 44.

6. Шмадинов А.П. Пещера Джебел - памятник древней культуры туркменских племен Туркмении // ТЯТАКЭ. Т.УП. 1956. С.143, 174.

7. Яноград А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. // Тр.ХАЭЭ. Вып.ХШ. 1981. С.132.

8. Логвин В.Н. Первые памятники..., с.65-67.

9. Яноград А.В. Древние охотники..., с.69, 92, 128; Марков В.В. Раскопки первобытной стоянки Оуклы // ВМУ. Сер.9 /история/. 1981. № 3. С.76.

10. Даниленко В.Н. Неолит Украины. Киев, 1969. С.186-188.

ПЛЕШАКОВ А.А.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ТЕЛЬМАНА XIX ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Стоянка находится на низкой (около 3 м) террасе левого берега р.Ишим, на мысу, образованном старицей, в Атбасарском районе Целиноградской области. Занимает хорошо задернованную возвышенность. Площадь раскопа 540 кв.м. Полевые исследования произведены под руководством автора совместно с В.Ф.Зайбертом.

На памятнике выделено три хронологических комплекса - мезолит (XIV), ранний неолит (XIX), энеолит-ранняя бронза (XIXб)¹. В ходе раскопок северо-западной части обнаружено 27 ямок от столбовой конструкции наземного типа площадью около 70 кв.м., относящейся ко второму этапу заселения. К первому этапу можно отнести круглую яму с углистым заполнением, давшую радиоуглеродную дату (10540±200 лет)². Наиболее вероятное применение данной ямы - термическая обработка кремня. С энеолитом, ранней бронзой связаны (дренажные?) канавки, зафиксированные в восточной части.

Археологические находки насчитывают 8273 единицы. Это

кремневый, каменный, керамический и остеологический материал. Кремневый инвентарь концентрируется преимущественно в западной части раскопа, керамический и остеологический — в восточной. Кремневых предметов в коллекции 6600, они изготовлены из серо-серой и светло-коричневой амфибидной породы. Среди них 65,8% составляют отщепы без ретуши, преобладающие размеры которых от 1 до 3 см. В целом, материалы характеризуются незначительной индустрией, использование в трудовых операциях отщепов незначительное.

С точки зрения формально-типологической классификации пластины делятся на следующие группы: пластины без ретуши — 158; микропластины с торцевой обработкой — 2; пластины с резовым сколом — 77; острья — 3; пластины с притупленным краем — 20; концевые скребки — 167; ребристые пластины без ретуши и скребки на отщепах — 62. Всего в трудовых операциях использовалось 150 предметов из отщепов, нуклеусов представлены клиновидными и конусовидными формами. Из каменных орудий в коллекции имеется образцы и галечное лопило.

Трасологическому анализу были подвергнуты коллекции, относящиеся к раннему неолиту. Среди пластин лишь 19 не имеют следов использования (18 пластин без ретуши и одна ребристая пластина).

Из 1148 изделий на пластинках 1129 имели следы использования в различных трудовых операциях. За счет полифункциональности на них обнаружено под микроскопом 2528 лезвий с различными формами использования.

Основное количество среди орудий на пластинках составляли вкладыши ножей. Однолезвийных вкладышей ножей в коллекции 11 (рис. 1, 11-15; рис. 2, 24 - 27, 38-41); двулезвийных 341 (рис. 1, 11-15, 18-23). Для этого вида орудий применялись пластины с ретушью и без ретуши, пластины с резовым сколом, с притупленным краем, концевые скребки, ребристые пластины и трапеции.

Вкладыши составных охотничьих орудий, как правило, изготавливались из небольших по размерам пластин и из микропластин. Однолезвийных вкладышей составных охотничьих орудий в коллекции 46 (рис. 2, 1-8), двулезвийных 102 (рис. 2, 9 - 10).

В качестве резчиков для дерева использовались углы различных пластин без дополнительной обработки. Однолезвийных рез-

чиков для дерева обнаружено 197 (рис. 1, 1 - 5, 21 - 24; рис. 2, 18 - 20), двулезвийных 32, резчиков для дерева с тремя лезвиями 1 (рис. 2, 11 - 15) и с четырьмя — два.

Резчиками для кости, рога служили углы пластин. Однолезвийных резчиков для кости, рога на пластинках обнаружено 36, двулезвийных — 13, трехлезвийный — 1, резчик для кости, рога с четырьмя лезвиями — 1.

Большую серию представляют различные скребки на пластинках. Концевых скребков с одним лезвием в коллекции 15. Однолезвийных боковых скребков 76 (рис. 1, 1 - 5). Скребков концевой-бокового типа с двумя лезвиями 11, с тремя лезвиями 141, с четырьмя лезвиями один.

В качестве резцов для дерева применялись углы пластин, оформленные резовым сколом. Однолезвийных резцов для дерева 47 (рис. 1, 6), двулезвийных 13, (рис. 2, 16 - 17), резцов для дерева с тремя лезвиями 3.

В коллекции 16 резцов для кости, рога с одним лезвием (рис. 2, 9 - 10) и 1 резец с двумя лезвиями. Лезвия оформлены резовыми сколами.

Скобелями для дерева служили боковые ребра различных пластин. Однолезвийных скобелей для дерева 28 (рис. 1, 25 - 27), двулезвийных 23 (рис. 1, 16 - 24), с тремя лезвиями один.

В качестве скобелей для кости, рога использовались боковые ребра пластин с ретушью и без таковой. Однолезвийных скобелей 37 (рис. 2, 38 - 41), двулезвийных — 39 (рис. 2, 28 - 31, 37).

Строгальные ножи изготавливались из пластин, рабочим лезвием которых служили боковые ребра. Однолезвийных строгальных ножей для дерева 8. 4 из них на пластинках без ретуши, 3 на пластинках с ретушью и 1 на ребристой пластине. Двулезвийных строгальных ножей для дерева 9 (рис. 2, 34 - 36). Однолезвийный строгальный нож для кости, рога в коллекции один, такой же двулезвийный на пластинке с ретушью — один.

Для сверла по кости, рогу с одним лезвием использованы пластины с ретушью — 2, "острия" — 3, "концевой скребок" — 1 и наконечник стрелы — 1. Разверток для кости, рога на пластинке с ретушью — две.

Сверло для дерева с одним лезвием в коллекции I, с двумя лезвиями I, микросверло для дерева с одним лезвием I. Развертка для дерева с одним лезвием I, для нее использована микропластина без обработки. Развертка для дерева с двумя лезвиями на пластине с ретушью одна.

Пилкой для дерева с одним лезвием служила пластина с ретушью. В качестве пилки для дерева с двумя лезвиями использовалась пластина без ретуши. Пилкой для кости, рога с одним лезвием служила пластина с ретушью. Таким пилком с двумя лезвиями в коллекции 6.

Проколочка среди инвентаря I3 экземпляров. Заготовками для них служили пластины с ретушью и без ретуши и пластины с пригнутым краем. Микропроколочкой служил угол пластины без ретуши.

Наконечник на пластине в коллекции один.

Следы использования в различных трудовых операциях обнаружены на 150 изделиях на отщепах. За счет полифункциональности на данном количестве орудий обнаружено 280 лезвий всевозможных функций.

Основное количество среди орудий на отщепах составляют скребки различных типов. Скребок с одним лезвием 81 (рис. I, 7 - 10, 25 - 27). Боковых скребков с двумя лезвиями в коллекции 2. Скребок концевой-боковой типа с двумя лезвиями на отщепах обнаружено 27. Скребок концевой-боковой типа с тремя лезвиями на отщепах 27 (рис. I, 28 - 31), такого же типа с четырьмя лезвиями (круговых скребков) - 7.

В качестве ножей использовались отщепы с острыми режущими краями. Однолезвийных ножей 3, двулезвийных 3.

Резчиками служили острые углы изделий на отщепах. Однолезвийных резчиков для дерева 7, двулезвийный I. Резцом для дерева служил острый угол, оформленный резцовым сколом.

Скобелей для дерева среди инвентаря обнаружено I3. Все они однолезвийные (рис. I, 25 - 27), I2 на отщепах с ретушью и I на отщепе без обработки. Скобелей для кости, рога с одним лезвием в коллекции 7 (рис. 2, 32 - 33). Исходной заготовкой для них служили отщепы с ретушью. Двулезвийных скобелей для кости, рога I. Скобель для кости, рога с тремя лезвиями в коллекции один. Сверло для дерева на отщепе I, сверло для кости, рога на отщепах с одним лезвием 5. Все они на отщепах с ретушью.

Проколочка в коллекции 2. Одна из них на отщепе с ретушью, другая другой использовался острый угол на скребке концевой-боковой типа.

Ретушером служил крупный отщеп с ретушью. В качестве станка использовался большой отщеп без обработки.

Орудия на нуклеусах и их обломках представлены: однолезвийным сверлом для дерева, на сколе оживления нуклеуса, 4 ретушерами на нуклеусах и одним скобелем для кости, рога с одним лезвием на нуклеидном предмете.

Одно изделие из сланца имело следы лощила, другое абразива.

Трасологический анализ орудий труда стоянки Виноградовка позволяет уверенно говорить о наличии предметов производств орудий труда, домашних промыслов и охоты. Производственные назначения орудий сведены в таблицу.

Функции	кол-во лезвий	Функции	кол-во лезвий
<u>Изготовление орудий труда</u>		<u>Обработка шкур и кож</u>	
Нуклеусы	II	Скребки	902
Ретушер	5	Итого:	902
Абразив	I	<u>Изготовление одежды</u>	
Итого:	17	Проколочка	15
<u>Обработка дерева</u>		м.проколочка	I
Резчики	308	Итого:	16
Резцы	81	<u>Обработка кости, рога</u>	
Скобели	90	Резчики	73
Стр. ножи	26	Резцы	18
Развертки	4	Скобели	82
Сверла	5	Стр. ножи	3
Станоски	I	Сверла	12
Пилка	3	Пилка	13
Сверло	I	Разверт	2
Итого:	519	Итого:	253
<u>Охота и рыболовство</u>		<u>Изготовление керамики</u>	
Вкладыши ножей	873	Лощило	I
Всп. охотн. орудий	250	Итого:	I
Наконечник стрелы	I		
Итого:	1124		

17 орудий труда функционально относятся к производству орудий. Это: нуклеусы и их обломки, ретушеры и абразивы. О массовом производстве орудий труда на стоянке можно судить не только по находкам самих орудий, но и по большому количеству отходов производства (отщепы, чешуйки, обломки).

С обработкой дерева на стоянке связано 519 орудий. Это пилы и резчики для дерева, скобели и строгальные ножи, сверла и развертки, пилки, стамески и микросверла. С помощью этих орудий строились жилища, заготавливалась древесина для деревянных орудий и охотничьего снаряжения.

Для обработки кости и рога применялось 258 орудий, найденных при раскопках. Это свидетельствует о широком применении кости и рога для изготовления орудий труда, украшений и утвари. В обработке кости и рога участвовали резцы и резчики, скобели и строгальные ножи, сверла, пилки и развертки. При таком наборе инструментов была возможность изготавливать любые костяные изделия или поделки из рога. Для обработки шкур использовалось 902 скребка. Это свидетельствует о большой массе перерабатываемой продукции охоты и подготовке сырья для шитья одежды, в которой связаны проколки и микропроколки.

В охоте находили применения составные вкладышевые и метательные орудия, вкладышевые ножи и наконечники стрел. Возможно применение костяных наконечников стрел³.

Для изготовления керамики было использовано ложило.

Набор инструментов со стоянки Тельмана XIV характеризует тип хозяйства, в основу которого положена охота. Кроме того, топография памятника предполагает развитое рыболовство⁴, для которого могли использоваться составные вкладышевые метательные охотничьи орудия как гарпуны и всевозможные деревянные орудиялова. Не исключена охота на различную водоплавающую дичь и мелких животных с помощью лука со стрелами и различных "силков"⁵.

Количество материала и наличие остатков столбовых конструкций позволяет говорить о данной стоянке, как о "базовой" с постоянным функционированием и с наличием "мастерской" для изготовления орудий труда.

Савицкий В.Ф., Потемкина Т.М. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // СА. 1981. № 3. 197, 122-129.

Савицкий В.Ф. Раскопки у с.Тельмана Целиноградской области за 1976 г. М., 1977. С.511.

Савицкий В.М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы // ТИИ. Вып. 29. М., 1956. С.119.

Савицкий Г.Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии // МИА. № 158. 1969. С.175.

Савицкий Г.Ф. Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Надыма // Новые методы в археологических исследованиях. М.-Л., 1963. С.215-234.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

ВАРФОЛОМЕЕВ В.В.

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ КЕНТСКОГО
МИКРОРАЙОНА

(типология конструкций)

Сведения по погребальному обряду населения Центрального Казахстана позднего этапа эпохи бронзы, нашедшие отражение в литературе (Грязнов М.П., 1952; Маргулан А.Х., 1979), происходят, в основном, из наиболее крупных сооружений — мавзолеев. Как неоднократно подчеркивал А.Х. Маргулан, эти погребения "представителей племенной элиты" (Маргулан А.Х., 1979, с. 100). Погребения рядовых общинников, типа исследованных в могильниках Айдарлы и Бугулы II, почти не изучены. Материалы, полученные археологической экспедицией Карагандинского университета, дают возможность дифференцировать погребения по комплексу признаков, обусловленных причинами хронологического, этнографического или социального плана. Происхождение этих материалов со сравнительно небольшой территории придает им особую значимость.

В Кентских г-рах, в 220 км к ЮВ от г. Караганды, выявлено II могильников, которые по керамическому комплексу и облику сооружений датируются позднебронзовым временем. 10 могильников расположены на расстоянии около 10 км от р. Кзылкен и один (Карагай) примерно в 5-7 км к ЮЗ от основной группы. Раскопки произведены на могильниках Донгал (28 погребальных сооружений), Дермен (II), Енбек-Суйгуш (8), Карагай (7), Кытан (2). На памятниках Донгал и Дермен работы проводились по методике исследования поселений сплошным раскопом. Всего раскопано 51 сооружение, которые по наличию остатков погребенных или по аналогии отнесены к погребальным памятникам. Сравнение конструкций проводилось по следующим признакам надмогильных и внутримогильных сооружений: форма, ориентировка, размеры, устройство (грунто-мая яма; каменный ящик с вертикальными стенками; каменный ящик со скошенными стенками), глубина погребений. В результате выделены пять основных типов погребальных сооружений.

Тип I. Каменные ящики высотой от 0,1 до 0,5-0,7 м над уровнем современной поверхности. Погребения в них совершались на уровне древней поверхности, на материке или на 5-10 см ниже материка. Глубина таких могил не превышает 0,3-0,4 м от современ-

ной поверхности. Прямоугольные ограды вокруг ящиков состоят из плит, уложенных в один или несколько слоев (рис. I-1). Иногда прием горизонтальной кладки сочетается с вертикальной уступчатой плит. Ограды имеют размеры от 1,45x1,2 м до 4,1x4 м. Размеры ящиков от 0,8x0,6 м до 1,6x1,4 м, т.е. по форме и размерам, и каменные ящики приближаются к квадрату. Ориентировка сооружений неустойчива, преобладают конструкции с ориентировкой по линиям ЮЗ-СВ и СВ-ЮВ. У оград с многослойной кладкой выискиваются ямы для приготовления строительного раствора. Погребальные конструкции первого типа известны на всех кентских могильниках. Подтипом таких сооружений являются каменные ящики без оград из могильников Енбек-Суйгуш и Донгал. Впрочем, плиты оград могли быть изъятые в последующие века.

Тип II. Большие ограды (до 9x8,5 м) из двух стен, сложенных из плит. Внутри ограды массивный каменный ящик, установленный на материке. Пространство между стенами и ящиком заполнялось камнями и землей.

В могильнике Енбек-Суйгуш исследовано два сооружения этого типа. Самая крупная ограда имеет внешние размеры 9x8,5 м. Внутри еще одна прямоугольная ограда со сторонами 5,9x4,6 м. Обе ограды сложены из гранитных плит с применением связующего раствора, приготовлявшегося в ямах, зафиксированных с внешней стороны каждой из четырех стен (рис. 2). Высота стен — 0,6 — 0,8 м, камни уложены в 5-10 слоев. Все сооружение ориентировано по линиям СВ-ЮВ. По углам внешней ограды лежало несколько крупных плит, возможно, это остатки облицовки стен. Внутри постройки, в южном углу внутренней ограды отмечено зометное пятно, мощностью до 0,1 м, без следов прокала под ним. Погребальная камера — каменный ящик размером 3x2,7 м, ориентированный соответственно общей ориентировке ограды по линиям СВ-ЮВ. Плиты ящика, высотой до 1,5 м, вкопаны в материк на 0,2-0,5 м. Дно могилы находилось на уровне древней поверхности. Остатков погребенного и артефактов в ящике не найдено.

На территории могильника известно еще одно аналогичное сооружение, а также расчищена ограда размером 6,7x6,5 м, внутри которой сохранились канавки для установки плит ящика размером 2,7x2,3 м. Ограда имеет несколько рядов кладки плит. Вокруг ограды зафиксированы три строительных ямы. В могиле най-

дены фрагменты сосуда второй группы (по М.П.Грязнову).

Тип III. Каменные ящики из составных плит, опущенных в яму со скошенными наружу стенками (рис.1-2). Известно три погребения этого типа.

Могильник Караташ, могила 2. Стенки овальной ямы размером 1,9х1,8 м укреплены тонкими плитами на ребре. Глубина ящика 0,45 м от поверхности, размеры по дну - 1,7х1,1 м. Ориентировка широтная. Частичное каменное перекрытие могилы зафиксировано в юго-западной части. На дне ящика, у западной стенки, найдена челюсть барана. Костей погребенного и керамики не обнаружено.

Могильник Енбек-Суйгуш, могила 3. Подпрямоугольной формы, ориентирована по линии ЮВ-СВ. Размеры по верхнему краю плит 1,4х1,1 м, по дну 1,2х0,8 м. Заполнение - смесь золы и земли. На дне встречались угольки, найдены разрозненные кости скелета человека, в восточном углу лежал череп.

Могильник Донгал, могила 7: прямоугольный каменный ящик, трапециевидный в разрезе, вытнут по линии ЮВ-СЗ. Размеры ящика по верхнему краю плит - 1,25х1,15 м, по дну 1,0х0,6 м. Глубина от современной поверхности - 0,95 м. Возможно, ящик был заключен в ограду из вертикально поставленных плит, от которых сохранились несколько камней. Реконструируемые размеры ограды 2х2,2 м. У северо-западной стенки могилы и в ней лежали кости таза и ног человека. Судя по их положению, погребенный лежал на левом боку, головой на СВ. У таза, на боку, лежал сосуд (второй группы).

Тип IV. Каменные углубленные ящики, в плане близкие к квадрату. Плиты вертикально опущены в яму глубиной от 0,7 м от поверхности (рис.1-3). Найдено три сооружения этого типа.

Могильник Караташ, каменный ящик 3: прямоугольный, размером 1,4х1,25 м, глубиной 0,6 м. Плиты стен врыты вертикально. Ориентирован ящик по линии ЮВ-СВ. По углам плиты ящика расклинены камнями. В заполнении найдены отдельные кости погребенного. В северо-восточном углу ящика, на дне стоял сосуд (первой группы).

Могильник Донгал, ограда 6. Представляла собой каменный ящик размером 1,45х1,25 м, ориентированный широтно. Внутри ограды на уровне материка зафиксированы верхние края плит ящика

глубиной 0,7 м от современной поверхности. Размеры ящика 0,8х1,0 м, вытнут по линии З-В. В ограде на глубине 0,15 м встречен один фрагмент сосуда первой группы.

Могильник Дермен. В ограде 6, не имевшей четких очертаний и образовании лежащими плашмя плитами, расчищен прямоугольный каменный ящик 0,8х0,65 м, глубиной 0,65 м от современной поверхности. Ящик ориентирован по линии СЗ-ЮВ. Стенки ящика вертикальные, слегка выступали над материком.

Тип V. Грунтовые могилы. Одно грунтовое погребение исследовано в могильнике Енбек-Суйгуш и три - в могильнике Донгал, (рис.1-4).

Могильник Енбек-Суйгуш, могила 2. Овальная групповая яма со скошенными стенками, размеры на уровне материка 1,7х1,35 м, по дну 1,25х0,9 м; глубина - 0,65 м. Ориентирована длинными сторонами по линии СЗ-ЮВ. В придонной части ямы найдены хаотично разбросанные позвонки, бедренные кости, фрагменты черепа и обломки 4-х сосудов. 3 сосуда принадлежат первой группе посуды, один - второй.

Могильник Донгал, ограда 8. Подпрямоугольной формы; плиты лежали в слое дерна. Размеры ограды 8х2 м, ориентирована широтно. В ограде зафиксирована овальная грунтовая яма 1,6х1,3 м, глубиной 0,8 м. Ориентировка ямы повторяет положение ограды. Стенки ямы почти отвесные, дно неровное. Костей погребенного и артефактов не обнаружено. Две другие ямы по устройству и размерам аналогичны описанной, в одной из них (№ II) найдены разрозненные кости взрослого человека, в другой - фрагменты сосуда первой группы.

Выделение типов погребальных сооружений позволяет наметить их статистическое соотношение (см.таблицу) и сгруппировать их в более крупные таксоны.

Таблица. Соотношение типов и ориентировка сооружений

Тип	Всего	%	Ориентировка			
			СЗ-ЮВ	З-В	С-Ю	ЮВ-СВ
1	2	3	4	5	6	7
I	89	76,5	9	II	I	18
II	2	3,9	2			

I	1	2	3	4	5	6	7
III		3	5,9	I	I		I
IV		3	5,9	I	I		I
V		4	7,8	I	8		
	BI	100	14	16	I		20

Наиболее многочисленны конструкции типа I - 76,5% всех исследованных объектов. Погребения в ящиках на материке известны во всех могильниках и преобладают в Донгале и Дермене (82,4 и 83,3%). Они составляют большинство зафиксированных на поверхности объектов могильников Нарбас, Кызата I, Кзылкент, Тасырбай, Кент в Кентских горах, могильников Дарат, Дарат I, Былылдак в бассейне р.Атасу. Такие погребальные постройки известны в могильниках Бугулы II, Сангру I. Ограды II типа аналогичны мавзолеям на территории могильников Бегазы, Бугулы II, III, Сангру I, Айбас-Дарасы.

Критерием группирования типов, очевидно, является глубина могильных камер. По этому диагностическому признаку первый и второй типы могут быть объединены в одну группу. Между ними нет принципиальных конструктивных различий. Ограды I типа являются редуцированным вариантом мавзолеев и образуют вместе с ними первую группу сооружений, являющихся, вероятно, могилами лиц разного социального ранга. К сожалению, отсутствие в Кентских горах неограбленных погребений не позволяет проверить это предположение данными погребального инвентаря (представленного, в основном, керамикой разной степени сохранности) и антропологии.

Малочисленные углубленные погребения III, IV, V типов образуют, видимо, группу реликтового способа захоронения, генетически связанного с андроновским культурным пластом. Не исключено, что могилы III типа, редкие в Центральном Казахстане, представлены выходцами из северных районов, где аналогичные сооружения раскопаны в могильниках Жукей I, II в Кокчетавской области и Жондыколь в Баян-Аульских горах.

КОЧЕВНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

1. Территория: Современная Мангистауская область Казахстана, Прикарабугазье.

2. Экологические условия: аридная зона, песчаные массивы на севере и юге региона. Каменистая пустыня на плато Устюрт и Мангышлак. Лето жаркое и продолжительное. Зима суровая, короткая. Реки единичны: Урал, пересыхающий летом Сагиз и Эмба. Почвы, каменистые, засоленные почвы и отсутствие в достаточном количестве воды исключают какие-либо серьезные занятия земледелием. Пастбища без воды мало чего стоили. Отсюда казахское выражение, бытующее по сей день: "Вода главнее пастбища".

3. В настоящее время в литературе все еще ведутся дискуссии в отношении терминов: "подвижное скотоводство" - для периода эпохи бронзы, "кочевничество", "полукочевое скотоводство" - для более поздних эпох. Для пустынных районов плато Устюрт, Мангышлак, где перекочевки совершались с самого начала развития скотоводческого хозяйства в поисках пастбища и водоемов, термин "подвижное скотоводство" в действительности равнозначен термину "кочевое скотоводство".

4. Состав стада определял ведение хозяйства. Лошади требовали водения наиболее подвижной пастбы, поскольку они поедали только верхнюю часть растений. Границы определялись возможностью тебеневки, т.е. способностью животных доставать подножные корма зимой. Снежный покров выше 50 см уже не позволял лошадям доставать корма. Граница снежного покрова свыше этой величины была границей подвижного животноводства, основанного на тебеневке. Овцы тебеневали совместно с лошадьми. Без коневодства коневодство менее продуктивно, так как первое способствует использованию пастбищ в полном объеме. Это очень важно для кризисных периодов во время зимовки.

5. Археологические свидетельства ведения подвижных форм скотоводческого хозяйства для северо-восточного Прикаспия и сопредельных пустынных областей достаточно информативны. В.И.Бибихин определяет время одомашнивания коня в южнорусских степях на два тысячелетия ранее традиционной даты, в III или даже в IV т. до н.э. Наиболее ранние скотоводческие культуры северо-

восточного Прикаспия относятся к кругу культур марипольского облика. Энеолитические стоянки с воротничковой керамикой идут с севера на юг. Они обнаружены близ Г.Уральска, в Рын-песках, у ст.Досанг, на полуострове Бузачи у пос. Шебир, на полуострове Мангышлак у пос.Таучик, у пос.Кожкар-Ата, в песках Бастанкумы у поселков Сенек и Учтаган, у Красноводского залива близ пос.Кули-Маяк. Керамика этого облика находит близкие аналоги в энеолитических памятниках Южного Урала (агидельские памятники), Поволжья (сыезденские и хвалынские памятники). Эти памятники реально намечают связи скотоводческих культур Южного Урала с северо-восточным Прикаспием с эпохи энеолита. Намечившись в этот период, они становятся традиционными и доживают до XX в. н.э.

Археологически достоверные признаки ведения кочевого животноводства в названном регионе мы имеем в степных и пустынных зонах с середины II т. до н.э., в срубную эпоху.

В песках Тайсойган, например, был найден на одностолбном поселении срубной культуры жилище — жилище наземного типа с хорошо выраженным отопительным устройством типа "кан" по периметру ледянки (5х2,5 м). В тех же песках в 40 км от первого найдено еще одно одностолбное поселение с незначительным культурным слоем относящееся к той же культуре.

Домашние животные представлены лошадью, овцой, крупным рогатым скотом, около 20% составляют дикие животные: сайгаки, заяц. Большую роль продолжает играть охота. На Мангышлаке, например, исследовано каменное загонное сооружение для облавной охоты на диких животных (близ пос.Ералиеве).

В смежных степных районах междуречья Волги-Урала в срубную эпоху отмечено увеличение числа погребений убитых в бою: с остатками стрел противника, с глубокими проникающими ранениями. Появляются свидетельства использования пленных в погребениях в качестве сопровождающей жертвы (погребение в могиле лиц, застреленных по инокультурному погребальному обряду и находящихся в подчиненном положении по отношению к покойному, ради которого сооружено погребение). В эпоху поздней бронзы (срубное, андроновское время) получает распространение тамга, как одно из средств против баранты, что ранее фиксировалось нечасто. В этот период наблюдается большой процент захоронений ограблен-

ных вскоре после погребения.

В срубной культуре степной зоны получают распространение "настольные" срубные могильники — при всеобщем обряде возведения курганов над покойниками. Бескурганные погребения — свидетельство незавершенности обряда, вызванного невозможностью его закончить в силу военного давления и других причин этого же рода.

В срубную эпоху и несколько позднее в северо-восточном Прикаспии появляются первые крепости (на Устарте — урочище Так-мачи и крепость близ пос.Сай-Утес). Все это было вызвано специфической подвижной формой ведения скотоводства: борьбой за пастбища, водопой и скот. Наблюдается заметное имущественное и родовое неравенство погребенных, как результат выделения родовых янати, выросшей в условиях кочевого хозяйства.

Всё вышесказанное заставляет предположить, что кочевое хозяйство животноводства с экстенсивным использованием пастбищ и скотоводства перекочевками всего рода или родовых групп, имело место довольно долго до скифо-сарматской эпохи, в которой мы застаем уже развитый тип кочевого хозяйства, сложившийся в этом аридном регионе еще во II т. до н.э. или даже ранее.

На более раннее, чем скифо-сарматская эпоха, время появления кочевого хозяйства в степных и пустынных районах Евразии указывают Г.С.Черников, Н.Я.Мерперт, Е.Е.Кузьмина и ряд других авторов. Наконец, образование обширных культурно-исторических областей (марипольская, ямная, срубная) в степных и пустынных районах, начиная с энеолитического времени, не может быть пока удовлетворительно объяснено, если исключить подвижную, кочевническую форму скотоводства.

ЗДАНОВИЧ Г.Б.

АРХИТЕКТУРА ПОСЕЛЕНИЯ АРКАИМ

Урало-Казахстанская археологическая экспедиция в течение трех лет вела исследования на поселении Аркаим в Брединском районе Челябинской области на р.Большая Каратаганка, левом притоке Урала. Памятник относится к южно-уральскому варианту петровско-андроновского культурного пласта урало-казахстанских степей и находится в пределах ХУП-ХУІ вв. до н.э. Он отличается редкой

сохранностью и план его достаточно хорошо читается на задернованной степной поверхности. Общая площадь поселения в пределах фиксируемой визуальной оборонительной системы составляла около 20000 кв.м. Современная высота развала обводной стены 0,6-0,9 м.

В основу планировки поселения положены концентрические окружности. В центре находилась подпрямоугольная площадь, размером около 30х40 м. Вокруг нее расположено кольцо крупных жилищ, пристроенных друг к другу так плотно, что длинная сторона одного дома являлась одновременно общей и для другого. Выходы из жилищ, сделанные в коротких торцовых стенах, обращены в сторону площади. Противоположные торцы домов примыкают к внутренней стене (т.е. стене цитадели), оставляя с ней единое целое. Второе кольцо жилищ разбито отрезками радиальных оборонительных стен на четыре сектора. В каждом секторе находилось 8-9 (?) домов. Они располагались по кругу так, что одна из торцовых стен дома была вплотную пристроена к обводной (второй) оборонительной стене. Главной магистралью поселка являлась круговая улица, которая была продолжена между стеной цитадели и двориками второго кольца жилищ. На территорию поселения можно было попасть через один главный (юго-западный) или три вспомогательных входа (со стороны СВ, СВ, ЮВ).

На аэрофотоснимке 1956 г. прослеживаются контуры третьей стены, которая проходила по самой кромке террасы. С севера и северо-запада она стояла на расстоянии 40-50 м от второй оборонительной стены, на юге, сильно изгибаясь, подходила к ней вплотную. На стереомодели на этом участке третья стена прослеживается в виде фрагментов. В настоящее время описанные конструкции на современной дневной поверхности визуально не выделяются. Для поисков потребуется организация специальных археологических работ.

Всего на Аркаиме (рис. I) исследовано 26 жилищ - 15 во внешнем круге и 11 во внутреннем кольце. Это крупные трапециевидные в плане здания площадью от 100 до 260 кв.м. Стены их представляют собой два параллельных обшитых плахами ряда столбов, находящихся на расстоянии одного метра друг от друга. Промежутки между столбами заполнены грунтом или сырцовым кирпичом. Четыре или шесть рядов столбовых конструкций разделяют здание по

длинам, несколько поперечных перегородок образуют отдельные комнаты. Хозяйственное помещение, служившее одновременно и местом общих сборов, располагалось в глубине жилища и составляло примерно 1/3 часть его общей площади. В хозяйственном отделе обязательно наличие 1-3 колодцев. Рядом с колодцами, иногда в непосредственной близости от них, располагались по одной-две очага. Они фиксируются либо в виде легких округлых углублений и пятен прокалов, либо углублений в сочетании с плахами и развалами пережженных камней. В отдельных случаях канавки соединяют очаги с устьями колодцев. Судя по остаткам костей животных и металлургических шлаков, очаги были по-настоящему функциональными.

Выходы из жилищ, шириной 0,8-1,5 м, фиксируются в виде прорывов материковых (глинобитных) оснований стен. Кроме основных выходов, в 5-6 случаях в помещениях второго кольца удалось зафиксировать угловые проемы со стороны хозяйственных отделов и прилегающих оборонительных стен. Вероятно, это остатки лестниц, которые вели через грунтовые толщи стен на кровли жилых построек и на боевые площадки оборонительных сооружений. Ширина проемов не превышает 1-1,5 м. Почти каждому жилищу второго круга соответствует небольшой дворик, отделенный от улицы глинобитным забором, иногда усиленным столбовыми конструкциями. Выходы из жилищ центрального кольца были обращены к крытой площадке и площади.

Внутренняя оборонительная стена (стена цитадели) имела диаметр 85 м и толщину 3-4 м. Она менее массивна по сравнению с внешней стеной, однако не исключено, что по высоте превышала последнюю. В плане это - многоугольник, сливавшийся в круг, т.е. как образован из многочисленных коротких прямых отрезков. В северной части исследованного кольца в оборонительной стене имелась сквозная выемка шириной 4 м. Она совпадает с улочкой в северном секторе, которая шла параллельно радиальной стене и выходила к лестничному (?) проему жилища П-9 и далее во внутренний коридор обводной стены или на верхнюю площадку надвратной башни. Не исключено, что описанная выемка в стене цитадели так же предназначалась для какого-то лестничного марша, по которому жители крепости из цитадели в случае необходимости могли кратчайшим путем попасть на пересечение круговой

и радиальной улиц и к обводной оборонительной стене.

К востоку от выемки внешняя сторона стены цитадели имеет несколько волнистый план, повторяя торцевые выступы жилищ I-8, I-9, I-10. Отмеченная "волнистость" отражает, вероятно, особенность организации строительных работ, когда каждый отрезок оборонительной стены, примыкающий к тому или иному жилищу, создавался одновременно с сооружением самого жилища, а возможно, и его непосредственными обитателями. Если это так, то находят объяснения различия в толщине, технологии укладки и составных грунтов отдельных участков оборонительных стен, протяженность которых, как правило, соответствует протяженности торцовых стен жилищ. Судя по сохранившейся глиняной обмазке, стена цитадели была строго вертикальной. Подобная конструкция могла быть возведена только с помощью большого количества дерева. По сегодняшним наблюдениям стена была сплошной и нигде не прерывалась, за исключением одного участка к востоку от сектора главного входа. Чтобы попасть на территорию цитадели, нужно было пройти (или проехать) по всей длине кольцевой улицы и только в ее конце через особые ворота можно было проникнуть к центральной площади и окружающим ее жилищам.

Диаметр внешней стены поселения равнялся 143-145 м, толщина по основанию 4-5 м, высота в древности - не менее 3-3,5 м. Основу конструкции составляли бревенчатые клетки, размером примерно 3x4 м, заполненные грунтом. Отпечатки клеток хорошо сохранились в толще стен у СЗ и ЮЗ входов. С наружной стороны клетки были облицованы толстым слоем глины (сырцовым кирпичом?), которая укладывалась, начиная со дна рва, на всю высоту стены (глубина рва 1,5-2,5 м). С внутренней стороны к оборонительной стене вплотную примыкали торцовые стены жилищ. На двух участках внутри обводной стены удалось надежно зафиксировать небольшие помещения-ниши, которые соединялись между собой узкими коридорами, шириной не более 1 м. Коридоры были связаны проходами с жилыми помещениями. Проход во внутренний коридор оборонительной стены был обнаружен в длинной стене жилища II-I и в угловой части дома II-9. К нишам внутри оборонительной стены северного сектора можно было попасть и со стороны радиальной улочки.

Раскопами исследовано два выхода - частично центральный

и -впадный и полностью вспомогательный северо-западный. В обоих случаях резкие изгибы стен и рвов давали ложное направление (если только не применялись подъемные мосты, что весьма трудно предположить). Реальные "ворота" оказались в боковом секторе стены и выводили не к центру поселка, а на круговую улочку (юго-западный вход). Во втором случае проход зафиксирован в торце излома обводной стены в виде внутреннего узкого коридора-лабиринта. В центральном направлении излома стен проложены кладки фундамента углубленного в материк на 0,5 м от сооружения площадью 6,5x3 м, вероятно, предвратной башни. Размеры грунтовых блоков фундамента 60x30(?) x 10-12 см.

На поселении были проведены палеопочвенные исследования, направленные на выявление литолого-стратиграфических особенностей строительных грунтов, их минерального и органического составов^х). Они показали устойчивость строительных традиций и достаточно высокий уровень специализации.

Верхний дерновый слой мощностью до 15 см использовался для внешней и внутренней обкладки оборонительной стены. При этом слои более богатые гумусом укладывались на внешнюю сторону. Слой почвенного грунта с глубины 15-50 см использовался для закладки бревенчатых клеток, составляющих основу оборонительных конструкций. Для обмазки шел грунт с глубины более 50 см. Несмотря на легкий механический состав (песок, супесь, легкий суглинок), строительные грунты отличались прочностью за счет дозирования в них цементирующих агентов, вероятно, карбонатов и гипсов. Интересно, что анализы почвогрунтов Аркаима показали геохимическую аномалию. Если учесть, что основной объем строительного материала происходит с территории самого городища, то несоответствие химсоставов элементов конструкций и исходного сырья (конечно, с учетом вторичных изменений) свидетельствует об искусственном обогащении строительных грунтов какими-то дозами с большим количеством солей и неизвестных нам технологических приемах.

Аркаим как крупный поселенческий центр создавался в течение какого-то достаточно хорошо выраженного на археологическом

^х) Предварительные заключения выполнены И.В.Ивановым.

материале отрезка времени. Тем не менее, он отстраивался сразу по единому и заранее продуманному плану, а, возможно, и при наличии "макета" (рис. 2). Планировка памятника уточнялась древними строителями не менее трех раз. В процессе раскопок выявлены следы разметок и ошибки "проектировщиков" бронзового века, а также попытки исправления этих ошибок. Древним зодчим удалось связать воедино задачи обороны поселка, жилые и хозяйственные комплексы, а также сложный узел коммуникации от верхних и нижних улиц и переходов до системы ливневой канализации с ее водосборными ямами и отстойниками. Каждый элемент поселения находился в тесной связи с целым, а четко обозначенное архитектурное единство говорит о целенаправленном воплощении в объемно-пространственных формах определенных идеологических и культурно-хозяйственных целей.

КИРЮШИН Ю.Ф., УДОДОВ В.С.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА АЛТАЯ

Проблемы формирования культур эпохи энеолита и бронзы до сих пор далеки от решения, несмотря на, казалось бы, большое количество накопленного материала. С одной стороны, это объясняется тем, что в руки специалистов попадает лишь какое-то количество вещественного материала, а с другой — тем, что становление и развитие культур зачастую шло не только эволюционным путем, а было связано с какими-то событиями, своеобразными "взрывами". Такими явлениями могли быть зарождающиеся производящие формы хозяйства, связанные с ними демографические взрывы и миграции, резкий скачок в бронзолитейном производстве, кардинальное изменение палеоклиматических условий и т.д. Все эти факторы играли большую роль в жизни древних обществ, но зачастую слабо прослеживаются на археологическом материале. Любые трудно объяснимые явления, как правило, приводят исследователей к мысли о сменах культур, об ассимиляции населения одной культуры другой и т.д., то есть преобладает принцип стадийности. Не способствует решению этих вопросов и ситуация, сложившаяся в датировании памятников этих культур. Наметилось

определенное противоречие между радиоуглеродными датами и традиционным датированием, основанным на сравнительно-типологическом методе. Для сравнения обычно используют как западные, так и восточные параллели, имеющие точную хронологическую привязку: даты, полученные радиоуглеродным методом по древесине и костям погребенных из ряда могильников Западной Сибири, совпадают с древнее общепринятыми на несколько столетий. Что это? Неточность метода радиоуглеродного датирования или несовершенство традиционных схем? Но серии определений, выполненных в лабораториях различных научных центров, указывают на их объективность. Таким образом, нуждаются в корректировке скорее хронологические схемы, используемые сегодня. Попробуем показать это конкретнее.

Для лесостепных районов Верхнего Приобья одним из авторитетно была выделена энеолитическая болшемоская культура с завершенными формами производящего хозяйства (скотоводство), датированная в пределах второй половины III тыс. до н.э. (Кирюшин, 1986). Эта дата была основана на аналогиях инвентаря. Культура сложилась на местной неолитической основе при участии каких-то групп населения из южных и юго-западных районов Средней Азии, относящегося к южноевропейскому средиземноморскому антропологическому типу (Дремов, 1980). Хорошо прослеживаются контакты с афанасьевской культурой Горного Алтая, о чем свидетельствуют находки типично афанасьевской керамики на ряде памятников и некоторые погребения. Можно говорить и о каких-то контактах с ботайцами или появлении небольших групп населения ботайской культуры, что подтверждается находками керамики с гребенчатой или гребенчато-ямочной орнаментацией, найденными из района Ордынского и Раздутья, антропологический тип которых, по мнению В.А.Дремова, совпадает с черепами населения Ботай. В.Ф.Зайберт (1989) датирует ботайскую культуру концом IV—III тыс. до н.э. По афанасьевской культуре Горного Алтая в двух научных центрах — Институте геологии и географии СО АН СССР и в ЛОИА, была получена серия радиоуглеродных дат, которые укладываются в конец IV — первую половину III тыс. до н.э. и лишь одна дата относится к середине III тыс. до н.э. (Кирюшин, 1985). Таким образом, если говорить о контактах между населением этих культур, необходимо удреживать время

существовании большемысской культуры до этих хронологических рамок. Второе несоответствие общепринятой датировке дал могильник на Старом мусульманском кладбище в Томске, по которому получены даты: 5575 ± 230 лет или 3625 ± 230 г. до н.э. (погребение 6) и 5670 ± 100 или 3670 ± 100 (погребение 8) (Кирюшин, 1988). До сих пор все исследователи единодушно относили его к первой четверти III тыс. до н.э., только одни считали его принадлежащим к позднему неолиту (Матющенко, 1973), другие — эпохе раннего металла (Косарев, 1974). Вся посуда этого памятника, в отличие от большемысской, уже плоскодонная. Видимо, энеолитические памятники Верхнего Приобья уже сейчас можно датировать второй половиной IV — первой половиной III тыс. до н.э. Не исключено, что эта дата может быть удревлена со временем до первой половины IV тыс. до н.э.

Памятники ранней бронзы Верхнего Приобья были выделены одним из авторов в елунинскую культуру, датируемую по бронзовому инвентарю и специфической керамике ХУШ—ХУП — рубежом ХУ—ХІV вв. до н.э. Верхняя граница определялась временем прихода андроновского населения на Верхнюю Обь. По углю из могилы 2 Елунинского грунтового могильника была получена радиоуглеродная дата в 3560 ± 30 лет (СО АН 1893) или 1610 ± 30 г. до н.э., а для слоя с елунинской керамикой поселения Коровья Пристань III — дата в 3660 ± 75 лет (СО АН — 2192) или 1710 ± 75 г. до н.э., то есть они укладываются в пределы ХУШ—ХУП вв. до н.э., а если учитывать поправку первой из них, то до начала ХУІ в. до н.э. Еще одна, сделанная по костям погребенного, была получена в Институте геологии АН СССР по могильнику Цыганкова Сопка-2 и дала возраст 3460 ± 90 (ГИН-4845) или 1510 ± 90 г. до н.э., а корректировочная дата дала возраст 1910 лет до н.э. Материалы могильника опубликованы, а сам он по бронзовому инвентарю датировался в пределах ХУ—ХІV вв. до н.э. (Кирюшин, 1987).

Елунинская культура формируется на основе местной большемысской и генетически с ней связана, что хорошо прослеживается по преемственности основных форм каменных и костяных орудий и орнамента керамики, для которой характерен на ранних этапах постепенный переход от гребенчатой началки и шагающей гребенки к отступающей и шагающей, а на поздних — к комбинированной и печатной. Встает вопрос, когда это происходило? Если согласиться с датой могильника Цыганкова Сопка-2 (1910 лет до н.э.)

выводить из того, что многие из исследованных памятников свидетельствуют о высоком уровне бронзолитейного производства уже в ХУШ—ХУП вв. до н.э., для развития и становления которого необходимо было длительное время, то переход от энеолита к бронзовому веку должен был произойти не позднее второй половины III тыс. или рубежа III—II тыс. до н.э. Видимо, к этому времени относится начало формирования елунинской культуры и, если придерживаться такой датировки могильника Цыганкова Сопка-2, он может быть отнесен к ее ранним этапам. В этом процессе приняли участие группы европеоидного населения восточноевропейского типа, пришедшие из районов Средней Азии. В эпоху ранней бронзы складываются более тесные культурные связи с населением Монголии. Это проявляется в сходстве погребального обряда на этих территориях в предандроновское и в раннеандроновское время, в культе коня, проявившегося в изображениях на рукоятках бронзовых ножей и на навершиях каменных жезлов, в скульптуре, в помещении частей туши или головы в погребениях и в инвентаре. Видимо, Восточный Казахстан (Рудный Алтай) с верховьями Иртыша и Алтай с предгорной зоной и верховьями Оби явились тем местом, где впервые появились некоторые типы сейминско-туркменской бронзы, что неоднократно отмечалось исследователями (Косарев, 1960; Бахер, 1964; Матющенко, 1973). Не исключено, что со временем можно будет поставить вопрос о существовании на этой территории в эпоху ранней бронзы единой археологической культуры. Возможно, в этом процессе какое-то участие приняли группы позднеботайского населения. В.Ф.Зайберт указывает на развитие ботайского хозяйства в начале II тыс. до н.э., приведший, по его мнению, к миграции ботайцев в новые экологические ниши, в том числе и в Восточный Казахстан. Видимо, близость вишневских комплексов с культурами ранней бронзы Западной Сибири, неоднократно отмечавшихся специалистами (Зданович, 1973; Зайберт, 1979; и др.), может объясняться тем, что в сложении их мог участвовать один и тот же компонент: ботайский или принесенный европеоидным населением восточноевропейского типа. По мнению ряда исследователей ботайское или постботайское (Зданович, 1988) и вишневское население генетически связаны с петриковцами, явившимися основой для формирования алакульской культуры (культурно-исторической общности) (Зайберт, 1989). Может

быть, сходство между алакульем и федоровом объясняется не тем, что вторые формируются на базе первых, а тем, что в их основе лежат сходные компоненты, уходящие в эпоху ранней бронзы. Только алакульская культура формируется в западных районах и испытывает сильное влияние синхронных ей культур, локализуемых в районах Поволжья и Приуралья, а федоровская — восточных культур. Четкой границы между ними не было, что приводило к продвижению алакульцев на восток, а федоровцев, соответственно, на запад и к их взаимному влиянию и даже смешению, о чем свидетельствуют материалы ряда памятников.

Андроновская эпоха Алтая долгое время была представлена исключительно материалами могильников, что создавало определенную трудность в ее изучении. Сейчас известно более 90 памятников, в том числе, около 30 поселений или кратковременных стоянок. Раскопано около 400 погребений, начаты исследования нескольких долговременных поселений с мощными культурными слоями (Большой Лог-I, Фисово-1Б, Перевоз), выявлены определенные закономерности в их расположении и впервые получен массовый остеологический материал и керамические комплексы. Характер поселений и остеологический материал свидетельствуют об относительной оседлости населения и подтверждает ведущую роль скотоводства. Все это не позволяет говорить о том, что появление андроновцев на Алтае было лишь каким-то кратким эпизодом в историческом процессе. Сложнее обстоит дело с датировкой федоровских памятников. Одни исследователи датируют их XIV-XIII вв. до н.э. и рассматривают как поздний этап андроновской культуры (Аванесова, 1978) или культуру, сформировавшуюся на основе алакульской (Зданович, 1988). Е.Е. Кузьмина (1985) датирует раннефедоровские памятники XV-XIV вв. до н.э., а позднефедоровские XIII в. и более поздним временем. Другие омолаживают их еще больше. Один из авторов поместил андроновские памятники Алтая в хронологический промежуток между елунинской культурой и культурами валиковой керамики, т.е. между рубежом XV-XIV и XIII-XII вв. до н.э., причем отметил, что памятники предгорной-зоны дают более чистые федоровские комплексы и являются более ранними, а лесостепной — датируются несколько более поздним временем и имеют смешанный федоровско-алакульский облик с преобладанием фео-

дорского чарта (Кирюшин, 1986).

Полученные к настоящему времени материалы по развитой культуре Алтая по совсем укладываются в схему, предложенную для андроновской культурно-исторической общности Казахстана и требующей дальнейшего осмысления. Радиоуглеродные даты по древесине могильника Турина Гора дали следующие результаты: могила 140, 35 лет (СО АН — 2562) или 1750±25 г. до н.э., а могила 140, 20 (СО АН — 2561) или 1620±20 г. до н.э., то есть даты укладываются в пределы XVIII-XVII вв. до н.э. По костям скелета на погребения 15 могильника Быково получена дата 3140±110 (1111 — 4846), а скорректированная дала возраст 1500 г. до н.э. Такие древние даты нуждаются, конечно, в дальнейшей проверке, уточнении и осмыслении, но представляется, что все-таки в ближайшее время необходимо будет пересматривать датировку андроновских памятников Приобья.

В эпоху поздней бронзы происходит дальнейшее упрочение и расширение связей с различными районами Казахстана. Особенно этот процесс прослеживается в западной, степной части Алтая, где ведущую роль в данном процессе играло, видимо, сходство природно-климатических условий, поскольку восточнее, в районах, примыкающих к Оби, следы западных влияний выражены слабее. Весьма отчетливыми были также связи с Рудным Алтаем, поскольку на ряде поселений (Бурла 3, Кайгородок 3 и др.) была обнаружена медь и руда.

Основную часть находок раскопанных памятников составляют материалы, относящиеся к общности КВК. Можно, видимо, с уверенностью говорить о сплошном заселении носителями валиковой керамики степных районов и юго-западных предгорий Алтая.

Огромный интерес представляют находки на Алтае поселений, производящих бетазы-дандыбаевскую керамику. Мы уже давали предварительную характеристику этих материалов (Удодов, 1988). К сожалению, подобные поселения на Алтае пока немногочисленны, поэтому окончательные выводы делать рано. Тем не менее они позволяют исключить Алтай в ареал распространения бетазы-дандыбаевской культуры и поставить целый ряд вопросов, важнейшим из которых является проблема датировки и соотношения с синхронными культурами соседних районов.

Вопросы хронологии бетазы-дандыбаевской культуры, безус-

ловно, далеки еще от окончательного решения. Для Западной Сибири данная проблема в связи со слабой изученностью региона не разработана вообще. Большинство исследователей, опираясь в основном на материалы Казахстана, датируют ее в пределах I тыс. до н.э., X-УШ (Маргулан, 1979), X-IX (Варфоломеев, 1987), IX-УП (Ермолаева, 1987), и даже УШ-УП вв. до н.э.

Представляется, что эти даты не вполне приемлемы, в частности, для комплексов типа Бурла 3, Кайгородка 3. Набор бронзовых орудий, андронидная орнаментация керамики позволяют утверждать, по крайней мере, нижнюю дату, вероятно, до XII в. до н.э.; верхняя ориентировочно может быть доведена до X, может быть IX в. В этом плане любопытна полученная о Кайгородки 3 радиоуглеродная дата, укладывающаяся в XIV в. до н.э.

Изделия из металла, полученные с поселений Бурла 3. Кайгородка 3 не имеют даже определенного сходства с раннескифскими вещами, поэтому, на наш взгляд, сомнительно отнесение стрелецких удил Измайловки (Ермолаева, 1987) к бегазин-дандыбево-скому комплексу, хотя керамический комплекс Измайловки весьма близок нашим материалам.

Приведенные примеры по хронологии памятников бронзового века Алтая, показывают, что она далека от совершенства и требует дальнейших работ в плане накопления новых данных по радиоуглеродной датировке и их осмыслению.

КУКУШКИН И.А.

АНДРОНОВСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ КЕНТСКОГО УЩЕЛЬЯ

Могильник Акимбек и одиночная ограда Кызыл-Кент I находятся в Кентском ущелье в Талдинском р-не Карагандинской обл.

Могильник расположен на правом берегу р. Кызыл-Кент, в I км к юго-востоку от пос. Комсомол. Могильник включает в себя 31 сооружение. На поверхности визуальнo фиксировались 7 каменно-земляных курганов эпохи РЖВ, 20 земляных курганов и 4 ограды эпохи бронзы.

Раскопки могильника Акимбек проводились археологической экспедицией КИГУ в 1988 году. Всего исследовано 6 курганов с кольцевой оградой и одна ограда. Выявлено 10 погребений. Могильник огражден в древности.

Курган-ограда I. Диаметр 6 м, высота 0,1 м. Сооружена из плит, поставленных на ребро. В центре выявлен каменный ящик, опущенный в материк, ориентированный СЗ-ЮВ.

В ящике найдены фрагменты одного сосуда, разрозненные кости человека, лежавшего когда-то в скорченном положении головой на С.

Курган-ограда 2. Диаметр 4 м, высота 0,1 м. Сооружена из плит, установленных на ребро с наклоном внутрь. В центре - каменный ящик, опущенный в материк, ориентированный В-В, в котором найдены кости скелета человека, 5 бронзовых бусин, угольки.

Курган-ограда 3. Диаметр 6 м, высота 0,8 м. Сооружена из плит, установленных на ребро. В центре выявлен каменный ящик, опущенный внутрь, ориентированный широтно. В заполнении были найдены фрагменты керамики и отдельные кости скелета человека со следами окислов бронзы.

Курган-ограда 4. Диаметр 6 м, высота 0,4 м. Сооружена из плит, установленных на ребро с наклоном внутрь. В центре выявлен каменный ящик, опущенный в материк, ориентированный СВ-ЮЗ. В ящике найдены фрагменты двух сосудов, угольки, на дне ящика фиксировались кальцинированные косточки человека.

Курган-ограда 5. Диаметр 7 м, высотой 0,5 м. Сооружена из плит, установленных на ребро с наклоном внутрь. Выявлены два каменных ящика, опущенных в материк. Могилы ориентированы СЗ-ЮЗ, в них найдены кости человека, пастовые пронайки, бронзовая проволока, обломки керамики.

Курган-ограда 6. Диаметр 8,5 м, высота 0,5 м. Сооружена из плит, установленных на ребро. В СВ секторе за оградой зафиксировано скопление плит, под которыми обнаружен провал черного цвета с костями животных и фрагментами керамики. Вероятно, здесь был жертвенник. В центре выявлен каменный ящик, опущенный в материк, ориентированный З-В, на дне которого найдены человеческие кости, фрагменты керамики, костяная поделка, две бронзовые позолоченные обоймочки и три пастовые пронайки.

Ограда I. Округлой в плане формы диаметром 3 м, сооружена из плит, уложенных плашмя, и камней. Выявлено 3 погребения в каменных ящиках, ориентированных по линии СВ-ЮЗ; одно в центре

ограды и два за оградой с ЮВ стороны.

Могила I представляет собой каменный ящик, опущенный в материк, ориентированный по линии СВ-ЮЗ. В могиле I найдены кости детского скелета и нижняя челюсть взрослого человека.

Могила 2 не разграблена. Выявлен костяк ребенка в скрученном положении на левом боку головой на З. Возле черепа найден неорнаментированный сосуд баночной формы. В районе верхних конечностей отмечены угольки.

Могила 3 также уцелела от ограбления. Костяк ребенка лежал в скорченном положении на левом боку головой на З, возле черепа стоял сосуд баночной формы.

Вещевой материал могильника Акимбек представлен бронзовой ворворкой, позолоченными обоймочками (2 экз.), бронзовыми бусами (5 экз.), пастовыми пронизками, костяной поделкой. Керамика могильника представлена фрагментами шести и тремя целыми сосудами. Она разделяется на две группы: горшковидную и банковидную.

Горшки представлены одним целым и фрагментами четырех сосудов. Рисунок наносился по шейке, тулозу и придонной части. Элементы орнамента: прямоугольные и равнобедренные заштрихованные треугольники, зигзаг, каннелюры, меандр, ногтевые вдавления, треугольные вдавления по венчику. Техника — гребенчатый штамп, резные линии, вдавления.

Банки представлены двумя целыми (неорнаментированными) экземплярами и двумя в обломках. Рисунок наносился по всей наружной поверхности. Элементы орнамента: треугольные вдавления, зигзаг. Техника — крупная гребенка, резные линии, вдавления.

Таким образом, ведущей конструкцией изученных погребальных сооружений являлся курган, обнесенный оградой из плоских плит, установленных на ребро с наклоном внутрь (один случай — плиты уложены плашмя). В центре ограды — подпрямоугольный каменный ящик из подогнанных друг к другу плит. Выявлено десять погребений, из них три детских. Два детских захоронения оград не имели. Диаметр курганов колеблется от 4 до 8,5 м, высота от 0,1 до 0,5 м. Четыре ящика ориентированы по линии СВ-ЮЗ, три — З-В, и также — СВ-ЮЗ. Один раз зафиксирована кремация, трижды — интумация скорченно, на левом боку головой на З.

Керамика могильника характерна в целом для федоровской культуры, но одному из горшков имеется прямая аналогия из алакульского погребения могильника Ташик. Форма и орнамент сосудов идентичны, отличается только техника гладкий ступи на ташикском сосуде (Евдокимов В.В., 1986). Это лишний раз свидетельствует о возможности сосуществования памятников федоровского и алакульского типов в рамках андроновской культурно-исторической общности.

Рассмотрим еще одиночную ограду Кызылас I, расположенную на левом берегу р. Кызыл-Кент в 11 км вверх от пос. Комсомол, в 1 км к ЮЗ от скалы Кызылас. Ограда сооружена из уложенных плашмя плоских гранитных плит, от которых сохранились один-два слоя плит. Диаметр ограды 5,7 м, внутри и за ее пределами зафиксированы завалы из плит разрушенной ограды. В ЮЗ секторе отмечено скопление углей. Могильный ящик из массивных плит ориентирован по линии СВ-ЮЗ, опущен в материк и несколько смещен от центра на СВ. В могиле на разной глубине найдены кости человека и фрагменты плавнопрофилированного горшковидного сосуда, орнаментированного елочкой, каннелюрами и зигзагом. Аналогии конструкции ограды и керамике хорошо известны в федоровских могильниках Западной Сибири (Пристань I, Сухое Озеро I) (Максимов Г.А., 1978 г.).

Могильник Акимбек и ограду Кызылас I можно отнести к памятникам федоровской (нурийской) культуры второй половины II тыс. до н.э.

МОЛОДИН В.И., НЕСКОРОВ А.В.

О СВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ И КАЗАХСТАНА В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

В последнее десятилетие на территории лесостепной части Иртышского междуречья выявлена серия могильников и поселений, где обнаружены весьма специфическая керамика, бронзовый инвентарь и погребальный обряд.

Все эти реалии материальной и духовной культуры выпадали из хорошо известных комплексов ирменской культуры региона, и были наиболее близки Центрально-Казахстанским материалам бега-но-донышевской культуры¹.

С течением времени количество этих источников в Сибири резко увеличилось. Особенно важную информацию содержит полностью исследованный могильник Старый сад, где более 70 погребальных сооружений относятся к этому, весьма своеобразному культурному образованию. Открытие в непосредственной близости от Старого сада двух поселений с аналогичной могильнику посудой, а также предварительное определение академиком В.П.Алексеевым антропологического материала как весьма специфического и отличающегося как от ирменского, так и от андроновского³, исследование Т.А.Чикишевой нескольких черепков из могильника Проображенка-3⁴ окончательно убедило нас в том, что перед нами не что иное, как особое культурное образование, сложившееся в результате этнокультурного синтеза автохтонных ирменской и сузгунской культур и пришлого бегазы-дандыбаевского населения.

В данной статье главное место будет уделено характеристике культурных связей этого нового образования с бегазы-дандыбаевской культурой Казахстана, памятники которой известны в настоящее время уже на значительно большей территории, чем собственно Центральный Казахстан⁵.

Сходство в принципах конструкции погребальных сооружений бегазы-дандыбаевской культуры можно обнаружить в конструктивных особенностях части курганов могильника Старый сад. Так, сопоставимы курганные насыпи, известные в идемогильников бегазы-дандыбаевской культуры⁶ (рис. I-1, 2, 5), и в то же время без курганные сооружения Казахстана, где могила огорожена каменной оградкой⁷ и Сибири, где фиксировался ровик (рис. I-3, 4). Для обеих сопоставляемых культур характерен принцип ограждения погребенного. Различного рода ровики — "оградки" (квадратные, круглые, цепочка ям вокруг погребений) не характерны для эпохи поздней бронзы Западной Сибири, когда они встречаются в виде исключения⁸.

Рассматривая особенности конструкций ровиков западносибирских курганов, в частности квадратных, прямоугольных и близких к ним, напрашивается мысль о привнесении данной формы из Казахстана, где такая планировка весьма характерна⁹. Квадратный погреб имеет место и в планировке мавзолеев Северного Тагиска-на¹⁰.

И для бегазы-дандыбаевцев, и для культуры Западной Сибири характерна ингумация, чаще всего в одиночных могилах, скорченно

или положение умершего на правом боку II; есть и отличия, в частности — наличие и отсутствие каменных сооружений, различная ориентация погребенных, наличие в Сибири положения на спине с ногами, подогнутыми коленями вверх.

Наиболее близкие аналогии прослеживаются в керамике. Западносибирская посуда делится по форме на горшковидную, близкую андроновской (рис. 2-1, 2, 4), на горшковидную, близкую ирменской и нарасукской (рис. 2-36; 3) и кувшиновидную (рис. 2-5),

Ориентация всей посуды в целом андроновидная, нанесена четко поставленным гребенчатым штампом, который глубже собственному андроновскому. На андроновидных формах сохраняется и андроновская композиция, тогда как на горшках позднебронзовых форм гребенчатый чаще всего не орнаментирован. По всем этим параметрам, а также по наличию таких специфических особенностей как уступ или небольшой валик, разделяющий венчик и тулово у сосудов позднебронзовых форм (рис. 2-6; 3-1, 4, 5) данная керамика весьма близка бегазы-дандыбаевской.

Сравнивая западносибирскую посуду с керамикой Центрального Казахстана¹², а также Верхнего Прииртышья¹³ и Восточного Казахстана¹⁴, можно обнаружить разительное сходство. Речь идет прежде всего о сосудах позднебронзовых форм, орнаментированных гребенчатым штампом и покрытых различного рода меандровыми линиями, зигзагами, треугольниками в различных сочетаниях. Интересно отметить наличие в керамических комплексах Западной Сибири ступенчатой керамики, что также характерно для бегазов.

Достаточно близко сопоставим и бронзовый инвентарь, среди которого абсолютные аналоги имеют близкий со шпильком и стреловидными удилами¹⁵, которые надежно датируют западносибирскую культуру УШ-УП вв. до н.э., т.е. самым концом эпохи бронзы или переходным временем от бронзы к раннему железу.

В целом, учитывая данные о керамическом комплексе, инвентаре и погребальном обряде памятников, можно предположить, что на территорию Западной Сибири в Барабинскую лесостепь распространялась мощная волна центральноказахстанского населения и в запоздней стадии эпохи поздней бронзы здесь сформировалось население с особым обликом культуры. Ее нельзя отождествлять с бегазы-дандыбаевской или какой-либо другой, как нельзя обнару-

жить совершенно одинаковой посуды и одинаковых погребальных сооружений. Другое дело – идеи и традиции. В орнаментике и тенденциях погребальной обрядности они прослеживаются достаточно четко. Безусловно, культура пришлого населения трансформировалась под влиянием новых условий и иного этнокультурного окружения. Какие-то черты были утрачены (например, сооружение каменных мавзолеев стало невозможным из-за отсутствия материалов), какие-то были сохранены и нашли воплощение в изготовлении посуды определенного облика. При этом следует учитывать, что бегазыдандыбаевская культура сама по себе является достаточно сложным и динамичным образованием.

Учитывая эпохальный характер бытования некоторых черт посуды, погребального обряда, оружия и украшений, следует иметь в виду, что в последние годы обнаружены материалы, позволяющие установить маршруты продвижения казахстанских племен на восток, северо-восток через Кулундинскую степь¹⁶. Результатами такого движения, вероятно, явилось формирование целого ряда культур или субкультур в первой половине I тыс. до н.э. на территории Западной Сибири.

1. Молодин В.И. О связях ирменской культуры с бегазы-дандыбаевской культурой Казахстана // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 3. С. 15–17; Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. С. 142, 143.

2. Нескоров А.В. Могильник Старый сад // АО 1984 г. М., 1986. С. 196.

3. Авторы признательны академику В.П.Алексееву за любезно представленную информацию по палеоантропологии могильника Старый сад.

4. Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 198–204.

5. См.: Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987.

6. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. Рис. 78–80 и др.

7. Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. Рис. 28–7, 29–1 и др.

8. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (Неолит и бронзовый век). Томск, 1974. Ч. IV. С. 118; Ношкова М.Г., Генинг В.Ф. Абатские курганы и их место среди древостепных культур Зауралья и Западной Сибири // МИА.

9. ИВ. М., 1972. Рис. 1а, 2; Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы // С. 133.

10. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979. С. 112–123, 153–159.

11. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарты. М., 1962. С. 11–16; Акишев К.А. Племена Южного Казахстана и Семиречья // История Казахской ССР. Алма-Ата, 1977, Т. I. С. 176–178.

12. Ермолаева А.С. Памятники переходного периода... с. 89.

13. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура..., рис. 96, 97 и др.

14. Ермолаева А.С. Измайловский погребальный комплекс переходного периода от бронзы к раннему железу из Восточно-Казахстанского Прииртышья // Ранний железный век и средневековые Урало-Саянского междуречья. Челябинск, 1986. Рис. I.

15. Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. Рис. 3.

16. Ермолаева А.С. Памятники переходного периода..., рис. 43–1, 2, в; 33.

17. Удодов В.С. Эпоха поздней бронзы Кулунды (к постановке вопроса) // Хронология и культурная принадлежность памятников раннего и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 107–110.

УСМАНОВА Э.Р.

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД К УМЕРШЕМУ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ЛИСАКОВСКИЙ)

За четыре года полевых работ на могильнике Лисаковский (Актюбинская обл., г. Лисаковск) было вскрыто 80 захоронений. Хронологические рамки бытования могильника XV–XIII вв. до н.э.

Уникальность некрополя проявляется в сосуществовании погребений с алакульской посудой и погребений с федоровской на одном погребальном поле, в одной ограде (2 случая), в одной камере (1 случай). Количество алакульских погребений – 65, федоровских – 15. Материалы могильника можно использовать только в решении проблем культурно-хронологического порядка, андроновском погребальном обряде "вещность" артефакта выступает главную роль его "символичности" при реконструкции мировоззрения рассматриваемого социума. В данном случае обряд, феномен бесписьменного периода развития общества, обладает высоким семиотическим уровнем, несмотря на информативную "усовершенность" обрядовых текстов, как текстов "мертвой" культуры (Лотман Ю.М., 1987). В соответствии с пониманием двойственной природы вещей в обряде (Байбурина А.К., 1981), устанавливается наша исследовательская задача: представление информативного статуса предметов в ритуале. Под предметом в обряде мы понимаем непосредственно сам предмет и опредмеченные действия в артефактах. При интерпретации основным является тезис о погребальном обряде как знаковой системе (Усманова Э.Р., 1987), состоящей о поле, возрасте, социальном положении и условиях (причинах) смерти умершего (Добролюбовский А.О., 1987, таблицы А.Бинфорда). Таким образом, погребальный обряд можно рассматривать как "текст", где функции знаков выполняют предметы, а их связи между собой (синтаксис) составляют информативный "паспорт" умершего.

Погребальный обряд могильника Лисковский (для анализа рутся лишь алакульские погребения) расчленяется на следующие категории. 1. Погребальная постройка: а) курган-ограда, б) ряда.

2. Погребальная камера: а) грунтовая яма с деревянной рамой настилом; б) грунтовая яма без рамы (ориентировка преобладает широтная).

3. Способ обращения с умершим: а) кремация, б) ингумация.

4. Вещевой инвентарь.

5. Остатки тризны и жертвенная пища (кости животных в курган-ограде, камере).

Категорию "вещевого инвентаря" можно разделить на совокупности признаков: 1) украшения; 2) орудия; 3) керамическая

посуда.

Украшения по способу ношения группируются на: 1) головные (накошник I типа – в виде двух нитей бус, заканчивающихся антоновидными подвесками, II тип – сложносоставное ювелирное украшение в сочетании с нитями бус, бляшек, подвесок), височные кольца и подвески в I,5 оборота, покрытые листовым золотом, подвески из клыков и раковин, бляшки; 2) шейные – гривна, бусы "крестик"; 3) ручные браслеты (I тип – разомкнутый с окончанием спиралевидных, II тип – разомкнутый со спиралевидными головками); 4) ножные – бусы (бронзовые и пастовые); антоновидные пластинки с рефлением.

Из орудий труда найдены ножи срубно-андоновского типа (из орг.) и шило. Коллекция керамической посуды включает в себя сосуды баночной и горшечной формы.

Погребальный мир делится на 2 мира – детей и взрослых. Таким деление прежде всего определено стратификацией реального общества (Кон И.С., 1988). Первоначально рассмотрим кодирование "мира детей" в ритуале некрополя. Выборка детских погребений производилась по антропологическим (определение Дремона А.П.) и археологическим данным (размеры камер в интервале 0,8-1,2х0,5-0,8 м). Группа включает в себя 2 подгруппы: 1) до 10 лет; 2) до 10-12 лет. Погребения подростков 12-15 лет можно рассматривать как отдельную переходную подгруппу в "мир взрослых". Детские погребения зафиксированы: а) во рву курган-ограды; б) в отдельной одиночной камере без деревянных конструкций (табл. I). В первом случае погребения совершались во рву в течение определенного отрезка времени. В трех курганах соответственно было найдено по два, пять, одному детскому погребению. Одиночные камеры, как правило, расположены в междоузльном пространстве, но отдельного кладбища не образуют. Погребения подростковой подгруппы встречались в пристройках к оградкам с центральными захоронениями взрослых. По всей видимости, в возрастных рамках 12-15 лет в андроновском обществе происходил инициационный переход в группу взрослых. В погребениях детей преобладают сосуды баночных форм. Если встречаются горшки, то орнаментальные композиции имеют упрощенный вид. Вещевой инвентарь четко реагирует на возрастные изменения. В погребениях I подгруппы (девочки) найдены бусины, подвески

(очковидная, из ракушки) в области тела и головы. В возрасте 7-10 лет (II подгруппа) на умерших девочках зафиксированы браслеты без окончаний, проволочные бронзовые височные кольца. Набор украшений резко меняется в подростковой группе: наконечники I типа, браслеты с наконечниками, подвески из раковин и клыков, бляшки. Такая модификация декора одежды прежде всего связана с переходом девочки, в связи с достижением репродуктивного возраста, в ранг девушки.

Вещевой материал в погребениях мальчиков представлен, видимо, только сосудами. Зафиксирован один случай нахождения бляшек у мальчика в возрасте 7-9 лет. Этнографически именно 2-ой период детства связывается с приобщением к миру взрослых посредством игры (Пещерова Е.М., 1957).

Погребения взрослых совершались: 1) в курган-ограде; 2) в овраге; 3) в отдельной могиле без ограды (табл. I).

Курган-ограда отличается конструктивно от ограды: под насыпью фиксируется круговая земляная площадка, вокруг ограды кольцевой ров шириной до 2 метров. Диаметры курганов от 10 до 14 м.

Ограды меньше по размерам - 3-10 м. Размеры камер в интервале I-1,5 x I,5-2,4 м. Придонная часть камер оформлена деревянной рамой. Иногда фиксируется перекрытие в виде поперечного настила из плашек. Способ обращения с умершим: кремация и ингумация (погребенный лежит скрещенно на левом или правом боку, головой на запад). Вещевой инвентарь в погребениях взрослых: орудия труда (нож), украшения (наконечники обоих типов), гривны, подвески, браслеты (II типа). Сосуды горшечной формы с трехлопастной "нарядной" орнаментацией.

Визуальное отличие погребений детей от погребений взрослых в обряде оформляется посредством: 1) местоположения в некрополе; 2) устройства камеры; 3) способа обращения; 4) инвентаря.

Половая дифференциация кодируется по категориальной цепочке: местоположение (курган-ограда) - украшение - сосуд. В курганах-оградах центральные погребения - женские (кроме одного случая).

В инвентаре женских погребений в курганах-оградах обнаружены ножи (2 случая). Этот факт позволяет отнести нож к категории "престижных" вещей, символизирующих особый статус погребенной.

Половозрастные группы	Курган-ограда	Однокамерная	Ограда	Камера		Размеры	Камера		Положение костяка		Кремация
				I гр. малая	II гр. большая		с рамой	без рамы	на лев. боку	на прав. боку	
дети 22	12	9	I	22	-	-	-	22	9	I	12
подростки 10	I	I	8	2	2	8	2	8	6	-	4
женщины 8	3	-	5	-	7	8	I	I	3	-	3
мужчины 4	I	3	3	-	4	4	4	-	3	-	I
Взрослые 16	2	6	7	-	15	I5	9	6	I	-	I3
Парные 2		I	I	-	2	2	I	I	I	I	2
Кенотафы 3	-	3		3	-	-	-	3	-	-	-
Взрослые I	I	I	I		I	I					
Итого: 65	19	23	25	27	38	28	42	23	2	36	4

I. В таблице указаны абсолютные цифры.

бренных женского пола в обществе. Украшения в женской группе имеют свои внутренние градации. Появление сложносоставного наконечника (II тип) в декоре головного убора, видимо, связано с изменением социально-семейного положения женщины. Так как при переходе в рант замужней женщины происходит смена головного убора, а после рождения детей волосы прячутся полностью, набор украшений становится скромней (Гаген-Торн Н.И., 1989).

В мужских погребениях обнаружены только ножи (2 случая), детали декора одежды пока остаются неизвестными.

Возможно также, что орнамент на погребальной посуде отражает половозрастное деление и социальный статус. На анализ керамики как семиотической системы предстоит еще сделать.

Группа погребений, которая характеризуется стандартным набором знаков, названа условно ординарной. Другая группа, более малочисленная, названа неординарной. Погребения этой группы выделяются по своим ритуальным характеристикам из общей массы.

К ним относятся погребения взрослых, совершенные: а) в курганах-оградах; б) по способу трупосожжения; в) в глубокой камере.

Погребения детей: а) во рвах курганов; б) со "взрослым" инвентарем.

На наш взгляд, в ритуализированных объектах погребений 2-ой группы, наряду с половозрастной символизацией, более углублено обозначен иной аспект символизации: социальный статус и детерминированность смерти. Погребения в курганах-оградах скорее всего относятся к представителям родовой знати. Захоронения женщин с ножами, богатым инвентарем в центральных ямах и детские погребения во рвах подчеркивают социальную значимость культа матери-прародительницы. Однако утверждать о прямой родо-венной связи "мать-ребенок" в этом случае невозможно, т.к. относительно молодой возраст погребенных женщин в кургане (15-20 лет), неоднократные подзахоронения детей разного возраста указывает на другой тип родственных связей, опосредованный особенностями развития большой семьи.

Алакульские погребения с трупосожжением расположены преимущественно на поле некрополя. Альтернативный способ обращения с умершим повлек за собой знаковую модификацию всего погребения

и "текста". В одном случае в погребении (раскоп П, мог. 4) отсутствует инвентарь, кроме двух бронзовых подвесок в I,5 диаметра, отмечена забутовка камнем. В другом - отдельная ограда, расположенная на периферии могильника, содержит три камеры с кремацией (раскоп X, ограда I). В неограбленной могиле найден набор погребальной посуды из 14 горшков и накончик I типа. Такой способ обращения с умершим, не характерный для алакульцев, видимо, связан с особым положением погребенного или специфическими причинами смерти. На наш взгляд, это ритуальное явление нельзя рассматривать только как факт взаимодействия обрядов фодоровской и алакульской культур. Кремация, возможно, существовала как противоположный способ обращения с определенными категориями умерших, тем более, что ритуальное сосуществование двух способов прослеживается на довольно широкой территории распространения племен андроновской культурно-исторической общности (Усманова Э.Р., 1987). К этому же разряду "особых" захоронений (за погребениями в курганах-оградах мы оставили условное название "престижных") к неординарной группе отнесена известная глубокая, небольшая по размерам яма (I, 2x1,0x1,2 м) (раскоп II, мог. 10), забутованная камнями.

Захоронения детей во рву курганов (приближенность к центральным "престижным" погребениям) и положение инвентаря из другой известной группы (два случая захоронений девочек до 5 лет с подвесками без наветрившей) подчеркивают раннюю социализацию детей в связи с их принадлежностью к ведущему клану.

Детские погребения (девочки) во рву, как правило, имеют стандартный инвентарь. Среди посуды встречаются горшки с "нарядной" орнаментальной композицией, характерной для взрослых погребений.

В некрополе зафиксированы погребальные камеры, не содержащие костиков (одна по размерам относится к группе "взрослых", другая - к группе детей). Погребения неограбленные. В двух случаях найдены по два сосуда, в одном - четыре, в последнем - вишневое кольцо, обтянутое золотой фольгой. Эта группа захоронений условно названа "кенотафами". Два погребения можно отнести к группе "экстраординарных". Первое - захоронение мальчика 10 лет (раскоп IV, огр. I, мог. I), в ограде, положение тела в развернутом состоянии, ноги на боку, головой на запад.

Череп раздавлен специально положенными двумя плитами. По обеим сторонам туловища – 2 скопления альчиков. Второе – вторичное захоронение девочки 10–14 лет. При сооружении камеры была разобрана и расширена ограда (раскол УШ, отр. I, мог. 4). Судя по костям, они были помещены в яму преднамеренно и не имеют анатомического порядка. Связки костей стоп ног и позвоночники были целы, поэтому в погребении они зафиксированы сочлененными. Украшения находятся непосредственно на местах их ношения: браслеты на руках, наконечник I типа и украшения декора шапочки – у черепа. По-видимому, тело находилось на воздухе или в помещении, а после разрушения тнаний было погребено. Описанное вторичное захоронение – единственное известное автору в андроновском погребальном обряде. Однако такой ритуал часто встречается в обрядовой практике от энеолита до средневековья на большой территории, причем нигде вторичный обряд не является господствующим способом обращения с умершим. Точная интерпретация его невозможна из-за информационной ограниченности археологических "текстов". Высказанная в литературе точка зрения, что "помещение костей может быть связано как с определенными законами родового общества, так и с регуляцией погребений в зависимости от сезонных обрядов" (Никитовский Ю.Ю., 1988), кажется нам вполне приемлемой.

Таким образом, широкая знаковая вариативность в погребальном обряде алакульских племен на материалах некрополя может объясняться, главным образом, дифференцированным подходом к умершему. Это связано с тем, что погребальный обряд, относящийся к циклу "переходных обрядов", ставит целью восстановление прижитвенного статуса человека после его смерти (A. von Gennep, 1963 г.).

ОРАЗБАЕВ А.М., ТОЛЕУБАЕВ А.Т.

НОВЫЕ АНДРОНОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Семипалатинская археологическая экспедиция Казахского государственного университета им. С.М. Кирова в полевом сезоне 1989 года проводила работу по исследованию и выявлению археологических памятников области. Экспедиция проводила разведку

и раскопки в Аксуатском районе, ранее совершенно не исследованном в археологическом отношении. Были открыты могильники Алаулы I–III, Актубек I–IV, Масалы, Ескеалмас, Шалкак и др. В 1989 году зафиксировано 193 кургана ранних кочевников и оград эпохи бронзы. В 1989 году раскопки велись на могильниках Ескеалмас, Алаулы I, Актубек I и Масалы.

Могильник Ескеалмас находится на территории с-за "Аксуатинский" в ущелье Ескеалмас, в 3 км от усадьбы фермы № 3 Наум, к востоку от дороги в центральную усадьбу совхоза. Памятник состоит из 31 кургана и кольцевых оград. Курганы различной величины, сложены из земли и камня. Кольцевые каменные ограды в среднем имеют диаметр 7–8 м. Интерес вызывают шесть оград диаметром 7–9 м, сооруженных из больших камней, частично вкопанных в землю, причем все камни – глыбы белого кварца, кроме одного. В каждой ограде. Эти последние, из темного сланца, стоят по одному на западных сторонах, как бы указывая на вход в ограду. Следует отметить, что почти во всех оградах этого комплекса западные стенки как-то подчеркивались тем, что один из камней был иной цвет, чем другие, или был крупнее, выше других в кольцевой ограде. По всей вероятности, у носителей этой культуры был культ западной стороны и страны мертвых, вследствие чего памятники умершим они ориентировали на запад. На могильнике раскопаны три ограды – две круглые из белого кварца и одна прямоугольная из сланца.

Круглая ограда № 5 диаметром 6,8 м расположена в северо-восточной части могильника. Сооружена из кварцевых глыб, врытых в ребре. Обнаружены два ограбленных захоронения в отдельных цистах, ориентированных длинными сторонами по оси В–З. Глубина могил от верхнего края цист 0,65 м. Судя по некоторым сохранившимся в анатомическом порядке частям скелета можно предположить, что первоначально погребенные лежали скорченно на левом боку, головами на З. В юго-западных углах обеих могил было найдено по одному горшку андроновского облика.

Кольцевая ограда № 13, сооруженная из белых кварцевых глыб, расположена в северо-западной части могильника. Диаметр кольца 8 м. В ее центральной части под дерном выявилась каменная кладка в виде второго овального кольца, сооруженного из более мелких камней. Часть камней с восточной стороны отсутствовала, так

что кольцо имело форму подковы. В могильной яме была сооружена циста из сланцевых плит, ориентированная с В на З. При кладке цисты плиты укладывались на подсыпанную землю. Размеры цисты по верхнему краю: длина — 1,4 м, ширина — 0,96 м, по дну соответственно 1,7 и 1,3 м, глубина от верхних плит — 1,2 м. Ее стенки расширены ко дну. В цисте в беспорядке лежали кости скелета погребенного, среди которых найден раздавленный плоскодонный горшок с округлыми плечиками и типичным андроновским орнаментом.

Прямоугольная ограда № 12. Размером 4,6х3,1 м, ориентированная длинными сторонами с Ю на С, расположена в западной части могильника. Сооружена из сланцевых камней, положенных в один ряд. Внутри ограды находились наброски камней, отмечавшие два ориентированных с В на З захоронения. На дне ямы № 1 (южной), в ее западной части находился череп погребенного младенца, рядом с которым стоял маленький глиняный неорнаментированный горшок баночной формы. В восточной части ямы лежали кости конечностей погребенного. Могила ограблена. Могила № 2 (северная) на глубине 1 м от поверхности раскопа имела перекрытие из прямоугольных каменных плит. Под ними выявлена грунтовая могильная яма 1,6х1,2 м глубиной 1,1 м. На дне лежал скелет женщины в скорченном положении, на левом боку, головой на З, лицом на С. Ноги скелета сильно подогнуты под углом 35–40°. Возле черепа стоял орнаментированный горшок. Около правой челюсти лежала бронзовая серьга, вторая найдена справа от затылка. Рядом с серьгой лежали три тонкие гофрированные бронзовые пронизки, обернутые очень тонкой золотой фольгой и две пастовые пронизки. Еще 6 таких пронизок обнаружено в области шей. На груди лежала круглая бронзовая бляшка, около локтя правой руки — 5 аггилитовых и 2 бронзовые пронизки. У голеностопного сустава найдена низка бронзовых цилиндрических бус, свернутых из мелких бронзовых пластинок. В средней части правой голени у колена левой ноги лежали еще 10 бронзовых бус. Здесь же найдены кусочки грубой ткани от футляра, платья или верха обуви.

Могильник Масалы расположен к Ю от родника вдоль дороги, идущей из Мурсаалима в центральную усадьбу с-за им. Амангельды.

Могильник состоит из 17 курганов и оград, 10 из них составляют курганы диаметром 4–11 м, высотой 0,4–0,5 м; 7 оград выделяются оригинальностью надмогильных сооружений, представляющих собой дугообразные сооружения.

Ограда № 10 находится в середине могильника и представляет собой сочетание двух форм оград — внешней четырехугольной и внутренней круглой. Внешняя ограда размером 4,15х4,61 м ориентирована стенками по сторонам света. Она сооружена из хорошо обработанных голубоватого цвета прямоугольных каменных блоков 0,7–1,5х0,3–0,35 м, высотой около полуметра. Ограда возвышается на 0,25–0,3 м над современной поверхностью.

Внутренняя круглая ограда диаметром 3,35 м сооружена из плоских, врытых на ребре наклонно, плит.

На глубине 1,1 м обнаружен каменный спаренный ящик с одной общей стенкой, ориентированный по линии З–В. Большой ящик 1,0х0,85х0,7 м сооружен из четырех плотно подогнанных друг к другу коленовато-синих плит. В малом ящике 1,00х0,5х0,7 м был захоронен ребенок 5–6 лет. В северо-западном углу найден горшок баночного типа. Оба погребения ограблены.

В исследованных могильниках Ескеалмас и Масалы зафиксированы три вида погребальных сооружений: грунтовые ямы, каменные ящики и цисты. Обряд захоронения во всех могилах единообразен — труположение с западной ориентацией. Все погребения ограблены или потревожены, за исключением ограды № 12 в могильнике Ескеалмас, где погребенная лежала скорченно на боку.

По обряду захоронения и по устройству погребений исследованные могилы типичны для андроновской культуры. Захоронения же в цистах сближают их с памятниками Восточного¹ и Центрального Казахстана². Сопровождающий инвентарь типичен для андроновских памятников и состоит из глиняной посуды, бронзовых, аггилитовых украшений и кусочков шерстяной ткани. Керамика изготовлена от руки ленточной техникой. Тесто с примесью кварцевого песка и дресвы, обжиг костровой. Сосуды по форме и орнаменту делятся на две группы. Первая группа — классические плоскодонные горшковидные сосуды со слегка отогнутым венчиком, округлыми плечиками, слегка раздутым туловом. Орнамент нанесен по всей поверхности или в верхней части сосуда, выполнен ребристым и гладким штампом, иногда вдавливанием конца палоч-

ки. Основные мотивы: заштрихованные треугольники, меандровидные узоры, горизонтальные зигзаги, вдавления палочкой в виде треугольников, желобков, серповидных фигур. Данный вид керамики характерен для раннеандоновского времени (Федоровского этапа Северного³, Нуринского – Центрального⁴, Буковинского – Восточного Казахстана⁵).

Керамика второй группы горшочно-баночного типа. Орнамент в виде желобков, округлых вдавлений, параллельных зигзагов нанесен гладким штампом. Эту группу керамики можно отнести также к андроновскому времени. Она имеет аналогии с керамикой алакульского этапа Северного⁶ и атасуского этапа Центрального Казахстана⁷, а также с посудой памятников верховьев Оби⁸.

Изделия из бронзы – серьги, бусы, пронизки – в исследованиях погребений представлены женскими украшениями. Сужающиеся к концам серьги, свернутые из тонкой узкой полоски листовой бронзы, обшитые в погребениях андроновской культуры⁹. Аргиллитовые гофрированные или ребристые пронизки также типичны для андроновских погребений¹⁰.

Фрагмент шерстяной ткани грубой выделки подобный нашему, впервые в Казахстане был найден в могильнике Боровое в 1954 году¹¹, хотя фрагменты шерстяных изделий и вязанных шапочек еще в 1914 и 1928 гг. были найдены в андроновских могилах Южной Сибири¹².

Более крупные кусочки шерстяной ткани найденные в могильнике Ескалмас, возможно, являются остатками обшивки какого-то футляра, так как на обратной стороне ткани сохранились плотно прилипшие твердые пластинки (остатки засохшей кожи или бересты?). По характеру переплетения нитей можно судить о том, что ткань изготовлена на примитивном станке типа "ормек".

Таким образом, памятники эпохи бронзы, исследованные в Асуатском районе, по устройству надмогильных сооружений, погребальных камер, составу могильного инвентаря относятся к культуре племен андроновской историко-культурной общности и могут быть датированы концом Федоровского и начальным периодом алакульского этапов андроновской культуры, т.е. XVI–XIV вв. до н.э.

1. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. № 88. М.–Л., 1960. С.261. Табл. I; Оразбаев А.М. Научный отчет Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1985 г. (рукопись). Рис. 18, 19, 36, 37.

2. Маргулан А.Х. и др. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С.73. Рис. II; С.76, рис. 14; С.78, рис. 15.

3. Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т.5. Алма-Ата, 1958. С.283, табл. I; С.285, табл. III.

4. Маргулан А.Х. и др. Древняя культура Центрального Казахстана, с.64, табл. I, 1, 2, 3; табл. II, 2.

5. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. № 88. М.–Л., 1960. Табл. УШ.

6. Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы, табл. VI, рис. 2, 9.

7. Маргулан А.Х. и др. Древняя культура Центрального Казахстана, с.112, табл. УШ; табл. X, рис. I; табл. XI, рис. 7.

8. Грязнов М.П. История древних племен верхней Оби (по раскопкам близ с. Большая речка) // МИА. № 48. М.–Л., 1956. С.19, рис. 2–3, 4, 5; Табл. III, рис. 6–6, 9, 12;

9. Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы, табл. V. рис. 5, 6, 21, 22, 29, 30, 33, 34; Рис. 16, 17; табл. УШ, рис. 13–16;

Маргулан А.Х. и др. Древняя культура Центрального Казахстана, с.114, табл. IX, рис. 2–4; С.138, табл. XIII, рис. 1, 6, 13, 14; С.

170, табл. VI, рис. 3; Грязнов М.П. История древних племен верхней Оби, с.17, рис. 1–3; Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутах I в Западном Казахстане // МИА. № 120. М.–Л., 1962. С.159, табл. XXXII, рис. 1, 18; С.161, табл. XXXIX, рис. 1, 2, 3, 4.

10. Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи..., с.160, табл. XXXII, рис. 18; Оразбаев А.М. Северный Казахстан, табл. V, рис. 17.

11. Оразбаев А.М. Северный Казахстан..., с.154–155.

12. Топлоухов А.Я. Андроновские могилы // Сибирская живая старина. Иркутск. 1926, Вып. I. С.158; Сосновский Г.П. Древнейшие шерстяные ткани Сибири // ПИДО. 1934. № 2. С.95–96.

СОБАКА В РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ АНДРОНОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Факты намеренного помещения умерщвленных собак в андроновские ритуальные комплексы еще не избирались в качестве самостоятельного объекта исследования. Несмотря на относительную малочисленность, полученные в ходе полевых исследований собаки в ритуальной практике андроновского населения. Однако прежде, чем обратиться к рассмотрению семантической природы интересующих нас комплексов, представляется целесообразным дать хотя бы краткую характеристику материалов.

В составе ритуальных комплексов костяки собак были обнаружены на перекрытии погребальных сооружений в могильниках Кинзерский¹, Куропаткино II², а также на площадках в непосредственной близости от стенки могильной ямы — Берлик II³, Верхняя Алабуга⁴. В Алакульск м могильнике рядом с краем могильной ямы был помещен череп собаки⁵. Известны находки собак в насypах курганов в могильниках Чистоселье⁶, Федоровка⁷, Сухомесовский⁸ и в пределах каменной ограды в могильнике Усть-Ерба⁹. Наряду с уже указанными способами, собак помещали в специальные ямы, как это было зафиксировано в могильниках Черняки I¹⁰ и Царев Курган¹¹. В могильнике Сухое озеро Ia совместно с погребением ребенка в каменном ящике лежала верхняя непотревоженная часть скелета собаки¹². На поселении Язев I череп собаки были обнаружены в жилище рядом с очагом и во рту совместно с черепами других домашних животных¹³. В могильнике Синташта, материалы которого относятся к кругу петровских комплексов, костяки собак были обнаружены в засыпке могильных ям над погребальными камерами¹⁴.

Анализ структурных элементов андроновских комплексов, в которых обнаружены умерщвленные собаки, позволяет в ряде случаев выявить устойчивое сочетание. В могильниках Синташта и Берлик II собаки найдены в захоронениях, где были также обнаружены костяки лошадей и остатки колесниц¹⁵. Этот факт приобретает особое значение в связи с существующей точкой зрения, согласно которой именно в таинных обществах, в основе которых лежит посвящение в воины, развивалась и переистолковывалась мифология и магия собаки и волка¹⁶. Имеющиеся сведения сви-

детельствуют в пользу универсальности данного явления. Так, в захоронениях из Аньяна и Угуаньцунни, наряду с моделями ярма, которые А. В. Варенов рассматривает в качестве атрибута колесницы, обнаружены кости собаки и лошади¹⁷. Захоронение лошади и собаки открыты рядом с погребением скифского воина на Керченском полуострове¹⁸. Широко известен факт обнаружения захоронений собаки и лошади в мавзолее Неаполя Скифского¹⁹. Детали конной упряжи из Пазырыкских курганов были украшены изображением волков²⁰. Многочисленные свидетельства почитания лошади в ороски содержат кобанские материалы²¹. Археологические данные находят подтверждение в ряде индоевропейских эпических традиций, в которых широко использовалось обозначение воина как олененого пса, причем в отношении скифов было высказано предположение о том, что молодые воины на разных ступенях инициации считали себя волками-псами²². Весьма показателен эпический сюжет, в котором герой нартовского эпоса Урызмаг выводит из склепа коня Ардана и собаку Силам. В одном из финальных сюжетов эпоса — погребении Патрокла, вслед за ритуальным заклинанием следует жертвоприношение двух обезглавленных собак. В петровском могильнике Берлик II наряду с костями и черепом лошади обнаружены скелеты двух собак без черепов²³. Собаки с олененой черепами известны в погребальных ладьях викингов²⁴. Учитывая вышесказанное, есть все основания предполагать, что культ собаки и волка, связанный с военной организацией скифских обществ, уходит своими корнями в эпоху бронзы. Опираясь на хронологию могильников Синташта и Берлик II, бытование этого культа представлений в среде населения пояса евразийских степей можно с уверенностью отнести уже ко второй четверти II тыс. до н. э.

Культ собаки. — идущая из глубокой древности мощная культурная традиция, которая в синхронном и диахронном срезах демонстрирует различные способы реализации. Особо следует отметить оленные камни. Изображения собак²⁵, предметов вооружения и общая семантика изваяний дают основания рассматривать их в контексте интересующей нас традиции.

Безусловно, затронутые вопросы требуют значительно более подробного исследования, однако в рамках данной работы они

были рассмотрены лишь в самом общем виде, тем более, что это только один из аспектов сложного комплекса представлений, связанных с почитанием собаки.

Анализ приведенной выборки позволяет констатировать, что практически во всех случаях собака была помещена выше погребенного или погребенных. Таким образом, обряд отводил ей промежуточное положение на мифологической дистанции между миром мертвых и миром живых. Ряд исследователей рассматривает собаку прежде всего в связи с загробным, потусторонним миром²⁶. Не высказывая принципиальных возражений против данного подхода, позволим себе заметить, что применительно к древнейшим мифологическим системам нет достаточных оснований утверждать, что в образе собаки превалирует хтоническая окраска. Многочисленные наблюдения, базирующиеся на этнографическом материале свидетельствуют о неоднозначном, а зачастую о противоречивом характере всего комплекса представлений, связанного с собакой. Данная особенность свойственна формам почитания собаки у народов Северной Азии²⁷ и отмечена для древнеиранской и древнеиндийской религий²⁸.

В погребальном обряде собака могла выступать в роли психопомпного животного. Данная мифологема обнаруживает параллели в различных культурных традициях. Это и "четыреглазые" собаки ведийского бога смерти Ямы, и собакоголовый Анубис. Собака, доставляющая или сопровождающая душу умершего, выступает в роли посредника между двумя мирами. Эта мифологическая конструкция обретает логическую оторванность, если мы учтем, что вся жизнь собаки, которая обслуживает жизнедеятельность человеческого сообщества, протекает на границе культурного освоенного и природного, неосвоенного пространства. В наиболее явном виде охарактеризованная ситуация проявляется в том случае, когда она охраняет усадьбу, хотя ее функции по охране стада и роль на охоте также могут быть рассмотрены в этом ключе. Образ собаки как медиатора между двумя пространственно-временными континуумами возникает на ранних стадиях формирования мифологических систем и обладает большой устойчивостью. Так например, из жизнеописаний христианского святого — Христофора Кинокефала, чей образ, по мнению Е.Н.Максимова, восходит к Египетскому Анубису, известно, что он помогал странникам переправляться

через водный поток²⁹. Водный поток, переправа, собакоголовый помощник — семантический ряд, берущий свое начало в глупости архаике.

Использование черепа собаки в андроновских обрядах свидетельствует в пользу того, что в мифологическом контексте наиболее значимая часть воплощала весь спектр функций, приписанных целому животному. С этих позиций зубы собаки, входившие наряду с остальной атрибутикой в состав андроновских погребальных оденний, актуализировали вполне конкретное свойство, а их интерпретация в качестве оберегов представляется вполне вероятной. Актуализация того или иного свойства происходит в зависимости от обрядового сценария. В связи с этим череп собаки рядом с очагом в жилище и череп в составе погребального инвентаря могли воплощать различные мифологические представления.

Помещение черепов животных в ритуальные комплексы — отдельная проблема, однако череп бобра из Большепичугинского могильника³⁰ заслуживает отдельного рассмотрения. Наличие костей бобра в андроновских комплексах позволило Е.Е.Кузьминой сделать вывод о древнем происхождении этого культа и связать его происхождение с европейской лесостепной зоной³¹. К сходным выводам пришла Н.А.Членова, по мнению которой, культ бобра был заимствован древними иранцами у финно-угорского населения в эпоху бронзы³². Видевдат, пытаясь найти представления о мифологии древних иранцев, свидетельствует, что бобры наряду с выдрами и лисицами относились к разряду собак. Данный подход в зоологической классификации не является универсальным. Энциклопедисты сближали собак с волками и песцами³³. Поэтому для нас гораздо существеннее то, что собаки, находясь в одном ряду с выдрами и лисицами, оказываются приобщенными к водной стихии. В этой связи находка трех пар жаберных крышек крупных рыб совместно с костяками двух собак в петровском комплексе³⁴ представляется немаловажной этнографической деталью. Среди признаков, характеризующих формы почитания собаки у народов Севера Азии, Н.В.Лукина особо отмечает связь этого животного с водной стихией³⁵. Из трех ареалов, наиболее насыщенных общими признаками, один локализуется в Северо-Западной Сибири и связан с обскими уграми³⁶. Показательно, что подавляющее большинство

андроновских комплексов, в которых обнаружены умерщвленные собаки, группируется на территории Южного Зауралья и Северного Казахстана. Не исключено, что формы почитания собаки у обских угров уходят своими корнями в глубокую древность и сохранили следы древних контактов иранского и угорского населения. Вероятно, именно на андроновское время приходится период интенсивного оформления культа бобра и собаки в условиях частичного совпадения их ареалов. Если данное положение справедливо, то представление о бобре как водяной собаке обретают под собой логическую основу.

Показательно, что формы почитания собаки у андроновцев имеют прямые аналогии с обрядностью срубного населения. В Шигонском могильнике обнаружен скелет собаки на перекрытии, устроенном над погребением —кенотафом³⁷. Этот комплекс может быть сопоставлен с курганом 13 из могильника Куропаткино II, где скелет собаки найден на бревнах перекрытия сложной конструкции, внутри которой не обнаружено останков погребенного³⁸. Единство форм почитания собаки — еще один штрих к общей картине культурной близости срубных и андроновских комплексов.

Таким образом, существование культа собаки в рамках андроновской культурной традиции достоверно фиксируется уже в петровское время. Его формирование происходило на фоне сложения идеологических представлений, возникших с усложнением социальных структур, среди которых особо следует отметить связанные с военной организацией. Формы почитания собаки в среде андроновского населения базировались на сложном комплексе представлений, согласно которым собака выступала не только как хранитель благополучия живущих, но и в качестве проводника умершего. Не исключено, что некоторые особенности культа собаки в более поздних культурных традициях являются следствием контактов иранского и финно-угорского населения в андроновское время.

1. Кузьмина Е.Е. О соотношении типов андроновских могильников Урала (по материалам Кинзерского могильника) // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 226.
2. Бухонина Т.А. Могильник эпохи бронзы Куропаткино II на р. Чаглинка // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск,

1984. С. 68.
3. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988. С. 76.
4. Потемкина Т.М. Работы Тобольского отряда // АО 1978 г. М., 1979. С. 269.
5. Сильников К.В. Курганы на оз. Алакуль // МИА. № 24. М., 1952. С. 62.
6. Могильников А.В. Курганы Чистосебяжье. // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 31.
7. Сильников К.В. Андроновский могильник у с. Федоровки Челябинской области // МИА. № 1. М.-Л., 1940. С. 64.
8. Андроновская культура. Вып. I. Памятники западных районов. // САИ. ВЗ-2. М.-Л., 1966.
9. Киселев С.В. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии // СЗ. 1935. I 4-5. С. 207.
10. Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972. С. 36.
11. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приобья. М., 1985. С. 314.
12. Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978. С. 83.
13. Потемкина Т.М. Бронзовый век..., с. 36.
14. Генинг В.Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. № 4. С. 67.
15. Генинг В.Ф. Могильник Синташта...; Зданович Г.Б. Бронзовый век...
16. Зиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 173.
17. Варенов А.В. О функциональном предназначении "моделей яры" эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск, 1984. С. 44.
18. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 389.
19. Шульц П.Н. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1958.
20. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960. С. 278.
21. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1980.
22. Иванчик А.И. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // СЗ. 1988. № 5. С. 38-48.
23. Зданович Г.Б. Бронзовый век..., с. 76.

24. Петрухин В.Я. Погребения знати эпохи викингов (по данным археологии и литературных памятников) // Скандинавский сборник. Т.21. Таллин, 1976.
25. Савинов Д.Г. Изображения собак на оленных камнях (некоторые вопросы семантики) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
26. Генинг В.Ф. Могильник Синташта..., с.70; Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С.192; Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М., 1984. С.168.
27. Лукина Н.В. Формы почитания собаки у народов Северной Азии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1980.
28. Литвинский Б.А. Семантика древних верований в обрядах поминцев // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.
29. Максимов Е.Н. Образ Христофора Кинокефала (опыт сравнительно-мифологического исследования) // Древний Восток. Сб. I. М., 1975. С.81.
30. Мартынов А.И. Андроновская эпоха в Обь-Чулымском междуречье // Из истории Кузбасса. Кемерово, 1964, С.235.
31. Кузьмина Е.Е. Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // ВДИ. 1988. № 2. С.56.
32. Членова Н.Л. Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II - начале I тыс. до н.э. // СА. 1989. № 2. С.234.
33. Долгих Б.О. Принесение в жертву оленей у итасан и энцев // КСИЭ. Вып. 33. 1960. С.74.
34. Зданович Г.В. Бронзовый век..., с.76.
35. Лукина Н.В. Формы почитания собаки..., с.233.
36. Там же.
37. Пенин Г.Г. Работы Северного отряда Средневожской экспедиции // АО 1979 г. М., 1980. С.168.
38. Бухонина Т.А. Могильник эпохи бронзы ..., с.68.

К ПРОБЛЕМЕ АЛАКУЛЬСКО-ФЕДОРОВСКИХ КОНТАКТОВ

В 1974 г. экспедиция Целиноградского областного музея исследовала могильник в 7 км к СЗ от п.Звенигородка Ерментауского района Целиноградской области^{х)}. Памятник находится на мысу первой надпойменной террасы (2-2,5 м выше уреза воды) правого берега р.Кумая, слабо вдающегося в пойму. Из 15 оград, расположенных компактной группой на краю мыса, исследовано 5 (рис. 1-5). Ограды сооружены из вертикально поставленных плит, вкопанных в канавки шириной 0,1-0,15 м, глубиной до 0,3 м.

Ограда 1 диаметром 4 м (рис.1-5), вдоль СЗ плит ограждения найдены отдельные зубы лошади и фрагменты керамики (рис. 3-4).

Ограда 2 диаметром 4,5 м (рис.1-3), вдоль плит ограждения по материке или в небольших углублениях обнаружены развалы пяти сосудов (рис.2 - 1,3,5,7,8) и зуб лошади.

Ограда 3 с пристройкой с западной стороны (рис.1-2). Ограда А - основная - диаметр 5,5 м; в центре грунтозая яма (1,5х0,85 м), ориентирована по линии СЗ-ЮВ. На плитах перекрытия стоял сосуд (рис.2-9). Не потревожены кости таза и ног животного, лежащего на левом боку, скорченно, головой на СЗ (рис. 1-7). У тазовых костей лежали 4 костяных наконечника стрел (рис.3-6-9), в головах - сосуд (рис.2-4), обломки еще трех найденны в заполнении (рис.2-10; 3-2,3). Ограда Б - пристройка - овальной формы, размером 4,9х3,5 м, в восточной половине грунтозая яма (1,6х0,7 м), ориентирована по оси СЗ-ЮВ. В заполнении встречены кости человека и обломки двух сосудов (рис.2-6; 3-5).

Ограда 4 с пристройкой с южной стороны (рис.1-6). Ограда А - основная - овальной формы, размером 5,5х5,1 м, в южной половине расчищен ящик (1,95х1,2х0,8 м), ориентирован с В. У ЮВ угла стоял сосуд (рис.2-2). В заполнении встречены кости оленя человека, обломки трех сосудов (рис.2-11; 12; 3-1).

х) Приношу глубокую благодарность В.С.Волосину за разрешение опубликовать полученный материал.

бронзовые и пастовые бусы. На дне, у северной стенки, обнаружен древесный тлен, среди которого найдена бронзовая скобка, скреплявшая кусочки дерева. Ограда В - пристройка - овальной формы, размером 4,6х3,5 м, материальных остатков не обнаружено.

Ограда Б диаметром 2,6 м (рис. I-4), у северных плит ограждения обнаружен неорнаментированный фрагмент сосуда.

Три небольшие ограды не содержали могильных ям, вдоль плит вкопаны сосуды и отдельные кости лошади. Их можно сопоставить с жертвенными кругами, характерными для эпохи бронзы Центрального Казахстана¹. Изучено 3 могилы: ящик и грунтовые ямы; расположены в оградах с пристройками, ящик ориентирован широтно, ямы по линии СЗ-ЮВ. Поминальные сосуды стоят на краях или на перекрытии могилы. Способ захоронения - ингумация. Поза костяка зафиксирована в одном случае: лежал скорченно, на левом боку, головой на СЗ. Погребенных сопровождали 2-4 сосуда.

Вещевой материал представлен четырьмя костяными наконечниками стрел с коротким черешком, длина 9,8-16 см, черешок 2-6 см; перо квадратное или прямоугольное в сечении, черешок округлый или прямоугольный (рис. 3-6-9). Кроме того, в ящике найдена скобка и 10 бус: 6 бронзовых из ребристой проволоки и 4 пастовых.

Коллекция состоит из 12 реконструируемых сосудов и пяти фрагментов (рис. 2; 3-I-5). По форме и ориентации они делятся на четыре группы: I - сосуды с остросереберной профилировкой; II - с уступчатым плечом; III - с плавным профилем; IV - банки различной профилировки.

Большинство сосудов средних размеров, 75% имеют диаметр по шейке 12-17 см, остальные - 21-28 см, толщина стенок 4-9 мм, венчики округлые. Поверхность в основном гладкая, серого или коричневого цвета.

Посуда I-ой группы орнаментирована резной техникой в сочетании с зубчатым штампом, по шейке, верхней части тулова и в придонной части. В месте перегиба шейки расположены формованные овальные в сечении валики, разделяющие орнаментацию шейки на две зоны. Среди узоров - горизонтальные линии, зигзаг, неастритированные ромбы, пирамидка, треугольники (рис. 2-II, 12). В этот же комплекс входит сосуд баночной формы с короткой шейкой и слегка выделенным плечиком (рис. 2-2).

Сосуд с уступчатым плечом (II группа) орнаментирован гребенчатым штампом, узор покрывает шейку и верхнюю часть тулова; зигзаг, "бантики" из треугольников, горизонтальные линии, венчик с подвешенными треугольниками и простым меандром (рис. 2-6).

Плывнопрофилированная посуда (III группа) орнаментирована гребенчатым штампом. Выделяется три зоны орнаментации: шейка, тулово и придонная часть. По основанию шейки расположена узкая неорнаментированная полоса, переход от шейки к тулову подчеркнут желобком. Шейка украшена треугольниками: косым, прямым, двойным, сдвоенным равнобедренными, обрамленными горизонтальными линиями и однорядным зигзагом; тулово покрыто ковровым узором в сочетании с насечками и горизонтальными линиями; придонная часть одного сосуда украшена равнобедренными треугольниками и желобком (рис. 2-4, 9, 10).

Большинство баночных сосудов (IV тип) орнаментирована по всему тулову, включая и дно, покрытое concentрическими кругами (рис. 2-3). Узор нанесен резной техникой, в одном случае сочетание с гребенчатым штампом (рис. 2-7). Среди элементов узора желобки (рис. 2-1), горизонтальные линии (рис. 2-3, 7, 8), зигзаг (рис. 2-3, 8), шагающий штамп (рис. 2-5, 7), равнобедренные треугольники и треугольники с "усиками" (рис. 2-7, 8).

Керамический материал могильника Звенигородка дает разнообразную посуду трех культурно-хронологических групп. Посуда I-го типа имеет определенные черты сходства с петровской керамикой Петровпавловского Приишимья, с которой ееближают остросереберность, валики по шейки, серый цвет. В то же время, керамика и погребальный обряд имеют своеобразный центрально-казахстанский облик (ограда с пристройкой, погребение в ящике, широтная ориентировка, тонкостенность посуды), что характерно для раннеалакульских памятников Центрального Казахстана². Посуда II-IV-го типа по особенностям технологии изготовления, цвету и местонахождению может рассматриваться как единовременный комплекс; наличие уступчатого плеча на горшке II-го типа указывает на его алакульскую принадлежность; плавнопрофилированные горшки III типа имеют характерные федоровские черты. Баночные формы (IV-й тип) идентичны для всех культурных групп (петровс-

ких, алакульских, федоровских), распространенных в степях Казахстана.

Проблема соотношения алакульских и федоровских памятников является одной из основных в изучении андроновской культурно-исторической общности. Существует две точки зрения: культуры генетически связаны или сосуществуют. К.В.Сальников в рамках андроновской культуры выделил федоровский (ранний) и алакульский (поздний) этапы³. Г.В.Зданович считает алакульские и федоровские древности самостоятельными культурами, генетически связанными между собой, выделяя при этом алакульские материалы как наиболее ранние, связанные в свою очередь с предшествующей петровской культурой; при переходе от одной культуры к другой выделяются промежуточные этапы⁴. Е.Е.Кузьмина⁵, Т.М.Потемкина⁶, В.С.Стоколос⁷ рассматривают федоровские и алакульские материалы как относящиеся к двум самостоятельным культурам, контактирующим между собой на протяжении всей средней бронзы или на отдельных ее этапах.

Широкие исследования многослойных поселений в различных регионах андроновского ареала показали, что стратиграфически выделяется раннеалакульский и алексеевско-саргариинский пласты, между которыми совместно залегает алакульская и федоровская керамика, вычленяемая только типологически⁸. Соотношение разнотипной посуды в погребальных группах дает следующую картину, характерную для всех регионов: курганы и ограды с разнотипной керамикой встречаются на одном погребальном поле; в одной ограде или под одной насыпью; в одной могиле⁹. Материалы могильника Звеногородка также свидетельствуют о совместном залегании уступчатой и плавнопрофилированной керамики в одной могиле, расположенной в пристройке (рис. 2-6; 3-5), причем в центральной ограде, кроме плавнопрофилированной посуды (рис. 2-4, 9, 10), встречен фрагмент горшка, близкого к острореберным, ориентированным гребенчатым штампом (рис. 3-3). Наблюдения за отложением керамики в многослойных поселениях и совместное нахождение разнотипной посуды в погребальных комплексах свидетельствуют о сосуществовании алакульского и федоровского населения.

С решением вопроса о соотношении федоровцев и алакульцев тесно связана проблема о месте формирования разнотипного населения. Обобщив данные по распределению памятников алакуль-

ского типа, Т.М.Потемкина выделила бассейн Тобола и Ишима как наиболее вероятное место формирования алакульской культуры¹⁰. Е.Е.Кузьмина считает федоровцев автохтонным населением территории Казахстана, вытесненным на восток группой племен, проникших с запада и явившихся основой складывавшихся алакульских древностей во второй четверти II тыс. до н.э.¹¹. По мнению М.Ф.Косарева, федоровцы формируются в лесном Зауралье на основе аятских и коптяковских древностей, генетически связанных между собой и тяготеющих к кругу лесных культур. Если связывается с временем бытования коптяковских материалов, датированных XVI-XIV/XIII вв. до н.э. и появлением федоровцев в XII в. до н.э.¹², то совершенно непонятно, как за короткий отрезок времени федоровцы из узколокальной группы распространились от Енисея, от тайги Западной Сибири до Памира. С этим не согласуется и предложенная Т.М.Потемкиной дата появления древностей типа федоровского могильника в XV в. до н.э.¹³. Е.Е.Кузьмина ранние федоровские комплексы датирует началом XV-XIV вв. до н.э.¹⁴.

Основная часть федоровских памятников распространена не в зоне леса, а в степи, и, по мнению В.С.Стоколоса¹⁵, Г.А.Максименкова¹⁶, О.Н.Корочковой¹⁷ местом формирования памятников типа Андроновского могильника являются пределы Восточного Казахстана, древности которого были обобщены С.С.Черниковым¹⁸. Керамические материалы переходного усть-буконьского этапа от алаулита к андрону хорошо сопоставляются с памятниками вишневого типа Северного Казахстана, которые вследствие удреждения петровского этапа до XIV-XV вв. до н.э.¹⁹ должны датироваться первой третью II тыс. до н.э. На основе усть-буконьских памятников складываются характерные черты канайского (раннефедоровского) этапа: преобладают сосуды с выпуклыми плечиками; среди узоров появляются первые косые треугольники²⁰; формируется скотоводческо-земледельческий тип хозяйства, в котором большую роль играла добыча руды и выплавка металла, выдвинувшего Восточный Казахстан в крупнейший металлургический центр эпохи бронзы²¹. К концу канайского (раннефедоровского) этапа в силу внутренних причин начинается миграция племен на запад на территорию алакульского ареала. В процессе контактов, начавшихся в середине II тыс. до н.э., складываются характерные черты ала-

кульской и федоровской культуры в их классическом выражении. Отражением этих контактов является появление смешанных комплексов кожумбердинского и амангельдинского типа, смешение разнотипной керамики на поселениях и совместное нахождение разнотипной посуды в погребальных памятниках.

Проникновение избыточного восточноказахстанского населения на соседние территории носило, вероятно, не одновременный характер, а имели место несколько миграционных волн, "растянутых" во времени, динамику и последовательность которых еще предстоит выяснить.

1. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, С. 154-159.
2. Ткачев А.А. Периодизация и хронология алакульских памятников Центрального Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Казань, 1987. С.25-27.
3. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. С.325.
4. Зданович Г.В. К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА. 1984. Вып.177. С.34. Рис.2.
5. Кузьмина Е.Е. Андроновская культурная общность /принципы выделения и установления хронологических этапов // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железного века. Ереван, 1982. С.51.
6. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобоя. М., 1985. С.286.
7. Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972. С.122,132.
8. Зданович Г.В. Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск, 1988. С.117-125. Табл. 8; Потемкина Т.М. Бронзовый век..., с.45-51, 83-91.
9. Потемкина Т.М. К вопросу о соотношении федоровских и алакульских комплексов // ИИС. 1973. Вып.7. С.54,55; Кадырбаев М.К. Могильник Мангуыр П // Тр.ИИАЭ АН Каз.ССР. 1961. Т. 12. С. 53,59; Кадырбаев М.К. Могильник Жиланды на р.Нуре // В глубь веков. Алма-Ата, 1974, С.25-41. Стоколос В.С. Памятник

- эпохи бронзы - могильник Черняки П // Тр.Перм. ун-та. 1968. Вып. 191. С.211-213.
10. Потемкина Т.М. Бронзовый век..., с.273; Потемкина Т.М. Алакульская культура // СА. 1983. № 2. С.13. Рис.1.
 11. Кузьмина Е.Е. Андроновская культурная общность..., с.51.
 12. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. С.81.
 13. Потемкина Т.М. Бронзовый век..., с.286.
 14. Кузьмина Е.Е. О западных связях андроновских племен // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев. 1987. С.63.
 15. Стоколос В.С. Культура населения..., с.115.
 16. Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978. С.87.
 17. Корочкова О.Н. Предтаежное и южно-таежное Тобол-Иртыше в эпоху поздней бронзы. Автореф. дисс.... канд.ист.наук, Л., 1987. С.9.
 18. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. № 60. М., 1960. Табл. XIX -5.
 19. Зданович Г.В. Щитковые псахи Среднего Приишимья // КСИА. Вып. 185. М., 1986. С.64.
 20. Черников С.С. Восточный Казахстан..., табл. XIX-3,5.
 21. Там же, с.132-136.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

АЛЕХИН Ю.П., ДЕМИН М.А., ИЛЮШИН А.М.

ИССЛЕДОВАНИЯ 1989 г. В СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Семипалатинской археологической экспедицией Кемеровского госуниверситета в 1989 г. продолжены работы в Новошуйбинском районе и начаты разведочные работы в Бескарагайском районе Семипалатинской области. В Новошуйбинском районе в окрестностях с. Кондратьевка проведены охранные раскопки распахиваемых курганов.

Курганная группа Кондратьевка IV. Находится в 2 км к востоку от с. Кондратьевка по дороге с. Кондратьевка — тракт с. Новая Шульба — с. Буркотово, в 0,15 км к северу от этой дороги, на пашне. Состоит из 6 каменно-земляных курганов, вытянутых цепочкой с ЮЗ на ССВ. Диаметр курганов 8–18 м, высота 0,1–1,1 м. Все курганы распахиваются, ограблены; раскопаны курганы № 3, 5, 6.

Курган 3. Расположен в 0,006 км к ССВ от кургана № 2. Диаметр 9 м, высота 0,53 м, имел вид всхолмления округлой формы. Под дерном расчищена каменная наброска неправильно-округлой формы из обломков скальных пород. Диаметр наброски 5,25 м, диаметр камней — до 0,6 м, мощность наброски до 0,35 м; часть каменной смещена распашкой. Среди камней наброски, в ее центре, на уровне -0,4 м (глубины даются от высшей точки кургана) найдена неопределимая кость животного — остатки поминальной тризны, у южного края наброски на уровне -0,45 м — небольшой фрагмент истлевшего дерева. Под центром наброски находилась могила подпрямоугольной формы 2,12х1 м и глубиной 1,01 м от высшей точки кургана (0,56 м от уровня древней поверхности). Ориентации могилы с ЮЗ на ССВ. Погребение оказалось ограбленным, инвентарь похищен. Погребенный (взрослый) лежал на спине, вытянуто, головой на ССВ. Под костями скелета прослежена деревянная подстилка толщиной 0,02 м, а под костями ног — каменная плитка.

Курган 5. Расположен в 0,035 км к ССВ от кургана № 4. Диаметр 8 м, высота 0,23 м. До раскопок имел вид округлого всхолмления. Под дерном расчищена округлой формы каменная на-

броска (обломки скальных пород диаметром до 1 м). Диаметр наброски до 5,5 м, мощность — до 0,56 м. Среди камней в разных местах и на различном уровне найдены кости барана — остатки тризны, а также разбросанные кости взрослого человека и остатки деревянного перекрытия могилы в виде бревен диаметром до 0,3 м и длиной до 2 м. Под центром наброски находилась могила подпрямоугольной формы размерами 4х2 м и глубиной — 1,97 м от высшей точки кургана и 1,1 м от уровня древней поверхности. Ориентация могилы с ЮЗ на ССВ. Погребение было ограблено до огнивания бревен перекрытия. На дне могилы находились разбросанные кости взрослого мужчины; погребенный был ориентирован головой на ССВ. Инвентарь похищен, сохранились только фрагменты деревянных черешков, вытасканные грабителями из железных втулок копья и дротика.

Курган 6. Находился в 0,048 км к ССВ от кургана № 5. Диаметр 9 м, высота 0,5 м. Под дерном расчищена неправильно-округлой формы каменная наброска (обломки скальных пород диаметром до 1,1 м). Диаметр наброски — до 6,5 м, мощность — до 0,4 м. Среди камней наброски и за ее пределами в СВ секторе кургана на различных уровнях найдены кости барана — остатки поминальной тризны. Под центром наброски находилась могила подпрямоугольной формы размерами 3,8х1,06 м и глубиной — 1,73 м от высшей точки кургана и 0,95 м от уровня древней поверхности, ориентированная по оси ЮЗ-ССВ. Погребение ограблено, в заполнении, кроме камней и отдельных костей человека, встречены фрагменты дерева — остатки перекрытия могилы. Весь инвентарь похищен, однако ясно, что погребенный был ориентирован головой на ССВ.

Таким образом, курганная группа Кондратьевка IV характеризуется наличием земляных насыпей округлой формы диаметром 8–9 м (высота не показательна ввиду распашки); под насыпью сооруженной каменной наброски неправильно-округлой формы диаметром 5–6,5 м мощностью до 0,6 м. Под центром наброски находится могила подпрямоугольной формы размерами от 2,12х1 м до 4х2 м, ориентированная по оси ЮЗ-ССВ. Могилы неглубокие: 0,5–1,1 м от уровня древней поверхности, имели перекрытия из бревен. Погребенные (по одному в могиле) уложены в центре могилы на спине, вытянуто, головой на ССВ, иногда на тонкую деревянную подстилку, возможно, циновку из прутьев. В насыпи курганов всегда вст-

речаются кости барана — остатки тризны. О датировке говорить сложно ввиду отсутствия инвентаря, однако хорошая сохранность бревен перекрытий позволяет предположить позднесредневековую датировку курганов. Это также косвенно подтверждается тем, что грабители заставляли в момент ограбления бревна перекрытия могил в таком хорошем состоянии, что вынуждены были их снимать в целом виде. О культурно-этнической принадлежности исследованного памятника пока судить невозможно.

Были продолжены охранные раскопки курганного могильника Ак-Чий I, попадающего в зону затопления водохранилище Шульбинской ГЭС. В трех случаях на берегу водохранилища были зафиксированы каменные плиты, напоминающие остатки внутримогильных каменных ящиков. Однако внутри этих каменных ящиков следы погребений отсутствовали (ввиду из размыва водой?). Лишь в одном случае здесь выявлены остатки погребений в полуразрушенном каменном ящике. В сохранившейся СЗ части каменного ящика находилась верхняя часть скелета взрослого человека. Погребенный был уложен на спине, вытянуто, головой на СЗ. Сопроводительного инвентаря не было. Каменный ящик имел подпрямоугольную форму, ориентирован с ЮВ на СЗ, очевидно, было и каменное перекрытие ящика, дно — грунтовое. Никаких внешних признаков курганных насыпей не было. Обнаружение таких погребений возможно лишь при тщательном обследовании береговой линии, особенно в местах ее размыва; в зонах затопления необходим постоянный археологический контроль за береговой линией.

На могильнике Ак-Чий было доисследовано погребение под курганом № 2, законсервированным в 1988 г., раскопаны курганы №№ 4-6.

Курган 2. Представлял собой овально-округлую каменно-земляную насыпь диаметром до 4 м и высотой 0,15 м. Под центром насыпи находилась могила подпрямоугольной формы размерами 2,2х0,9 м, глубиной 0,83 м, ориентированная широтно. Могила ступенчато сужалась к дну, где ее размеры составляли 1,3х0,5 м. Погребение не граблено. На дне могилы был расчищен скелет ребенка 6-7 лет (здесь и далее антропологические определения сделаны антропологом, к.и.н. А.Р.Кимом). Погребенный был уложен на спине, вытянуто, головой на запад. Инвентаря отсутствовал.

Курган 4. Представлял собой неправильно-округлую насыпь

диаметром 6,4 м, высотой 0,39 м. В центре кургана имела за-дернованная западина диаметром 3,2 м и глубиной 0,46 м. После снятия дерна была расчищена кольцевидная двухслойная конструкция из каменных плит и булыжника диаметром от 1,8 до 2,2 м, в центре которой находилась могильная яма размерами 2,38х2,2 м и глубиной 2,35 м. Могила была ориентирована по оси ЮЗ-СВ. В ее заполнении и на дне найдены разбросанные кости скелета женщины 30-35 лет. В центре могилы, на ее дне, зафиксировано скопление окислов железа, среди которых найдена железная поясная пряжка. Очевидно, почти весь сопроводительный инвентарь был похищен.

Курган 5. Представлял собой округлую каменно-земляную насыпь диаметром 6,4 м и высотой 0,36 м с задернованной грабительской западиной в центре. Диаметр западины составлял 3,4 м, глубина 0,39 м. После снятия дерна были выявлены кольцевая двухслойная каменная конструкция из плит и булыжника диаметром до 1,2 м и могила подпрямоугольной формы размерами 3,7х1,52 м и глубиной 2,48 м, ориентированная по оси ЮЗ-СВ. В заполнении могилы и на ее дне найдены разбросанные грабителями кости скелета женщины 25-30 лет. Весь сопроводительный инвентарь похищен.

Курганы №№ 4,5 предварительно могут быть датированы гунно-сарматским временем.

Курган 6. Представлял собой земляную насыпь округлой формы диаметром 8 м и высотой 0,14 м. Под насыпью находилось две ямы подпрямоугольной формы. Одна из них, центральная, ориентированная по оси ССЗ-ЮЮВ, не содержала погребения и каких-либо находок. Вторая яма (могильная), в ЮЗ части кургана, имела подпрямоугольную форму 2,76х1,87 м и глубину 1,64 м. У ее западных стенки расчищены остатки обгоревшей деревянной плахи (размерами 0,83х0,12х0,12 м) и древесные угольки. В 0,42 м к СВ от плахи найдены обломки берцовой кости и черепа мужчины 40-45 лет. Сопроводительный инвентарь отсутствовал. Вероятно, погребение ограблено в древности или погребенный был подвергнут неполному сожжению на стороне, после чего наиболее крупные и сохранившиеся кости были погребены в могиле. Сходство обряда погребения и близкое расположение кургана 3 этой же группы (раскопки 1988 г.) и кургана 6 позволяют из синхронизировать и датировать эпохой энеолита.

В августе 1989 г. учителем истории средней школы с.2-ая Пятилетка Новошуйбинского района В.И.Воломейцевой нам были переданы вещи из древнего погребения: железная рукоять меча или кинжала, обложенная серебряными пластинами, бронзовое зеркало с рукоятью сакского типа, 5 серебряных обоев и серебряная пряжка от поясного ремня, извесняковое точило с отверстием для подвешивания (см.рис.). Выяснилось, что в 1987 г. при заборке гравия у бывшего с.Пьяный Яр (ныне зона затопления Шуйбинской ГЭС) жителями сс.Песчанка и 2-ая Пятилетка А.Г.Крейком и А.В.Сизиковым был разрыт курган. По из описанию, курган был каменно-земляной, невысокий, диаметром около 8-10 м. Могила глубиной 2,5-3 м находилась под центральной частью кургана, в ней был сооружен каменный ящик, перекрытый каменными плитами. В могиле находился скелет взрослого человека, уложенного на спине в вытянутом положении. Кроме переданного нам инвентаря из этого погребения, там было еще около 25 серебряных обоев от поясного ремня, несколько втульчатых пулевидных наконечников стрел из бронзы и ряд предметов из бронзы и железа. Другой информации об этом погребении нет. Переданный нам материал хранился в кабинете истории школы с.2-ая Пятилетка, а большая часть серебряных бляшек, наконечники стрел и другие предметы грабителем А.Г.Крейком утрачены. Разграбленный курган у с.Пьяный Яр представляет особый научный интерес, т.к. относится к концу скифской эпохи - началу гунно-сарматского времени (рубеж эр). Памятники этого времени в Семипалатинской области не были известны. Богатство же дошедшего до нас после разграбления сопроводительного инвентаря указывает на привилегированное положение погребенного воина.

БЕЙСЕНОВ А.З., А.О.ИСМАГУЛОВА А.О.

АРХЕОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ИЗ МОГИЛЬНИКА БИРЛИК

Могилиник Бирлик расположен на относительно ровной местности, с востока примыкающей к центральной усадьбе совхоза "Бирлик" Байнаульского района Павлодарской области. На территории могилиника, сильно разрушенного во время распахов 60-х гг., выявлено свыше 30-ти разновременных памятников археологии.

Из них в полевом сезоне 1989 г. обследовано 5 курганов эпохи раннего железа. Насыпи всех обследованных курганов сложены из земли и камня, камни частично выступают и на поверхность насыпей. Форма насыпей во всех случаях округлая.

Курган I. Высота 0,5 м, диаметр 14 м. В центральной части насыпи прослеживается овальная в плане и ориентированная по оси ЮВ - СВ ограда из небольших плит, установленных на ребро на некотором отдалении друг от друга. Под дерновым слоем мощностью до 13 см расчищен каменный наброс округлой формы, диаметром 10 м. В его центре просматриваются лежащие под верхним слоем камни более крупных размеров. С северо-восточного края наброса отходила треугольной формы каменная выкладка, ориентированная острым концом на СВ длиной 190 см и шириной у основания (у края наброса) 110 см. С северной стороны наброса, в 10 см от его края, обнаружена метаподия лошади с обломанным верхним концом (молодая особь, на старе 5-ти лет). Под каменным набросом выявлена ориентированная по длинной оси с С на Ю, ограда размером 8,5х3,9 м из уложенных в один слой плитообразных камней (40х25х10 - 75х40х25 см). В центральной части ограды находилась выкладка из крупных плит подовальной формы, размером 2,8х2,1 м, ориентированная по оси ЮВ -СЗ. Ниже уровня материковой выкладки переходит в каменно-земляное заполнение могильной ямы овальной формы 2,7х2,2х2,4 м, ориентированной по оси ЮВ -СЗ. На ее дне установлен каменный ящик подпрямоугольной формы из 6 крупных гранитных темно-серых плит, из которых 4 (2х2) составляют две боковые (длинные) стенки, а остальные две - торцевые стенки. Ящик перекрывался четырьмя поперечными плитами крупных размеров толщиной до 15 см, из которых три раскололись и просели вниз, а одна, закрывавшая северо-западный угол сохранилась. В заполнении ямы крупные камни шли до самых плит перекрытия ящика, попеременно с землей. Все плиты, составляющие ящик, хорошо подогнаны друг к другу. В места разрывов между плитами аккуратно вставлены небольшие плитки соответствующей формы и величины. Все плиты сооружения сохранили относительно вертикальное первоначальное положение. Нижний край ящика заглублен в дно ямы на 12-15 см. Высота ящика 50-55 см, длина по внешнему обводу 280 см, ширина 95-100 см (рис.1).

На дне ящика на слое плотной глинистой подсыпки вытянуто на спине, головой на СВ лежал скелет человека. Конечности вытя-

нуты; с правой стороны черена в 7-9 см выше дна лежали две костяные шпильки. Возле левого плеча стоял плоскодонный жерушник ладьевидной формы из мелкозернистого песчаника красновато-серого цвета. В заполнении могильной ямы на глубине 1,1 м обнаружен небольшой обработанный камень.

Курган 2. Сильно разрушен распахой, выявлен по небольшому скоплению камней и незначительному повышению уровня грунта. С северной стороны на поверхности фиксировались следы разрушенного рва. Под дерном расчищен каменный наброс 5х2,5 м прямоугольной формы с закругленными углами, ориентированный по оси ЮВ - СВ. С северной стороны наброса зафиксирован сохранившийся участок рва длиной 8,5 м, шириной до 30 см, и глубиной до 15-16 см, к которому с севера же примыкал полуразрушенный вал. Остальные участки рва и вала разрушены распахой. От северо-восточного угла наброса в двух направлениях, на ЮВ и СВ отходили положенные преимущественно в один ряд камни, имеющие вид двух неправильных цепочек длиной 3 м. В центре наброса находилась каменная выкладка подпрямоугольной формы с закругленными углами, ориентированная по оси ЮВ-СВ, под которой была открыта так же ориентированная могильная яма подпрямоугольной формы 180х95х75 см. В яме, вплотную примыкая к его стенкам, обнаружено сооруженный ящик из поставленных на ребро гранитных плит. Верхние края плит на 10-15 см ниже уровня устья ямы. Дно сооружения - плотная глинистая подсыпка /толщина 15 см/. Ящик состоял из 8 плит, из которых 6 (3х2) образуют боковые, а 2 (одна не сохранилась) - торцевые стенки. Размеры ящика 170х85х45 см. Он перекрывался поперечно положенными плитами, из которых после ограбления сохранились три. Умерший лежал вытянуто, на спине, головой на СВ. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые. В ходе ограбления скелет небрежно был сдвинут к северо-восточной стенке ящика. Возле правого колена в 7 см выше дна ящика находились два сильно коррозированных кольцевидных предмета, в том числе один обломанный (рис.1-3). В нижней части груди поперек туловища лежали лопаточная кость и ребро лошади. В полукруглой ямке глубиной 30 см, в 15 см к СВ от могилы, найдены сложенные в кучу свыше 20 зубов, 3 каланги и мелкие обломки челюстей лошади, принадлежащие одной особи не старше 5-ти лет (рис.2).

Курган 3. Диаметр 7 м, высота 0,3 м. Среди выступающих на поверхности насыпи камней хорошо вырисовывались две вписанные друг в друга ограды размером соответственно 5,5х3,6 и 3,5х1,85 м, сложенные из положенных преимущественно в один ряд камней одного размера. Округлая внешняя ориентировка с С на Ю, подокруглая внутренняя - с ЮВ на СВ. Между оградой и за их пределами особенно с юго-восточной стороны, набросаны мелкие камни. Под малой оградой вскрыта прямоугольная могильная яма 100х170 см, ориентированная с ЮВ на СВ. Погребение ограблено. В заполнении ямы - камни различной величины вперемежку с землей, в нижних слоях встречены в небольшом количестве мелкие угольки. Разрозненные кости человека, а также обломки ребер и трубчатая кость лошади обнаружены как на дне ямы, так и в ее заполнении. Вещей нет.

Курган 4. Диаметр 7,8 м, высота 0,45 м (рис.3). Под дермом находился округлый каменный наброс, после разборки которого обнаружены округлая ограда из плитообразных камней, положенных преимущественно в один ряд, а в ее центре - выкладка подпрямоугольной формы, ориентированная с ЮВ на СВ. Под выкладкой могильная яма 235х190х170 см подпрямоугольной формы, ориентированная ЮВ на СВ, заполненная землей с небольшим количеством мелких камней. На глубине 70 см лежала очень крупная плита. На дне установлен каменный ящик подпрямоугольной формы из четырех гранитных плит темно-серого цвета размером 165х110х20 см. Нижний край ящика заглублен в дно ямы на 16-20 см. Перекрытие состояло из четырех поперечно положенных плит. На дне ящика лежал в вытянутом положении, на спине, головой на СВ скелет ребенка, руки положены вдоль туловища, ноги прямые. Вещи отсутствовали (рис.3).

Курган 5. Восточная половина насыпи полностью разрушена во время строительных работ. Диаметр насыпи, судя по сохранившейся западной половине составлял около 6 м при высоте 0,3 м. Под сохранившейся частью насыпи обнаружена часть однослойной ограды округлой в плане формы. Погребение ограблено. В центральной части подкурганной площадки находилось бессистемное скопление камней, под которым вскрыта ориентированная длинной осью с ЮВ на СВ могильная яма 170х90х110 см, подпрямоугольной формы. Разрозненные кости человека обнаружены как на дне, так

и в заполнении ямы. Погребение ограждено. Вещей нет. Таким образом, насыпи описанных курганов 1,3-5 были каменно-земляные, округлой формы. Форма насыпи распаханного кургана 2 осталась неопределенной. Во всех курганах, за исключением кургана 2, обнаружены округлые каменные ограды. Надмогильные сооружения из камня (ограда в кургане 3, выкладки - во всех остальных) имеются во всех объектах, как и каменные ящики, установленные в могильной яме (в курганах 3 и 5, вероятно, ящики разрушены грабителями). Положение костяков, где оно устанавливается - вытянутое, на спине. Ориентировка погребенных в курганах 1,4 - головой на СВ; такой же она, скорее всего, была и в курганах 3 и 5. В кургане 2 костяк ориентирован головой на СВ. В кургане 1 выявлена под дерном небольшая продолговатая каменная выкладка, идущая от края наброса на СВ, в кургане 2 отходит от наброса на СВ и ЮВ две печетские цепочки камней. В кургане 2 зафиксирован остаток рва с валом, вместе с погребенным найдены остатки заупокойной пищи, а в отдельной яме - следы тризны. Вообще по целому ряду деталей курган 2 стоит особняком (отсутствие ограды, наличие рва, ориентировка погребенного на СВ - тризна в отдельной яме). Оригинален и ящик этого кургана, более напоминающий обкладку стен каменными плитами. Судя по железным предметам, курган 2 был сооружен несколько позже, чем остальные курганы группы. Случай сооружения каменного ящика в могильной яме известен и ранее в Центральном Казахстане¹ (см. I, с. 32; 2, с. 345; 3, с. 127-130), а также и в сяко-усуньских курганах Семиречья² (4, с. 80-86; 5, с. 79-95; 6, с. 88-91; 7, с. 30-33, 37). Кроме того, погребения в каменных ящиках характерны и для памятников кулажургинского типа конца I тыс. до н.э. - нач. I тыс. н.э. Восточного Казахстана³ (8, с. 64-80; 9, с. 56; 10 - с. 103-104; 11, с. 135-136; 12, с. 48; 13, с. 63-66; 14, с. 124, 131; 15, с. 96-114), которые, существенно отличаются от центрально-казахстанских и семиреченских памятников сакского периода своим погребальным обрядом (восточная ориентировка погребенных, положение на боку). Остальные курганы Берликовского могильника, судя по уцелевшему инвентарю и особенностям обряда, относятся к кругу памятников эпохи ранних кочевников Сары-Арки и датируются в целом УП-Ш вв. до н.э.

Приводимое ниже антропологическое описание является пред-

ставлением всего личных качеств и авторитета предводителя, его заслуг перед обществом. Поэтому, для раннего периода скифской эпохи применение терминологии, связанной с "царем", весьма условно.

Грандиозные погребальные памятники этих племенных вождей (вождя союза племен) ранних кочевников воздвигаются практически равномерно по всей территории Казахстана и Саяно-Алтая и стимулируют формирование вокруг себя больших некрополей на протяжении всей скифской эпохи. Самые значительные погребальные сооружения в могильниках, требовавшие при строительстве умелой организации и усилий многочисленных коллективов достигают в диаметре 100-200 м в диаметре и высоты до 17 м. Такие величественные курганы встречены в могильниках Казахстана (Чиликта, Дулатово, Алтын-Эмель, Жетитобе, Бесшатыр I, Кайрат, Жуантобе, Сары-Арка). Саяно-Алтай (Аржан, Салбык и др.). Не исключено, что они существуют в районах Монгольского Алтая и Синьцзяна.

3. Конструктивные особенности раннескифских памятников, выявленные рядом исследователей (М.Х.Маннай-Оол, М.П.Грязнов, Л.А.Акишев, Л.Р.Кыласов и др.) и наиболее ярко представленные в Аржане (относительно невысокая цилиндрическая каменная насыпь с крепидой-оградой, каменные обкладки-деревянные срубы на древнем горизонте, кольцевидные поминальные сооружения и др.), позволяют констатировать наличие аналогичных, возможных, синхронных памятников и в Казахстане - Чиликта и Бесшатыр. Не исключено, что еще не раскопанных казахстанский Аржан находится на могильнике Кайрат (Джамбульская обл.), где зафиксирован курган диаметром около 200 м и высотой 17 м.

4. Таким образом, совокупность всего археологического материала и, в частности, анализ метакомплексов высшей знати на рубеже I тыс. до н.э. свидетельствует о наличии мощной "империи" скифов-саков, массагетов и др.) на территории Казахстана, Саяно-Алтая и Центральной Азии, конница которой была способна совершать сокрушительные набеги на переднеазиатские государства в IX-VI вв. до н.э.

Анализ письменных источников, как переднеазиатских (И.М.Ливанов), так и греческих (Л.А.Ельницкий, И.В.Кукулина) в значительной степени подтверждает положение о продвижении киммерийцев, скифов-саков, массагетов на запад. Конкретные воинские

комплексы, скорее всего, центральноазиатского происхождения встречаются на обширной территории от Монголии до Причерноморья на ряде памятников (Ак-Чий, Зивие, Персеполис, Муш, Калланту, Нормунтене, Гамтене, Сарды, Кармир-Блур и др.) и позволяют проследить южные пути продвижения кочевников. Распространение оленных камней ранних типов центральноазиатского облика фиксирует северный путь подобных миграций (монгольские камни, Кенгир, Гумарово, Кызбурун, Зубово, Усть-Лабинская, Царова Мгила, Ольвия, Белоградц), о чем неоднократно писали многие археологи (М.П.Грязнов, Д.Г.Савинов, Н.Л.Членова и др.). Сложный многоплановый и поэтапный характер подобных передвижений несомненен.

ЗАДНЕПРОВСКИЙ Ю.А.

КАРГАЛИНСКИЙ МОГИЛЬНИК САКОВ СЕМИРЕЧЬЯ

Среди тех, кто поднимал археологическую целину Казахстана, одно из первых мест занимает ленинградский археолог и историк Александр Натанович Бернштам (1910-1966 гг.). Семиреченская экспедиция ИИМК АН СССР совместно с Каз ФАН СССР и Института археологии при СНК КиргССР, возглавляемая им, в 1938-1939 гг. провела первые широкомасштабные исследования в долинах Таласа, Чу, Или¹. Памятники трех периодов являлись объектом наибольшего внимания: I) — памятники ранних кочевников — саксов, усуней и тюрков; среди них — Каргалинский могильник раннесакского времени. Обнаруженные недавно в архиве ИИМК планы могильника и раскопанных курганов дают дополнительную информацию (рассмотрены ниже). В эти же годы проведены раскопки в могильнике Берккара², с которого начинается история археологического изучения кангуйских племен.

В долине Таласа (Киргизия) начаты раскопки могильника Кенкол³, открытие которого вызвало цепную реакцию обнаружения археологических памятников в большинстве областей Средней Азии. Интерпретация Кенкола — эталонного памятника кочевых племен с захоронениями в катакомбах и, прежде всего, проблемы хронологии и этнической атрибуции остатков до сих пор актуальными⁴. II) — поселения оседлых земледельцев раннесредневекового периода. Наиболее результативны были раскопки древнего Тараза в Джамбуле. На основе анализа письменных источников и данных

археологии А.Н.Бернштам по новому поставил проблему согдийской колонизации Семиречья, с которой связано возникновение и расцвет оседло-земледельческой культуры края в период существования Тюркских каганатов.

III) культура феодального города домонгольского периода, исследованная по материалам Тараза и городов Чуйской и Илийской долин.

Проведенные в 1936, 1938-1939 гг. работы А.Н.Бернштама заложили основы изучения археологии и древней истории народов Казахстана и Киргизии. Трудно переоценить заслуги А.Н.Бернштама, сохранившего для науки данные о сотнях документально зафиксированных им древних памятников, которые ныне в той или иной мере утрачены.

Обратимся к могильнику Каргала. Каргалинская группа курганов расположена в долине одноименной реки, в 55 км к западу от г.Алма-Ата. Основная часть могильника (около 50 курганов) вытянута цепочкой с СВ на ЮВ длиной около 800 м. вдоль правого берега арыка, берущего начало напротив Каргалинского ущелья (рис.1). Вторая часть могильника (10 насыпей) располагались к западу от основной части, по обе стороны арыка, отходящего от главного арыка.

Между рощей и шоссе Фрунзе-Алма-Ата был расчищен каменный жертвенник — круг из 8 крупных камней, диаметром около 6 м (рис.1). По форме, размером и количеству камней, он сходен с жертвенниками кругами эпохи бронзы, выявленными в разных районах Центрального Казахстана. Доказательства использования их в качестве жертвенников — слои угля, зола, органики и каменные изделия. Жертвенники Центрального Казахстана связывают с племенами андроновской культуры⁵. Как видим, аналогичные жертвенники были обнаружены еще в начале археологического изучения Семиречья, задолго до работ в Центральном Казахстане; тогда же Бернштам верно определил их назначение. Для датировки Каргалинского жертвенника никаких данных не было получено.

В могильнике в 1940 г. было вскрыто два кургана. Первый имел насыпь с каменной наброской диаметром 12 м (рис.2, правый) в центре кургана на глубине 3,5 м от поверхности на дне грунтовой ямы расчищен узкий каменный ящик, ориентированный с СВ на ЮЗ. Стены его выложены из камней разного размера (крупные

внизу, более мелкие — внизу). В ящике, перекрытом плитой, лежал костяк вытянуто на спине, головой на СВ. У головы найден глиняный круглодонный кувшин с дырочками на горловине для подвешивания, у правой руки — бронзовый листовидной формы нож длиной 10 см, а в ногах — круглое в сечении шило⁶. Во втором кургане (рис. 2, левый) примерно на такой же глубине обнаружен каменный ящик, ориентированный также с СВ на ЮВ. Стенки его сложены из 174 крупных плит. От костяка сохранились отдельные кости. В могиле найден лишь камень с явными следами употребления в качестве зернотерки.

Кувшин из первого кургана изображен на таблице классификации культур Семиречья и Тяньшаня⁷. Рисунки других находок, к сожалению, не сохранились.

Курганы Каргалы А.Н.Бернштам предположительно отнес к переходному этапу от бронзы к раннему железу, но отметил, что подобные типы погребений более типичны для раннесакской культуры и лишь состав инвентаря дает возможность хронологически разделить. Далее он пишет: "Возможно, что каргалинская культура каменных ящиков является типичным переходом к культуре скифского типа..." и датирует в книге 1941 г. эти погребения УШ-УП вв. до н.э. Позднее в работе 1949 г.⁷ в упомянутой таблице классификации культур рамки даты каргалинских курганов расширены и включают уже УШ-УІ вв. до н.э. Однако, в статье 1946 г. Каргалы I назван памятником эпохи поздней бронзы, как и в "Археологической карте Казахстана"⁹.

К.А.Акишев в книге 1963 г.¹⁰ рассматривает Каргалы как памятник раннесакской культуры, омолаживает его и датирует УП-УІ вв. до н.э. Учитывая форму сосуда, характерную для сако-усуньских комплексов, он предлагает уточнить возраст Каргалы УІ-ІУ вв. до н.э. Однако, сопоставление формы одного сосуда даже к тому же по схематическому изображению на таблице вряд ли можно считать достаточным основанием для пересмотра датировки.

Наряду с Каргалы к раннесакским курганам К.А.Акишев в этой работе причисляет и погребения могильника Алтын-Эмель II, в которых также выявлены каменные ящики. Однако, это сопоставление вызывает сомнение, поскольку К.А.Акишев не располагал чертежами Каргалы, и опирался только на описание. Каменные ящики Алтын-Эмеля отличаются тем, что края плит их выступают

напрямую, прежде всего личных качеств и авторитета предводителя, его личных заслуг перед обществом. Поэтому, для раннего периода скифской эпохи применение терминологии, связанной с "царем", весьма условно.

Грандиозные погребальные памятники этих племенных вождей (вождей союза племен) ранних кочевников воздвигаются практически равномерно по всей территории Казахстана и Саяно-Алтая и стимулируют формирование вокруг себя больших некрополей на протяжении всей скифской эпохи. Самые значительные погребальные сооружения в могильниках, требовавшие при строительстве умелой организации и усилий многочисленных коллективов достигают в диаметре 100-200 м и в высоте до 17 м. Такие величественные курганы встречаются в могильниках Казахстана (Чиликта, Лу-таново, Алтын-Эмель, Жетытобе, Бесшатыр I, Каират, Жуантобе, Аржан-Оок). Саяно-Алтай (Аржан, Салбык и др.). Не исключено, что они существуют в районах Монгольского Алтая и Синьцзяна.

3. Конструктивные особенности раннескифских памятников, выявленные рядом исследователей (М.Х.Маннай-Оол, М.П.Грязнов, К.А.Акишев, Л.Р.Кызласов и др.) и наиболее ярко представленные в Аржане (относительно невысокая цилиндрическая каменная насыпь с крепидой-оградой, каменные обкладки-деревянные срубы на уровне древнего горизонта, кольцевидные поминальные сооружения и др.), позволяют констатировать наличие аналогичных, возможно, синхронных памятников и в Казахстане — Чиликта и Бесшатыр. Не исключено, что еще не раскопанных казахстанский Аржан находится на могильнике Каират (Жамбульская обл.), где зафиксирован курган диаметром около 200 м и высотой 17 м.

4. Таким образом, совокупность всего археологического материала и, в частности, анализ мегакомплексов высшей знати начала I тыс. до н.э. свидетельствует о наличии мощной "империи" племен (скифов-саков, массагетов и др.) на территории Казахстана, Саяно-Алтая и Центральной Азии, конница которой была способна совершать сокрушительные набеги на переднеазиатские государства в IX-УП вв. до н.э.

Анализ письменных источников, как переднеазиатских (И.М.Дьяконов), так и греческих (Л.А.Ельницкий, И.В.Кукина) в значительной степени подтверждает положение о продвижении киммерийцев, скифов-саков, массагетов на запад. Конкретные воинские

1. Смирнов К.Ф. Проблема происхождения ранних сарматов // СА. 1957. № 6. С.16; Он же. Савроматы. М., 1964. С.194; Он же. Сарматы на Илеке. М., 1975. С.158; Железчиков Б.Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья. Автореф. дисс..., канд. ист. наук. М., 1980. С.1.
2. Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по данным письменных свидетельств // АСТЗ. Вып.18. Л., 1971; Он же. Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья III-V вв. до н.э. // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск, 1989; Клейн Л.С. Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
3. Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947.
4. Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
5. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925; Rostovtzeff M. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922; Rostovtzeff M. *Skuthien und der Bosphorus*. Berlin, 1933.
6. Железчиков Б.Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья; Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып.11-10. М., 1968; Пшеничник А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.
7. Мачинский Д.А. О времени первого..., Он же. Боспор Киммерийский и Танаис...; Клейн Л.С. Сарматский тарандр...

ЛЕВИНА Л.М.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЖЕТЬАСАРСКОГО ОТРЯДА ХОРЕЗМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ВОСТОЧНОМ ПРИАРАЛЬЕ

Первые археологические исследования в древней сирдарьинской дельте в Восточном Приаралье были проведены С.П. Толстовым и руководимой им Хорезмской археолого-этнографической экспедицией в 1946 г. В 1947-49, 1951 гг. одним из основных объектов работ экспедиции явился бассейн древних протоков Сырдарьи-Ку-

вандарьи и Пра-Кувандарьи. Именно там были открыты и исследованы С.П. Толстовым и сотрудниками экспедиции памятники Джетьясарской культуры¹, названной так по имени урочища, где разбросаны многие джетьясарские городища. Раскопки некоторых ранних городищ велись Джетьясарским отрядом экспедиции в 1973, 1976, 1979-1981, 1984 гг.², а с 1986 г. главной задачей стало изучение погребальных джетьясарских комплексов³. С древнейших времен районы древней дельты Сырдарьи служили местом зимовок скотоводческих племен, являясь одновременно важным перекрестком путей передвижения кочевых и полукочевых племен. Здесь происходили культурные, этнические, торговые контакты между скотоводами степей и земледельцами древних оазисов.

Очень своеобразная, архаическая по облику джетьясарская культура существовала в данном районе на протяжении более полутора тысяч лет, с конца эпохи бронзы - начала эпохи железа и до III в. н.э. В настоящее время нам известно около 50 многолюдных джетьясарских городищ и тысячи курганных погребений. Период бытования джетьясарских городищ и окружающих их некрополей весьма различен и зависел, в первую очередь, от периода функционирования тех русел и протоков, на которых базировалось городище. Учитывая трудности работы в пустыне, а также многометровую толщу культурных напластований городищ (высота последних - 10-25 м над уровнем современной поверхности), можно с уверенностью говорить о времени конца жизни на большинство этих памятников и предположительно о начальном периоде лишь некоторых.

Целые группы городищ, возникнув в середине I тыс. до н.э., прекратили свое существование в конце II-III вв. н.э., а весь оазис погиб в III в. н.э. И хотя, как свидетельствуют наши раскопки, некоторые крепости погибли в результате военных столкновений, подавляющее большинство городищ перестало функционировать одновременно с прекращением стока воды в их руслах.

Задачей данной работы является характеристика результатов наших исследований последних лет джетьясарских некрополей. Отметим лишь, что все джетьясарские поселения представлены мощными крепостями со сложной фортификацией и сплошной внутренней застройкой (на первых этапах культуры), при полном отсутствии неукрепленных поселений. Характерна для джетьясарской культуры

внизу, более мелкие — внизу). В ящике, перекрытом плитами, лежал костяк вытянуто на спине, головой на СВ. У головы найден глиняный круглодонный кувшин с дырочками на горловине для подвешивания, у правой руки — бронзовый листовидной формы нож длиной 10 см, а в ногах — круглое в сечении шило⁶. Во втором кургане (рис. 2, левый) примерно на такой же глубине обнаружен каменный ящик, ориентированный также с СВ на ЮЗ. Стенки его сложены из 174 крупных плит. От костяка сохранились отдельные кости. В могиле найден лишь камень с явными следами употребления в качестве зернотерки.

Кувшин из первого кургана изображен на таблице классификации культур Семиречья и Тяньшаня⁷. Рисунки других находок, к сожалению, не сохранились.

Курганы Каргалы А.Н.Бернштам предположительно относит к переходному этапу от бронзы к раннему железу, но отметил, что подобные типы погребений более типичны для раннесакской культуры и лишь состав инвентаря дает возможность хронологически разделять. Далее он пишет: "Возможно, что каргалинская культура каменных ящиков является типичным переходом к культуре сако-усуньского типа..." и датирует в книге 1941 г. эти погребения УШ-УП вв. до н.э. Позднее в работе 1949 г.⁷ в упомянутой таблице классификации культур рамки даты каргалинских курганов расширены и включают уже УШ-УІ вв. до н.э. Однако, в статье 1946 г. Каргалы I назван памятником эпохи поздней бронзы, как и в "Археологической карте Казахстана"⁹.

К.А.Акишев в книге 1963 г.¹⁰ рассматривает Каргалы как памятник раннесакской культуры, омолаживает его и датирует УП-УІ вв. до н.э. Учитывая форму сосуда, характерную для сако-усуньских комплексов, он предлагает уточнить возраст Каргалы УІ-ІУ вв. до н.э. Однако, сопоставление формы одного сосуда и к тому же по схематическому изображению на таблице вряд ли можно считать достаточным основанием для пересмотра датировки.

Наряду с Каргалы к раннесакским курганам К.А.Акишев в этой работе причисляет и погребения могильника Алтын-Эмель II, в которых также выявлены каменные ящики. Однако, это сопоставление вызывает сомнение, поскольку К.А.Акишев не располагал чертежами Каргалы, и опирается только на описание. Каменные ящики Алтын-Эмеля отличаются тем, что края плит их выступают

на 20-25 см над дневной поверхностью. В Каргалинских курганах каменные ящики глубоко впущены внутрь грунтовой ямы. Эти памятники представляют две разновидности каменных ящиков. В книге 1977 г.¹¹ К.Акишев отказывается от омоложения комплекса Каргалы и оставляет дату УП-УІ вв. до н.э.

По-прежнему, единственными раннесакскими памятниками выступают Каргалы и Алтын-Эмель. Новых комплексов в Семиречье к этому времени не было обнаружено. Дата Алтын-Эмеля, в котором ранее не было каких-либо находок, определена "по архаическим могильным сооружениям". По такому неопределенному признаку невозможно сопоставить памятники: погребальные сооружения, называемые каменными ящиками, чрезвычайно разнообразны по устройству и внешнему виду. Они распространены в Центральном и Восточном Казахстане (каменные гробницы, погребальные каменные ящики), на Алтае, в Минусинской котловине, в Туве, а также на Тянь-Шане, на северных склонах Киргизского Алатау, в Северно-западной Фергане и Алтае, и т.д. Они встречаются в памятниках ранних культур эпохи бронзы и ранних кочевников. Полагаем, что имеется возможность разработать типологию каменных ящиков. Это должно стать темой специального исследования. В литературе уже обратили внимание на преемственность между погребальными сооружениями эпохи бронзы (позднеалакульского и замараевского времени) и ранних кочевников Центрального Казахстана. Однако, следовало бы охарактеризовать также отличие и особенности каменных ящиков в могилах ранних кочевников. Во всяком случае, сравнительная таблица, составленная М.К.Кадырбаевым¹², положила начало подготовки типологии каменных ящиков.

Каменные ящики Каргалинского могильника наиболее сходство имеют с могилами, раскопанными в Туура-Су и Ачик-Таше на южном берегу оз. Иссык-Куль¹³. Здесь также узкие каменные ящики из нескольких плит, поставленных на ребро, сооружены на дне грунтовой ямы, под центром курганный насыпи. Совпадает и устройство ящиков. Отличия между ними только в наличии пристроек и в иной широтной ориентации.

Каменные ящики Каргалы и могильников Иссык-Куль представляют один и тот же тип сооружения. Другой тип, когда каменные плиты выступают над дневной поверхностью, обнаружен в Алтын-Эмель II. Еще одна разновидность выявлена в могилах Кулажур-

гинской культуры, специфическая особенность которых – колоновидные расширения могильной ямы¹⁴. Для последующего – усуньского периода каменные ящики в Семиречье представлены единичными погребениями в отличие от Восточного Казахстана, где распространена Кулажургинская культура. Отмечаются изменения в расположении ящиков на значительной глубине и непосредственно под насыпью кургана, в неглубокой яме¹⁵.

В последние годы на территории г.Алма-Ата и в ближайших окрестностях выявлен и исследован ряд новых памятников раннего кочевников. Назрела необходимость систематизации и обобщения всех накопленных в этом районе археологических материалов по культуре ранних кочевников. Публикуемые данные о Каргадиноком могильнике – это посильный вклад в подготовку такого труда.

1. Бернштам А.Н. Археологические работы в Казахстане и Киргизии // ВДИ. 1989. № 4; Он же. Археологические работы в Семиречье. // КСИИМК. 1940. Вып. 4; Он же. Памятники старины Алма-Атинской обл. (по материалам экспедиции 1939 г.) // Изв. АН КазССР. Сер. археол. 1948. Вып. I.
2. Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины: Ист.-археол. очерки. Алма-Ата, 1941; Бабанская Г.Г. Беркнаринский могильник (к некоторым итогам изучения памятника) // Тр. ИИАЭ АН КазССР. 1956. Т. I.
3. Бернштам А.Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.
4. Заднепровский Ю.А. Проблемы Кенкола // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989.
5. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 154–159.
6. Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941. С. 24–25.
7. Бернштам А.Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. 1949. Т. II.
8. Бернштам А.Н. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье // КСИИМК. 1946. Вып. 13.
9. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, с. 321.
10. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963. С. 88–89.
11. История Казахской ССР. Алма-Ата, 1977. Т. I. С. 272.

12. Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.
13. Мокринин В.П. Курганы сакского времени долины реки Тон // Археологические памятники Прииссыккуль. Фрунзе, 1975.
14. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской пл. Алма-Ата, 1987. С. III.
15. Агеева Е.И. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области // Тр. ИИАЭ АН КазССР. 1961. Т. I.2. С. 37.

ИСМАТИЛОВ Р.Б.

НОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА ИЛЕКЕ

Могильник Целинный I находится на возвышенности левого берега р. Илек, в 7 км. к ЮВ от ст. Ядсан и в 1,5 км. к З от с. Целинный Мартукского р-на Актыбинской обл. Летом 1988 г. при исследовании памятника археологической экспедицией Актыбинского ГИИ в числе прочих был вскрыт курган 59, давший интересный материал X).

Курган находился в юго-западной части могильника. Диаметр земляной насыпи 14,5, высота – 0,95 м. Под насыпью на погребенной почве фиксировалось кольцо из красной глины шириной 0,7–1,2, диаметром около 6 м, несколько смещенное от условного центра к югу. На прокаленной от огня поверхности кольца встречались куски сгоревших деревянных жердей диаметром до 0,2 м. Изломом и структурой засыпка единственной могильной ямы, находившейся внутри кольца – светло-желтая супесь (в южной части с камнями) – хорошо отличалась от бурого материкового суглинка. Могила имела почти круглую форму; ее размеры по уровню материка – 2,65 (С-Ю) x 2,5 (З-В) м. В могиле на разных уровнях находились два одиночных погребения.

Погребение I (рис. I, 2) было совершено на глубине 1,05 м (от уровня погребенной почвы). Мужской (?) скелет лежал в северной половине ямы на меловой подсыпке, на спине, с вытянутыми вдоль тела конечностями, головой на З. В затылочной час-

*) Приношу благодарность начальнику экспедиции С.Ю. Гуцалову за разрешение опубликовать комплекс.

ти черепа — отверстие с рваными краями. Справа от скелета лежала в сочленении часть тушки барана (лопатка, кости передней ноги и позвоночник с ребрами). В области живота найдена бронзовая бляшка с фигурным щитком в виде стилизованной головы птицы, с широкой овальной петлей на обороте (рис. 3, 88). У восточной стенки находились обломки лепной плоскодонной банки с примесью шамота в тесте, орнаментированной пояском жемчужин и гирляндами ногтевых вдавлений (рис. 3, 89). Высота сосуда 14,0, диаметр тулова 14,5 см. Рядом с сосудом находился кремневый отщеп (рис. 3, 90). Слева от костяка, напротив запястья, на небольшом кусочке дерева (остатки колчана?) лежали пачкой, остриями вниз, 100 бронзовых наконечников стрел и, судя по кусочкам окалины, один-два несохранившихся железных наконечника. Среди бронзовых — один черешковый четырехгранный (рис. 3, 84) и 99 втульчатых. Среди них двулопастные лавролистные различных форм (рис. 2, 1-18), ромбические (рис. 2, 19-28) и со сводчатой шпательной головкой (рис. 2, 29, 30); трехлопастные — с лавролистной головкой (рис. 2, 32-38), со сводчатой головкой и выступающей (рис. 2, 39-59) или потайной головкой (рис. 3, 71-77); трехгранные (рис. 2-3, 60-68, 85); четырехгранные или ромбические в сечении с ровной базой (рис. 3, 78-80) или с длинными жалцами (рис. 3, 81-88) и некоторые другие. Среди стрел лежал железный колчаный крючок (рис. 3, 86).

Погребение 2 было совершено на глубине 2,3 м прямо по центру той же ямы, что и погребение 1, но северная стенка его была значительно сдвинута к югу. В засыпке, насыщенной кусками сгоревшего дерева, встречались камни. Размеры могилы 2,45 x 2,1 м (рис. 1, 1). Плохо сохранившийся скелет человека старческого возраста со сросшимися черепными швами лежал под прослойкой светло-желтой супеси мощностью до 0,1 м вытянуто на спине, головой на 3. Руки слегка отставлены в сторону. Справа от скелета находились кости плохо сохранившегося скелета крупной птицы, в ногах — часть тушки барана (лопатка, кости передней ноги и позвоночник с ребрами).левой рукой покойник "придерживал" большую овальную плиту из железистого песчаника, размером 30x18 см (рис. 3, 87).

Погребальный обряд восстанавливается следующим образом. Опиравшаяся на глиняный кольцеобразный выкид деревянная над-

могильная конструкция (возможно, шатрового типа) в момент совершения захоронения первого (нижнего) покойника была подожжена и рухнула в могилу. Отсюда столь большое количество угля и головешек в нижней части заполнения ямы. Второе, верхнее погребение явно было рассчитано на совершение в той же яме, но не совсем точное определение ее границ привело к смещению северной стенки.

Обряд захоронения обоих погребений идентичен. Поза и ориентировка покойников совпадают, что позволяет говорить о их монокультурности, а захоронение в пределах одного кургана и даже одной ямы — еще и о родстве между ними. Захоронения в широких ямах подквадратной, овальной или круглой формы встречаются с самого начала существования савроматской культуры Южного Приуралья. Самым близким как территориально, так и, очевидно, хронологически является погребение в кургане 2 у с. Ак-Жар под Актобинском, датированное К. Ф. Смирновым "переходным" временем¹. В круглой могиле здесь также было зафиксировано двухъярусное погребение трех покойников, лежащих в свободной позе головами на ЮЗ; двое из них размещены на дне, а обожженный костяк третьего был похоронен выше засыпи могилы. Погребения нижнего яруса датируются костяными втульчатыми наконечниками стрел круглого сечения, известными, в частности, в комплексах с ренессансскими наконечниками типа Ендже.

Ближайшую аналогию сосуда из погребения 1 составляет орнаментированная такими же жемчужинами и опускающимися вниз гирляндами вдавлений плоскодонная банка из погребения 1 кургана 22 у с. Калиновка на левобережье нижнего течения Волги² и ряд других сосудов отдела 1 плоскодонной посуды савроматов³, истоки которой уходят в древности бронзового века.

Большое типологически архаических параллелей обнаруживает инвентарь нижнего погребения 2. Песчаниковая "забротерка" близка напоминает песчаниковую же чашку из кургана 36 у пос. Черняки в районе Челябинска, сопровождающую скорченное захоронение с восточной ориентировкой⁴. Кремневые отщепы неизвестного назначения широко распространены в черноголовских памятниках Южной России и Украины, изредка встречаясь и в архаических погребениях скифов⁵.

Дата погребения 1 хорошо определяется комплексом наконеч-

ников стрел, одним из наиболее крупных среди известных памятников этого времени. Наибольшее число аналогий с публикуемым обнаруживают колчаные наборы Тагискена и Уитарак в низовьях Сырдарьи⁶, и особенно — комплекс из погребения 3 Большого Гумаровского кургана на Сакмаре⁷. Основным отличием набора из кургана 59 от целинских от гумаровского состоит в отсутствии в нем втульчатых наконечников новочеркасского типа, меньшем количестве черешковых наконечников и т.п.

Таким образом, погребение I кургана 59 относится ко времени около середины — второй половины УП в. до н.э. и пополняет список памятников постгумаровского времени в Южном Приуралье. Более ранним является погребение 2 того же кургана, которое в целом можно датировать концом УШ — первой половиной УП вв. до н.э. Разрыв во времени между погребениями кургана 59, захороненными в одной яме, вряд ли мог быть больше, чем несколько десятилетий.

1. Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. С.32. Рис.3,8.

2. Там же, рис.6I, 4.

3. Там же, рис.6I, 2,3,5.

4. Там же, рис.3,9.

5. Коренько В.А., Лукьяшко С.И. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Дона // СА. 1982 № 3. Рис.7, I.

6. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в УП—УІ вв. до н.э. М., 1978. Табл. ХІІ, ХХ.

7. Исмаилов Р.Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. Вып. 29. Л., 1988. Рис.5-7.

КОЧУБЕЙ Ю.А.

НОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С КАМЕННЫМ "ЖЕРТВЕННИКОМ-СТОЛИКОМ" В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ (К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТАХ В СРЕДЕ САРМАТСКОЙ ОБЩНОСТИ)

Одним из сложных в западноказахстанской археологии является вопрос об этнических компонентах в среде сарматской общности. Для Южного Приуралья термины "савроматы" и "сарматы" как

этнические этнонимы во многом условны; относительно савроматов это не раз уже подчеркивалось исследователями¹. Пересмотр этнической интерпретации курганных древностей Южного Приуралья УП — рубежа У—ІУ вв. до н.э., рассматривавшихся Б.Н. Граковским и К.Ф.Смирновым в качестве савроматских, имеет для данной темы первостепенное значение. В данной работе публикуется новый южноприуральский материал и его интерпретация в свете вышесказанного.

Курганный могильник Ащесай-I располагается в местности Аеродром, в 2-2,5 км западнее центральной усадьбы с-за "Ащесайский", на верхней пойменной террасе р.Илек в Чингизлауском районе Уральской области. Он состоит из 28 курганов, разбросанных бессистемно по вытянутому с КВ на СВ могильному полю площадью 650х250 м. Наосы курганов однотипные, полусферические, с редкой растительностью на поверхности. Диаметр их 8-40 м, высота 0,2-1,5 м. К настоящему времени здесь исследовано шесть курганов (№№ ІІ, ІІІ, ІV, V, VI, VII) и два жертвенных места (№№ ІІІІ, ІІІІІ). Ниже рассматриваются материалы кургана № 23.

Курган № 23 располагался на юго-западной оконечности могильного поля, в 150 м к КВ от раскопанного в 1988 г. кургана № 20 и в 100 м к КВ от кургана № ІІІ. По земляной насыпи кургана (диаметр 26 м, высота 0,6 м), оплывшей с южной стороны, проследил проселочная дорога, а вокруг ее основания густая трава выдолбила ров. Во время зачистки контрольной бровки в І м к СВ от условного центра, на глубине 0,5 м был найден каменный "жертвенник-стол" с бортиком по краю диска и с тремя ножками, выполненными в виде головы хищника кошачьей породы с остроконечной пастью. Высота столика 9,5 см, диаметр 18,5 см, высота бортика 1 см, ширина бортика 1,4 см. Донная часть с наружной стороны имела следы охры. На той же глубине, в 0,5 м к В от условного центра были найдены также фрагмент каменной терочки подквадратной формы и каменного точила подпрямоугольной формы. На древней поверхности (глина светло-коричневого цвета с соляными вкраплениями; проявилась на глубине 1 м от высшей точки насыпи) к В и КВ от условного центра на площади радиусом 3 м были разбросаны кости лошади (следы тризны?). Могильное место неправильной овальной формы 2,6х2х1,6 м было ориентиро-

вано по оси ЮВ-СВ; оно выделялось более темным цветом и комковатой структурой засыпи. Здесь было исследовано два погребения.

Погребение I (впускное) совершено в овальной яме 3,4хх 2,1 м. Погребенный мужчина лежал на глубине 0,65 м от уровня древней поверхности вытянуто, на спине, головой на ЮВ. Слева от него находился железный обоюдоострый меч с серповидным навершием и прямым перекрестием. Длина меча около 1,5 м, ручки 10 см, ширина лезвия до 4 см. Рядом находился железный колчаный крючок и колчан (от которого уцелели два небольших фрагмента кожи) со 166 бронзовыми трехлопастными наконечниками стрел со скрытой и выступающей втулкой. На уровне острия меча находился песчаниковый оселок неправильной подпрямоугольной формы. Слева от погребенного найдены две бронзовые пряжки, каждая из которых состоит из двух скрепкообразных бронзовых обоем, соединенных деревянным креплением прямоугольной формы. Одна лежала на уровне черепа, вторая — между колчаным крючком и наконечниками стрел. Возле второй пряжки был найден фрагмент кожаного ремня длиной 4,5 см с узлом на одном из концов. Дно могильной ямы устлано камышом, посыпано мелом.

Погребение 2 (основное) было обнаружено при проверке юго-западной части дна погребения I в виде могильного пятна, ориентированного по оси ЮВ-СВ. Было совершено в овальной яме 2х1,2 м, глубиной 1,3 м от древней поверхности. Скелеты женщины и ребенка были ориентированы головами на СВ. У левого предплечья женщины находилась расчлененная тушка барана. Погребальный инвентарь представлен следующими вещами.

Левее и выше черепа погребенной лежало круглое бронзовое зеркало без ручки, диаметр его — 10,5 см. У изголовья погребенной лежал кусочек красной охры. Рядом с зеркалом находился фрагмент сигарообразного каменного амулета с желобком в верхней части. В области шеи рассыпью лежали меловые бусины разной формы и размеров. У правой голени погребенной стоял лепной плохо обожженный плоскодонный светло-коричневого цвета сосуд с раздутым туловом, со следами сажи на поверхности, с прямым слегка отогнутым наружу венчиком. Поверхность бугристая, тесто-рыхлое, черное в изломе, с примесью шамота; обжиг плохой. Высота сосуда 21 см, диаметр дна 12,3 см, тулова 16,5 см. Выше

костей жертвенного животного, слева от шейных позвонков погребенной лежал железный нож с сужающимся к острию лезвием и ручкой, на которой сохранились древесные фрагменты красного цвета.

Скелет грудного ребенка находился левее ног погребенной.

Таким образом, первоначальным в кургане было погребение 2 (женщина с ребенком); погребение I (мужчина-воин) было совершено значительно позже, так как оно совершенно не повредило погребение 2, находившееся почти точно под ним. Найденные в контрольной бровке "жертвенник-столик", точило и терочка относятся к погребению 2: они были положены после захоронения женщины (и ребенка) на засыпку ее могильной ямы. Погребальный обряд и сопровождающий инвентарь позволяют датировать погребение I рубежом V—IV вв. до н.э., а погребение 2 — IV—V вв. до н.э.

Многие исследователи памятники Южного Приуралья IV—V вв. до н.э. связывают с иседеонами². Факты совместных погребений женщин с детьми хорошо известны по материалам Нижнего Поволжья³. Сходство ряда черт погребального обряда памятников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья В.П.Шилов объясняет инфильтрацией небольших групп иседеонов из Южного Приуралья в Нижнее Поволжье и, наоборот, проникновением отдельных групп ранних сарматов из Нижнего Поволжья в Южное Приуралье⁴. М.И.Ростовцев, не видя в сарматах прямых потомков савроматов и отрицая генетическую связь между ними, считал предками исторических сарматов саков⁵. Его гипотеза подтверждается всем обликом раннесарматской культуры, которая характеризуется новыми формами археологического материала, отличного от савроматского⁶.

Вопрос о том, какие именно памятники в Южном Приуралье могут считаться иседеонскими — отдельная тема. Отметим только, что прав Д.А.Мачинский, предложивший отказаться от именования археологической культуры VII—рубежа V—IV вв. до н.э. "савроматской". Это находит подтверждение в археологическом материале⁷, хотя бы в том, например, факте, что на территории евразийских степей насчитывается сотни находок "жертвенников-столиков" (в том числе десятки — из района р.Илек), в то время как на территории обитания исторических савроматов — в Приазовье, Нижнем Поволжье и на Нижнем Дону — единицы.

комплексы, скорее всего, центральноазиатского происхождения встречаются на обширной территории от Монголии до Причерноморья на ряде памятников (Ак-Чий, Зивие, Персеполис, Муш, Кап-ланту, Норшунтене, Гамтене, Сарды, Кармир-Блур и др.) и позволяют проследить основные пути продвижения кочевников. Распространение оленных камней ранних типов центральноазиатского облика фиксирует северный путь подобных миграций (монгольские камни, Кенгир, Гумарово, Кызбурун, Zubovo, Усть-Лабинская, Царева Моггила, Ольвия, Белогорец), о чем неоднократно писали многие археологи (М.П.Грязнов, Д.Г.Савинов, Н.Л.Членова и др.). Сложный многоплановый и поэтапный характер подобных передвижений несомненен.

ЗАДНЕПРОВСКИЙ Ю.А.

КАРГАЛИНСКИЙ МОГИЛЬНИК САКОВ СЕМИРЕЧЬЯ

Среди тех, кто поднимал археологическую целину Казахстана, одно из первых мест занимает ленинградский археолог и востоковед Александр Натанович Бернштам (1910-1966 гг.). Семиреченская экспедиция ИИМК АН СССР совместно с Каз ФАН СССР и Коммунистической партии Киргизии, возглавляемая им, в 1938-1939 гг. проводила первые широкомасштабные исследования в долинах Таласа, Чу, Или¹. Памятники трех периодов являлись объектом наибольшего внимания: I) — памятники ранних кочевников — саков, усуней и кангюй; среди них — Каргалинский могильник раннесакского времени. Обнаруженные недавно в архиве ИИМК планы могильника и раскопки курганов дают дополнительную информацию (рассмотрены ниже). В эти же годы проведены раскопки в могильнике Беркиара², с которого начинается история археологического изучения кангюйского племени.

В долине Таласа (Киргизия) начаты раскопки могильника Канкоз³, открытие которого вызвало цепную реакцию обнаружения аналогичных памятников в большинстве областей Средней Азии. Интерпретация Канкоза — эталонного памятника кочевых племен с захоронениями в катакомбах и, прежде всего, проблемы хронологии и этнической атрибуции остаются до сих пор актуальными⁴. II) — поселения оседлых земледельцев раннесредневекового периода. Наиболее результативны были раскопки древнего Тараза в Джамбуле. На основе анализа письменных источников и данных

археологии А.Н.Бернштам по новому поставил проблему соотнесения колонизации Семиречья, с которой связано возникновение и расцвет оседло-земледельческой культуры края в период существования Тюркских каганатов.

III) — культура феодального города домонгольского периода, исследованная по материалам Тараза и городов Чуйской и Илийской долин.

Проведенные в 1936, 1938-1939 гг. работы А.Н.Бернштама заложили основы изучения археологии и древней истории народов Казахстана и Киргизии. Трудно переоценить заслуги А.Н.Бернштама, сохранившего для науки данные о сотнях документально зафиксированных им древних памятников, которые ныне в той или иной мере утрачены.

Обратимся к могильнику Каргала. Каргалинская группа курганов расположена в долине одноименной реки, в 55 км к западу от г.Алма-Ата. Основная часть могильника (около 50 курганов) вытянута цепочкой с СВ на ЮВ длиной около 800 м. вдоль правого берега арыка, берущего начало напротив Каргалинского уезда (рис.1). Вторая часть могильника (10 насыпей) располагались к западу от основной части, по обе стороны арыка, отходящего от главного арыка.

Между рощей и шоссе Фрунзе-Алма-Ата был расчищен каменный жертвенник — круг из 8 крупных камней, диаметром около 6 м (рис.1). По форме, размером и количеству камней, он сходен с жертвенными кругами эпохи бронзы, выявленными в разных районах Центрального Казахстана. Доказательства использования их в качестве жертвенников — слои угля, золы, органики и каменные изделия. Жертвенники Центрального Казахстана связывают с племенами андроновской культуры⁵. Как видим, аналогичные жертвенники были обнаружены еще в начале археологического изучения Семиречья, задолго до работ в Центральном Казахстане; тогда же Бернштам верно определил их назначение. Для датировки Каргалинского жертвенника никаких данных не было получено.

В могильнике в 1940 г. было вскрыто два кургана. Первый имел насыпь с каменной наброской диаметром 12 м (рис.2, правый) в центре кургана на глубине 3,5 м от поверхности на дне грунтовой ямы расчищен узкий каменный ящик, ориентированный с СВ на ЮЗ. Стены его выложены из камней разного размера (крупные

необычайная устойчивость, консерватизм, при внешней архаичности всех черт материальной культуры проявляется и в общности джетысарских крепостей, в повторяемости формификационных приемов и основ фортификационных систем, в планировке жилой застройки, определенном наборе и типе жилищ.

Все джетысарские городища окружены некрополями, насчитывающими сотни и тысячи курганных погребений. К сожалению, вследствие усиленного процесса дефляции земляные насыпи курганов были развеяны почти целиком. Лишь когда конструкция земляной насыпи отличалась от господствующего типа дополнительной кольцевой выкладкой по периметру, насыпь сохранилась лучше. Данные обстоятельства чрезвычайно затрудняют поиски курганов, видимы лишь при специальных аэросъемках и практически незаметных на уровне земли. Даже идентификация аэрофото на местности оказалась трудной задачей. Это значительно осложнило и замедлило и сами раскопки курганов.

За пять полевых сезонов (1986-90 гг.) вдоль трассы строительства нами было раскопано 660 курганов, содержащих около 900 захоронений. Более чем в сотне из них земляная курганная насыпь перекрывала подземные и полуподземные кирпичные гробницы — склепы. В данной работе мы остановимся на раскопках курганов в районе городища Алтын-асар (Джеты-асар № 3). В действительности городище Алтын-асар — это четыре разновременных крепости, объединенных в единое целое возведенной где-то в середине первого тысячелетия н.э. крепостной стеной (с оборонительным коридором, 34 овальными в плане башнями и т.п.) 460 раскопанных здесь курганов относятся к расположенным к СЗ, З, ЮЗ и Ю от городища Алтын-асар некрополям, каждый из которых тяготеет к определенным протокам разветвленной водной артерии городища (рис. I). Поскольку различные протоки и группы протоков все время мигрировали, расположенные на их берегах некрополи также переставали бытовать и лишь столетия спустя снова начинали функционировать частично или полностью. За этот период более древние насыпи успевали разрушиться и нередко затем перекрывались поздними курганами.

Во всех джетысарских некрополях курганы окружены рвами. Диаметры курганов варьируют в пределах 8-25 м (изредка до 43 м при высоте насыпи свыше 2,5 м). Во многих рвах, имевших обя-

затель жертвенного животного, слева от шейных позвонков погребенной лежал железный нож с сужающимся к острию лезвием и рукояткой, на которой сохранились древесные фрагменты красного цвета.

Скелет грудного ребенка находился левее ног погребенной.

Таким образом, первоначальным в кургане было погребение I (женщина с ребенком); погребение II (мужчина-воин) было совершено значительно позже, так как оно совершенно не повредило погребению I, находившееся почти точно под ним. Найденные в контрольной бровке "жертвенник-столик", точило и терочка относятся к погребению II: они были положены после захоронения женщины (и ребенка) на засыпку ее могильной ямы. Погребальный обряд и сопровождающий инвентарь позволяют датировать погребение I рубежом У-ІУ вв. до н.э., а погребение II — УІ-У вв. до н.э.

Многие исследователи памятники Южного Приуралья УІІ-У вв. до н.э. связывают с исседонами². Факты совместных погребений женщины с детьми хорошо известны по материалам Нижнего Поволжья³. Сходство ряда черт погребального обряда памятников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья В.П. Шилов объясняет инфильтрацией небольших групп исседонов из Южного Приуралья в Нижнее Поволжье и, наоборот, проникновением отдельных групп ранних сарматов из Нижнего Поволжья в Южное Приуралье⁴. М.И. Ростовцев, не видя в сарматах прямых потомков савроматов и отрицая генетическую связь между ними, считал предками исторических сарматов саков⁵. Его гипотеза подтверждается всем обликом раннесарматской культуры, которая характеризуется новыми формами археологического материала, отличным от савроматского⁶.

Вопрос о том, какие именно памятники в Южном Приуралье могут считаться исседонскими — отдельная тема. Отметим только, что при Д.А. Мачинский, предложивший отказаться от именования археологической культуры УІІ- рубежа У-ІУ вв. до н.э. "савроматской". Это находит подтверждение в археологическом материале⁷, хотя бы в том, например, факте, что на территории евразийских степей насчитываются сотни находок "жертвенников-столиков" (в том числе десятки — из района р. Илек), в то время как на территории обитания исторических савроматов — в Приазовье, Нижнем Поволжье и из Нижнем дону — единицы.

1. Смирнов К.Ф. Проблема происхождения ранних сарматов // СА. 1957. № 6. С.16; Он же. Сарматы. М., 1964. С.194; Он же. Сарматы на Илеке. М., 1975. С.158; Железчиков Б.Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья. Автореф.дисс..., канд.ист.наук. М., 1980. С.1.
2. Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по данным письменных свидетельств // АСТЭ. Вып.18. Л., 1971; Он же. Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья УШ-У вв. до н.э. // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск, 1989; Клейн Л.С. Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
3. Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947.
4. Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
5. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1926; Rostovtzeff M. Iranian and Greeks in South Russia. Oxford, 1922; Rostovtzeff M. Skuthien und der Bosphorus. Berlin, 1933.
6. Железчиков Б.Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья; Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып.ДІ-ІО. М., 1968; Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.
7. Мачинский Д.А. О времени первого..., Он же. Боспор Киммерийский и Танаис...; Клейн Л.С. Сарматский тарандр...

ЛЕВИНА Л.М.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЖЕТЬАСАРСКОГО ОТРЯДА ХОРЕЗМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ВОСТОЧНОМ ПРИАРАЛЬЕ

Первые археологические исследования в древней сирдарьинской дельте в Восточном Приаралье были проведены С.П.Толстовым и руководимой им Хорезмской археолого-этнографической экспедицией в 1946 г. В 1947-49, 1951 гг. одним из основных объектов работ экспедиции явился бассейн древних протоков Сырдарьи-Ку-

ландарьи и Пра-Куландарьи. Именно там были открыты и исследованы С.П.Толстовым и сотрудниками экспедиции памятники джетьасарской культуры¹, названной так по имени урочища, где размещены многие джетьасарские городища. Раскопки некоторых ранних городищ велись Джетьасарским отрядом экспедиции в 1973, 1976, 1979-1981, 1984 гг.², а с 1986 г. главной задачей стало изучение погребальных джетьасарских комплексов³. С древнейших времен районы древней дельты Сырдарьи служили местом выновок скотоводческих племен, являясь одновременно важным перекрестком путей передвижения кочевых и полукочевых племен. Здесь происходили культурные, этнические, торговые контакты между скотоводами степей и земледельцами древних оазисов.

Очень своеобразная, архаическая по облику джетьасарская культура существовала в данном районе на протяжении более полутора тысяч лет, с конца эпохи бронзы - начала эпохи железа и по УШ в. н.э. В настоящее время нам известно около 50 многоплодных джетьасарских городищ и тысячи курганных погребений. Период бытования джетьасарских городищ и окружающих их некрополей весьма различен и зависел, в первую очередь, от периода функционирования тех русел и протоков, на которых базировались городища. Учитывая трудности работы в пустыне, а также многометровую толщу культурных напластований городищ (высота последних - 10-25 м над уровнем современной поверхности), можно с уверенностью говорить о времени конца жизни на большинстве этих памятников и предположительно о начальном периоде лишь некоторых.

Целые группы городищ, возникнув в середине I тыс. до н.э., прекратили свое существование в конце III-IV вв. н.э., а весь оазис погиб в УШ в. н.э. И хотя, как свидетельствуют наши раскопки, некоторые крепости погибли в результате военных столкновений, подавляющее большинство городищ перестало функционировать одновременно с преобразованием стока воды в их руслах.

Задачей данной работы является характеристика результатов наших исследований последних лет джетьасарских некрополей. Упомянем лишь, что все джетьасарские поселения представлены мощными крепостями со сложной фортификацией и сплошной внутренней застройкой (на первых этапах культуры), при полном отсутствии неукрепленных поселений. Характерная для джетьасарской культуры

необычайная устойчивость, консерватизм, при внешней архаичности всех черт материальной культуры проявляется и в общеджетысарских крепостях, в повторяемости формификационных приемов и основ фортификационных систем, в планировке жилой застройки, определенном наборе и типе жилищ.

Все джетысарские городища окружены некрополями, насчитывающими сотни и тысячи курганных погребений. К сожалению, вследствие усиленного процесса дефляции земляные насыпи курганов были развеемы почти целиком. Лишь когда конструкция земляной насыпи отличалась от господствующего типа дополнительной кольцевой выкладкой по периметру, насыпь сохранилась лучше. Данные обстоятельства чрезвычайно затрудняют поиски курганов, видимых лишь при специальных аэрофотосъемках и практически незаметных на уровне земли. Даже идентификация аэрофото на местности оказалась трудной задачей. Это значительно осложнило и замедлило и сами раскопки курганов.

За пять полевых сезонов (1986–90 гг.) вдоль трассы строительства нами было раскопано 660 курганов, содержащих около 900 захоронений. Более чем в сотне из них земляная курганная насыпь перекрывала подземные и полуподземные кирпичные гробницы – склепы. В данной работе мы остановимся на раскопках курганов в районе городища Алтын-асар (Джеты-асар № 3). В действительности городище Алтын-асар – это четыре разновременных крепости, объединенных в единое целое возведенной где-то в середине первого тысячелетия н.э. крепостной стеной (с оборонительным коридором, 34 овальными в плане башнями и т.п.) 460 раскопанных здесь курганов относятся к расположенным к СЗ, З, ЮЗ и Ю от городища Алтын-асар некрополям, каждый из которых тяготеет к определенным протокам разветвленной водной артерии городища (рис.1). Поскольку различные протоки и группы протоков все время мигрировали, расположенные на их берегах некрополи также переставали бытовать и лишь столетия спустя снова начинали функционировать частично или полностью. За этот период более древние насыпи успевали разрушиться и нередко затем перекрывались поздними курганами.

Во всех джетысарских некрополях курганы окружены рвами. Диаметры курганов варьируют в пределах 8–25 м (изредка до 43 м при высоте насыпи свыше 2,5 м). Во многих рвах, имевших обя-

з. Л.М.Левина. Исследования в Северо-Восточном Приаралье // ВДИ. 1986 г. М., 1988, с.485–486; С.Г.Кляшторный, Л.М.Левина. Об одной рунической надписи с городища Алтын-асар (Восточное Приаралье) // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989. С.87–97; Л.М.Левина, А.В.Птичкинов. Динамика ирригации и древних русел Кузаяркан и урочище Джетысар (Восточное Приаралье) // Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М., 1991. С.142–161.

4. Л.М.Левина, А.Б.Никитин. Об одной группе иранских резных вещей из Восточного Приаралья // ВДИ. 1991. № 4. С.53–65.

5. Л.М.Левина. Памятники джетысарской культуры в свете этнической истории Средней Азии // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989. С.27–36.

ОЛЬХОВСКИЙ Г.С.

СВЯТИЛИЩЕ БАЙТЕ Ш В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ (ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Святылище Байте Ш, замыкающее с юго-запада цепочку святылищ культового комплекса Байте, расположено в 12 км к ЮЗЮ от разъезда № 6 железнодорожной ветки Бейнеу–Мангышлак. Полномасштабные раскопки его начались в 1988 г. Работы 1989–90 гг. осуществлялись прежде всего с целью детального изучения центральной части территории святылища и его периферии к югу и западу от крупнейшего кургана (№ 2).

Исследования прошлых лет показали отсутствие в границах святылища ясно выраженного культурного слоя, а также концентрацию практически всех находок в верхнем слое лесса до глубины 0,2–0,25 м. Вследствие этого святылище исследовалось сплошным раскопом глубиной 0,25 м с последующей зачисткой наиболее интересных участков. Общая площадь изученного участка превысила 80 тыс. кв.м. Зафиксированные при этом объекты и предметы были условно разделены на следующие группы: каменные выкладки, каменные скопления, жертвенники, фрагменты названий, прочие индивидуальные находки.

К каменным выкладкам отнесены конструкции, состоящие из расположенных в определенном порядке камней средней величины. Некоторые выкладки в плане представляли собой кольца диаметры до 1,5 м, выложенные из камней в один слой. Несколько выкладок оказались небольшими каменными ящиками, сооруженными из установленных на ребро плит с каменными завалами около и внутри них. Размеры ящиков не превышают 0,9х0,7 м. Большинство выкладок имело вид либо каменного перекрытия из лежащих вплотную друг к другу плит, либо невысокой каменной "платформы" прямоугольной или овальной формы. Размеры их достигали 2,5х1,5 м. Особый интерес представляют подпрямоугольные выкладки № 11 и № 12, сложенные из уплощенных каменных блоков в 1-3 слоя и расположенные в непосредственной близости от двух монументальных жертвенных "столов".

В границах большинства каменных выкладок какие-либо ямы, следы горения либо предметы обнаружены не были. В семи случаях выкладки оказались надмогильными конструкциями грунтовых погребений. Погребальные сооружения при этом представляли собой ориентированные широтно овальные ямы с кольцевыми заплечиками по периметру устья. Перекрытие ям было двойным - из плит на уровне заплечиков и на уровне дневной поверхности (над засыпанной ямой). Все погребения содержали ориентированные головой на запад и северо-запад одиночные безымянные захоронения. В одном случае умерший был положен в яму в скорченном положении на правом боку. Возле перекрытия этой же могилы найден каменный блок с адамантовой тамгой в виде стрелки. По особенностям конструкции и наличию тамги все три захоронения могут быть датированы эпохой средневековья.

Каменные скопления (всего 58) отличаются от выкладок неоднородным, за редкими исключениями, расположением камней. Размеры их составляют от 2х1,6 м до 0,4х0,4 м; при этом в большинстве случаев камни лежат в один слой. 2-й вариант конструкции скоплений: уплощенные необработанные куски плитняка укладывались друг на друга в 2-4 слоя столбиком. 3-й вариант конструкции каменных скоплений встречен лишь дважды; он включает стоящий вертикально каменный блок высотой до 0,45 м и небольшое количество уплощенных плиток рядом с ним.

Под тремя каменными скоплениями всех трех вариантов в по-

добных ямках обнаружена зола от сожженных тонких веток; при этом в двух случаях там же находилось и по 1-2 осколка заметного латинированного бутылочного (?) стекла. Возле одного из скоплений обнаружено два обломка стенок гончарного сосуда (керамика?), относящегося скорее всего к эпохе средневековья.

Таким образом, каменные скопления (очевидно, это поминки - "обо"), сконцентрированные главным образом вокруг центрального кургана, создавались в течение длительного времени - по крайней мере с эпохи средневековья до этнографической современности; более точную дату большинства их определить пока не представляется возможным.

Коллекция найденных на территории святилища каменных жертвенников значительно пополнилась; всего зафиксировано более 20 жертвенников либо их обломков. Конструктивно они весьма разнообразны. Наиболее интересны большие прямоугольные жертвенные "столы", вырубленные из цельных известняковых плит. К жертвенникам предположительно отнесены еще 2-3 ровные подпрямоугольные каменные плиты средних размеров, обнаруженные на глубине 0,15-0,2 м в горизонтальном положении. Весьма выразительны и жертвенники в виде округлых плит с чашевидными углублениями. Крупнейший из них достигал 0,8 м в диаметре; остальные, численность преобладающие, имели значительно меньшие размеры и не столь правильную форму. Среди жертвенников данного типа выделяется овальная плита с сквозным прямоугольным углублением (к числу жертвенников отнесена условно). Не столь многочисленны жертвенники в виде округлых каменных плиток без бортика диаметром 0,4 м. Подобный экземпляр был найден и среди камней скопления № 24.

Фрагментов антропоморфных изваяний было найдено немного - около 50. Характер их размещения подтвердил предположение об их концентрации на относительно небольшом участке к юго-западу от кургана № 2. Вне этого участка обломки образуют лишь одно скопление - приблизительно в 40 м к юго-востоку от больших жертвенных столов. К сожалению, почти все найденные основания изваяний оказались в перемещенном состоянии и лишь одно - в изначальном. Данное изваяние стояло лицевой гранью на ЗСЗ.

Иконографически найденные фрагменты антропоморфов ничем не отличаются от ранее зафиксированных. Они воспроизводят мужскую фигуру с согнутой в локте и прижатой к животу левой рукой,

опущенной книзу правой. Из оружия показаны: прикрепленный к поясу спереди на ременной подвеске меч с серповидным либо ланцетовидным навершием и прямым перекрестием, такого же типа кинжал (на правом бедре), горит с луком и стрелами (на левом боку). Из предметов одежды и украшения представлены пояса, медовитковые браслеты и гривны. Все изделия разбиты, многие расслоились.

Индивидуальных находок на исследованной территории святилища было сделано немного. Несколько найденных на современной поверхности фрагментов гончарной керамики относятся к средневековью, вероятно, позднему. У каменной выкладки № II, на уровне ее основания, обнаружено скопление обломков не менее чем трех овальных и подпрямоугольных известняковых плиток, аналогии которым встречаются на огромной территории евразийского степного пояса в памятниках скифского времени. Данные находки подтверждают культовый характер выкладок, отнесение по крайней мере некоторых из них к эпохе раннего железа.

У западной полы кургана № 2 на глубине ок. 0,2 м зафиксирована ручная мельница из двух жерновов, лежавших в "рабочем положении". Подобный же фрагмент жернова найден в грунте и у южной полы насыпи того же кургана.

Помимо исследования центральной части площади святилища, на юго-запад была раскопана и невысокая насыпь (№ I), расположенная в юго-восточной части памятника. При этом выяснилось, что насыпь образовалась в результате разрушения надмогильной конструкции, сооруженной из каменных блоков и плит в виде полусферы или параллелепипеда (более точно определить не удалось из-за разрушенности конструкции). Грунтовая насыпь, очевидно, образовалась позднее в результате естественного запыления каменного развала. В центральной части насыпи, в глубокой прямоугольной яме, в древности, очевидно, перекрытой плитами, находилось одиночное захоронение взрослого. Скелет лежал вытянуто, на спине, головой на ЮВ. Погребение частично ограблено; из инвентаря сохранилось железное стремя. Погребение предварительно датировано эпохой средневековья. К раннему средневековью относится обнаруженный на поверхности возле насыпи № I небольшой трехлопастный железный наконечник стрелы.

Было исследовано также два невысоких всхолмления, распо-

ложенных в южной части святилища и считавшихся курганами. Одно из всхолмлений оказалось группой из пяти полуразрушенных каменных скоплений и выкладок. Другое всхолмление (№ 3) имело округлой с уплощенной вершиной насыщенной камнем насыпи диаметром 17 м. После расчистки здесь было выявлено культовое сооружение, состоящее из трех элементов: погребального сооружения, околomoгильного сооружения и каменных стел.

Погребальное сооружение представляло собой прямоугольный каменный ящик, сложенный из четырех массивных плит и ориентированный по оси СВЗ-ЮВЮ. Он был впущен в предматериковый слой, грани его плит выступали над уровнем древней дневной поверхности на 0,08-0,11 м. Перекрытие ящика — массивная плита — было оброшено и разбито. В ящике, в слое зольистой супеси, обнаружено незначительное количество сильно измельченных обожженных костей. Ящик окружало околomoгильное сооружение. Оно имело форму незамкнутой трапеции, ориентированной длинной осью на ЮВЮ; размеры его по внешнему фасаду 12х8,5-11,2 м. Околomoгильное сооружение фактически являлось трапециевидной в плане отградой, сложенной методом панцирной кладки на расстоянии 3-4 м от каменного ящика. Ширина стены — 1,2-2 м. В южной части стены устроен дверной проем. Стена сохранилась на высоту до 0,55 м, судя по расположению камней прилегающих к стене снаружи жерновов, первоначальная высота ее достигала 1,4 м. В северной части околomoгильного сооружения, между стеной и каменным ящиком, были вкопаны две известняковые стелы неантропоморфного облика (разбиты, но большинство обломков лежало в непосредственной близости). Стелы длиной 1,5-2,52 м, прямоугольные в сечении, имели завершение, напоминавшее в профиль форму лезвия топора. В южной же был обнаружен обломок, очевидно, каменного жертвенника с двумя чашевидными углублениями. Какие-либо другие предметы в околomoгильном сооружении найдены не были. Заслуживает внимания небольшой фрагмент известняковой стелы или изваяния, на котором сохранились гравированные изображения ориентированного пояса и ног оленя ниже его.

Время создания исследованного культового сооружения определить трудно вследствие отсутствия датированных находок (фрагмент стелы с гравированным рисунком мог попасть в границы сооружения случайно). По общему облику оно ближе всего погребальным

конструкциям бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана рубежа II-I тыс. до н.э.

Исследования 1989-90 гг. позволили, таким образом, выделить не менее трех периодов функционирования комплекса Байты II: эпоха поздней бронзы (бегазы-дандыбаевская культура), эпоха раннего железа (У-II вв. до н.э.), средневековье (раннее и позднее). Удалось также выявить основные "сакральные зоны" эпохи раннего железа, связанные с концентрацией антропоморфных изображений (юго-западнее кургана № 2), а также жертвенников и выкопок (западнее кургана № 2). Средневековые памятники располагаются главным образом вокруг кургана № 2 на южной периферии оятыжыла.

СУРАЗАКОВ А.С.

ПАМЯТНИКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ГОРНОГО АЛТАЯ И ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Горный Алтай и Тува известны исследованными там большими каменными курганами скифо-сакского времени. Интенсивные археологические работы последних лет дали массовый материал из захоронений и ридсых обитателей. Это позволило, с одной стороны, объединить изученные памятники в рамках саяно-алтайской культурной общности, охватывавшей, кроме указанных территории, еще и Северо-Западную Монголию, с другой, более обоснованно разграничить их в пределах этой общности и на ином исследовательском уровне на отдельные культуры (майзмирская УШ-УІ вв. до н.э. и пазырыкская - вторая половина УІ-ІІ вв. до н.э. для Горного Алтая; ады-балыкская УШ-УІ вв. до н.э. и оагыноско-уякокая У-ІІІ вв. до н.э. для Тувы), а что касается Горного Алтая - и не отличные друг от друга варианты (усть-кумский и катонский для майзмирской культуры - Могильников В.А., 1986; собственно пазырыкский и кара-кобинский для пазырыкской культуры - Могильников В.А., 1982; Суразаков А.С., 1982, 1988).

В то же время культурные связи горноалтайских племен скифо-сакского времени распространялись не только на восток, но и на юго-запад - в бассейны Верхнего Прииртышья и р.Бухтармы. Район этот был, скорее всего, контактной зоной между культурными образованиями Саяно-Алтая и более южного сако-усуньского

этноса. Несмотря на тесные связи с последним, население Горного Алтая имело в сфере погребального обряда ряд характерных отличительных черт. Отсюда и памятники Восточного Казахстана подразделяются исследователями на две группы. Первая из них уходит много общего на северо-востоке, т.е. в горноалтайском этноне, тогда как вторая на юге, в частности в Семиречье (Семашев З.С., 1987 г.).

Как показывает анализ, первая группа памятников объединяется рядом близких черт погребального обряда. В то же время по отдельным параметрам она неоднородна и распадается на два варианта, аналогичные выделенным для пазырыкской культуры Горного Алтая. Первый из них (Катонский могильник у с.Катон-Кара-Тая, Борельские курганы и др.) с округлыми в плане каменными ящиками, бревенчатыми срубками на дне глубоких ям, положением антропоморфических костяков на правом боку с подогнутыми ногами и восточной ориентировкой, конскими захоронениями вдоль северных стенок ям тождественен памятникам собственно пазырыкского варианта пазырыкской культуры. Второй (могильники у сел Кула-Журга, Баты и др. - кула-жургинский тип по С.С.Черникову) идентичен памятникам кара-кобинского варианта пазырыкской культуры, одним из главных отличий которых от погребений первого варианта является конструкция внутримогильного сооружения в виде каменного ящика. Большинство восточноказахстанских курганов этого типа были датированы в свое время С.С.Черниковым III-II вв. до н.э. Исследовавший их в последние годы в зоне затопления Кула-жургинской ГЭС З.С.Семашев вполне справедливо предположил, что нижняя хронологическая граница этих памятников уходит в IV в. до н.э.

В Горном Алтае характерный для курганов кара-кобинского варианта погребальный обряд полностью сформировался ко второй половине УІ в. до н.э. Тем не менее это культурное образование имеет на данной территории и более ранние корни. Через переходные памятники первой половины УІ в. до н.э. оно восходит к более ранним курганам усть-кумского варианта майзмирской культуры (УШ-УІ вв. до н.э.).

В поздних памятниках кула-жургинского типа появляется новый элемент погребального обряда - конское захоронение на периферии каменного ящика. Это довольно специфичное оформление

данного вида погребальной традиции зафиксировано во множестве раскопанных в последние годы горноалтайских захоронениях конца I тыс. до н.э. - начала I тыс. н.э. (мог. Булан-Кобы IV - Мамадаков Ю.Т., 1985; мог. Бош-Ту I - Могильников В.А., Суразаков А.С., 1990), содержащих оружие гуннского типа (луки с семью костяными накладками, железные черешковые ярусные и с ромбическим пером наконечники стрел и т.д. Ю.Т.Мамадаков предположил особый характер оставившего их населения. В поздних же кула-жургинских памятниках с вытянутыми человеческими костями и антропоморфным оформлением конского захоронения, судя по публикации, мы имеем инвентарь скифо-сакокого облика. В будущем в процессе накопления материалов предстоит немалая работа по анализу специфики взаимоотношений горноалтайского и восточноказахстанского населения гунно-сарматского времени.

В целом же следует заключить, что в середине и второй половине I тыс. до н.э. бассейны Верхнего Иртыша и Бухтармы являлись контактной зоной двух крупных культурных массивов, с которыми был тесно связан с более южными сако-усуньскими племенами, другой - с населением саяно-алтайской культурной общности, в частности, с пазырыкской культурой Горного Алтая, представленной в этом регионе обоими своими вариантами.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ГРИГОРЬЕВ Ф.П.

ДРЕВНИЕ КАРАВАННЫЕ ТРОПЫ СЕВЕРНЫХ СКЛОНОВ КИРГИЗСКОГО ХРЕБТА

В.Н.Бартольд, А.Н.Бернштам, А.Х.Маргулан, Е.И.Агеев, Р.И. Пацевичем, К.М.Байпаковым, Л.Б.Ерзаковичем и др. выполнили определенную работу по изучению древних караванных троп на территории Казахстана. Анализ письменных и археологических источников позволил локализовать многие средневековые тропы, установить направление Великого шелкового пути, найти другие дороги. Однако в письменных источниках упоминаются, главным образом, главные караванные маршруты и редко - второстепенные, хотя дорог было множество и их сеть постоянно менялась и расширялась. Определить направление таких путей очень трудно, необходимо, так как сейчас внутренняя торговля между отдельными городами, городом и сельской округой, городом и степью остается слабоизученной.

Из малоисследованных является район Киргизского хребта, по которому известную дорогу от Тараза к городам в верховьях р. Иртыша. Киргизский хребет, несомненно, пересекался караванными тропами. Доказательством этого служит находка "маршрутного указателя" X-XI вв. - деревянной палочки с руническим текстом: "Иртыш Нельды I. Караван двигался из степных районов ст. Кара-тобе через перевал Макбал в Таласскую долину. Косвенно о тропе через горы сообщают и арабские источники X-XI вв.

Новые материалы от древних троп Киргизского хребта были получены Джамбулским археологическим отрядом Министерства культуры Казахстана (Ф.П.Григорьев, Б.А.Волчков) в 1979-80 гг. при исследовании долины реки Каракыстак (Луговской и Меркенской долины) и прилегающих к ней ущелий на высоте 1600-2000 м над уровнем моря.

В верховьях ручья Теректы (левый приток р.Каракыстак) в долине Екы-аша раскопан невысокий овальный бугор 14х24 м, высотой 0,5-1,2 м, оказавшихся остатками каменного строения с хорошей сохранностью конструкций. Постройка представляла собой компактное прямоугольное здание 10х20 м, с симметрично распо-

ломанными помещениями, вытянутое с СВ на ЮВ (рис.1). В северной стене находился входной портал шириной 3,5 м, сложенный из крупных каменных блоков. Вынос портала - 3 м. Сам вход (дверной проем) шириной 2 м. С юга к зданию примыкал прямоугольный двор 16х32 м, обнесенный каменной оградой шириной 0,6 м. Стены здания "трехслойные": по краям в один ряд уложены крупные неокатанные камни на глиняном растворе, а пространство между ними заполнено землей. Стены не имели фундамента, оконных проемов, обмазаны слоем глиняной штукатурки с добавлением растительности. Ширина стен 1,2-1,3 м. Помещения имели размеры: 3,8х3,6 (1), 4х8,2 (2), 3,5х5,5 (3), 2,75х2,75 (4), 2,5х2,6 (5), 3,3х5,5 (6) м и были сходны по интерьеру. В каждой комнате (за исключением прихожей 1) имелся подковообразный глинобитный очаг и очаговая дыма. В трех (1,2,6) были суфы высотой 0,5 м, обмазанные глиной. В их основание уложены камни, борты укреплены вертикально поставленными уплощенными камнями. Около суф в пол вмазаны камни - ступеньки с глиняной обмазкой. Некоторые комнаты разделены перегородками. В стене помещения 2 устроены круглая и прямоугольные ниши, в которых располагались тандир и глинобитная тумба для жаренов. Все комнаты дома были связаны между собой дверными проемами шириной 0,6-0,8 м.

При раскопках помещений обнаружена неполированная, изготовленная на круте керамика; лепной посуды всего 6%. Керамика представлена обломками котлов, кувшинов, кружек, горшков, хумчи, чирагов. Котлы имели две горизонтальные ручки - треугольные, петлеобразные и "глухие" дугообразные, по концам которых тлубовые пальцевые выточки. Несколько котлов украшены потеками черной и бурой красок. Кувшины с высокой широкой горловиной, одна ручная. Вертикальная ручка крепилась верхним краем к устью. Кувшины покрыты желтым, красным ангобом или потеками красно-коричневой краски. На одном орнамент - короткие и непрерывные волнистые линии. Горшки с двумя широкими вертикальными петлеобразными ручками. Хумча имела овальный с широкой площадкой наверху зачик, согнутый наружу перпендикулярно стояке. На площадке узор в виде широкой волнистой линии. Поливной посуды мало: кусочки боковин чаш с желтоватой глазурью и фрагменты чирагов, покрытых зеленой поливой по белому ангобу. Ручки чирагов с той листовидной формой и без нее.

Найдены также железные изделия - листовидный предмет и прямоугольная накладка со штырями на концах. Из числа находок - треугольная лазуритовая подвеска, часть каменного песчаного усеченно-конической формы, синяя стеклянная бусина и барабанчатая игла с отверстием, залитым свинцом.

Керамический материал характерен для памятников Таласской долины. Много общих черт с керамикой Чуйской долины. В целом, он может быть датирован XI - нач.XIII вв.

Постройка Еки-аши интересна как памятник жилой архитектуры XI - нач.XIII вв. Она наиболее близка отдельным стоянкам долины Чуйской долины, где исследовано несколько подобных строений, являющихся устойчивым типом жилого дома в этот период в X-XIII вв.² С жилой архитектурой других районов Казахстана и Средней Азии сходство наблюдается в материалах, приемах строительства, элементах интерьера, являющихся общими для всей этой территории - замкнутость жилища, толстые стены, засученная кладка, выносные порталы, суфы, ниши.

При определении назначения раскопанного здания, необходимо учитывать особенности его расположения на местности. Отсутствие следов сельскохозяйственной деятельности и земель, пригодных для посевов поблизости, отвергает мысль о сельском хозяйстве. Для зимовки кочевников сооружение является слишком большим и монументальным. Вероятнее определить строение как неотапливаемый двор. Памятник расположен на перекрестке горных троп, где сходятся тропы из нескольких ущелий. Двигаясь по ущельям вверх можно попасть в Каракольскую долину, Таласскую долину, на Сусамыр. Вьючная тропа до сих пор проходит по левому берегу реки Теректы. В ее сторону обращен входной караванщарай. От этой тропы через перевалы тянутся ответвления к подножью северных склонов Киргизского хребта, вдоль которого в середине века проходил Великий шелковый путь.

В районе работ отряда выявлены еще две древние тропы, которыми пользовались для выхода в Таласскую долину через горы от подножья Киргизского хребта (рис.2). Одна тропа начиналась в Луговом (древний Кулан), вела к ущелью Жангызтал; затем по тропе Акияк к перевалу Кызыл-кайнар и по тропе Кызыл-кайнар выходила в долину ручья Теректы. Другой путь вел от Мерке к ущелью Ойранды, далее по тропе Каламак-кия спускался в долину ре-

ки Каракистан. Затем тропа шла по долине к небольшому перевалу Кок-кия, с которого уже видна долина Таласа.

В конце XIX в. Н.Х.Петровский предположил, что торговый путь в районе Тараза разделялся на два: основной шел через Кулан, Мирки, Аспару к Суябу и дальше в Китай (Шелковый путь), другой уходил вверх по Таласу на юг в Восточный Туркестан. Мысль о караванном маршруте через верховья Таласа в Восточный Туркестан, параллельно Великому шелковому пути, была правдомерной. Дорога по южной стороне Киргизского хребта в сочинениях древних авторов не упоминается, но, как отмечал В.В.Вартольд, она вполне возможна. Ею пользовались караваны в летнее время, когда кочевники переходили на южную сторону хребта. Этот путь не был таким удобным и оживленным, как вдоль северных склонов, но он выходил к западной оконечности Иссык-Куля. Дорога от Тараза шла по долине Таласа к городам рудной области Вельджи, затем в долину Сусамыра (откуда есть прямой путь в Ферганскую долину), выходила в Прииссыккулье, где в районе Кочкорки соединялась с общеизвестным северным путем. Археологические обследования средневековых памятников в долинах Таласа и Сусамыра подтвердили существование таласоко-сусамырской дороги к Верхнему Бархану в IX-X вв. Ходили по ней и позднее.

По-видимому, вышние тропы долины р.Каракистан соединяли караванные дороги вдоль северных и южных склонов Киргизского хребта. По ним осуществлялась связь населения Кулана, Мерк и городами верховий Таласа — Такабкентом, Кулем, Сусом. Отсюда путь к указанным городам был намного короче, чем в окружающую черту Тараза или Суяб. Материалы раскопок подтверждают тесные связи между населением Таласской и Чуйской долин. В глиняной посуде заметны черты, характерные для изделий двух регионов с преобладанием таласских, в архитектуре памятника напоминает чуйский дом. Это могли быть и местные пути для торговли с кочевниками. Из всех горных дорог, ведущих с северных подножий Киргизского хребта в долину Сусамыра, самая легкая и удобная — через р.Каракистан. Наконец, тропы могли использоваться как обходные пути в неспокойные времена.

Отрядом обнаружены остатки средневековых селений в долине р.Каракистан (при слиянии с ручьем Теректы), в ущелье Ойранды.

В местности Ак-Сарай (ущелье Ойранды) обследована плохая сохранности каменная постройка (10х7 м) складского типа, без следов обогривательных устройств, с керамикой X-XII вв. Не известно, что это остатки постоянного двора на тропе Камак-кия, обслуживавшего караваны на данном участке гор (рис.2).

Строительство постоянных дворов в Средней Азии и Казахстана началось в IX-XII вв. в связи с подъемом торговли. Ряд караван-сараяв появился тогда вдоль северных склонов Киргизского хребта на трассе Шелкового пути, по побережью Иссык-Куля и других древних дорогах. Вероятно, в этот период был сооружен и караван-сарай в Екы-аша. Путешествие в горах было нелегким, что отмечалось средневековыми купцами, и требовало промежуточных остановок — отдыха в оборудованном пункте.

На территории Казахстана средневековые караван-сарайи зафиксированы, но почти не исследованы. Малочисленность накопленного материала оставляет открытыми вопросы локализации, планировки, интерьера, времени возникновения и функционирования.

Близок Екы-аша по описанию частично раскопанный Т.Н.Сенин-горой караван-сарай в западной части распада Тараза. Караван-сарай имел массивные стены. В каждой комнате был очаг и танур. К караван-сарая примыкал прямоугольный двор, над входом висел навес.

Лучше исследованы караван-сарайи Средней Азии. Но они отличаются от известных в Казахстане размерами и планировкой. Отметим лишь большое сходство помещений Екы-аша и некоторых караван-сараяв Центрального Устурта, заключающееся в элементах интерьера и его простоте³.

Археологические исследования в долине Каракистан позволили обнаружить несколько караванных троп, и прийти к заключению, что в караханидское время уделялось внимание обслуживанию торговли не только на крупных караванных путях, но и на дорогах местного значения, и пример тому — караван-сарай Екы-аша.

1. Малов С.Е. Таласские эпиграфические памятники // Материалы Уакомстариса. Вып. 6-7, М.-Л., 1936. С.28-38.

2. Кожемяко Н.Н. Раскопки жилищ горожан X-XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и ранняя средневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967. С.77-79, 85, 86.

З. Манылов Ю.П. Археологические исследования караван-сарая центрального Устьурта //Археология Приаралья. Вып. I. Ташкент, 1982. С.108.

ГУЦАЛОВ С.Ю.

К ПРОБЛЕМЕ СЛОЖЕНИЯ ГУННСКОГО СОЮЗА ПЛЕМЕН (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА)

Вопрос об определении этнического облика населения Южного Приаралья во II-IV вв. является одним из наиболее важных в проблеме позднесарматской культуры. Одной из причин, затрудняющих ее решение, является недостаточность источниковедческой базы. Однако появление новых материалов археологических раскопок интересующей нас территории с большей уверенностью позволяет говорить о содержании этно-политических процессов в Уральско-Казахстанских степях позднесарматского времени.

В середине 80-х годов раскопками экспедиции Актыбинского пединститута и Актыбинского областного музея открыто 29 погребений позднесарматской культуры в курганных могильниках бассейнов рек Илек и Иртыш. Погребения совершены по стандартному обряду под земляными уплоченными насыпями, в узких прямоугольных могилах, иногда имеющих подбой в западной стенке (единичный случай - в восточной). Скелеты погребенных лежали, как правило, в вытянутом положении на спине, головой на север или северо-запад. Черепя имеют искусственную деформацию. Заупокойный инвентарь беден и типичен для позднесарматской культуры. Обычно в могилу укладывалось 2-3 предмета - железные мечи без навершия и перекрестья, трехлопастные черешковые наконечники стрел, бронзовые зеркала и фибулы, стеклянные бусы, лепные игрушки, реже - гончарные сосуды среднеазиатского производства, предметы конской сбруи, железные и костяные пряжки.

Находки бронзовых фибул, в том числе с завитком на конце пластинчатого приемника и коленчато-изогнутой спинкой, некоторых типов пряжек, позволяет отнести данные погребения ко 2-й пол. III-IV вв. На сегодняшний день на территории Южного Приаралья известно более 120 погребений позднесарматской культуры. Их картографирование позволяет выявить в степях Северного При-

аралья следующую картину: во II - нач. III вв. погребения поздней культуры разбросаны по всему региону, причем наблюдается тенденция к их концентрации к западу от р. Урты - южного притока Иртыша, в то время, как во 2-й пол. III-IV вв. позднесарматские погребения локализовались в восточной половине Южного Приаралья.

Предварительная обработка погребального обряда и инвентаря погребенных из восточных районов Южного Приаралья позволяет говорить об очень сильной этно-культурной близости населения этого региона и его относительной бедности. Объяснение этого необходимо искать в этнополитической ситуации, сложившейся в Казахстане в I-й пол. I тыс. н.э. По сообщениям писем источников, на большей части территории Казахстана сложился хуннский этнополитический союз. В состав союза, вероятно, под названием "Кандзый" (кангюй) входили и обитатели Южного Казахстана. Китайские хроники указывают, что позднесарматские племена ("Аланы") находились в зависимости от "Кандзый". Эта зависимость не в последнюю очередь обусловлена специфическими условиями ведения хозяйства кочевыми племенами Северного Приаралья.

По этнографическим данным кочевники Нового времени - казахи Среднего и Младшего жузов, кочуя по меридиональным маршрутам, лютуют у подножья Уральских гор, останавливаясь на зимовки в песках к северу и востоку от Аральского моря. Некоторые исследователи предполагают такую закономерность и для населения савромато-сарматской культуры Западного Казахстана. Бедные сарматы, испытывая острую нужду в продуктах земледелия и ремесла, находились в экономической зависимости от оседло-земледельческих центров Южного Казахстана. Возрастание военной угрозы юго-восточных соседей сарматов привело к тому, что где-то в середине III в. н.э. кочевники восточных районов Южного Приаралья оказались в политической зависимости от племен хуннского союза, и, вероятно, даже вошли в его состав.

Здесь, правда, нельзя упускать из виду и политический аспект данной проблемы. Именно в середине III в. н.э., племена готского союза получают тяжелое поражение племенами аланской конфедерации Северного Причерноморья. Вероятность участия в этих событиях приаральских сарматов значительна. Надо полагать, что поражение в Приазовье подорвало военную мощь последних, а это, в

свою очередь, повлияло на развитие событий на востоке сарматской ойкумены.

Картографирование позднесарматских памятников Южного Приуралья наводит на мысль об относительной безжизненности территории этого региона между реками Урал и Уил. Вероятно, она стала пограничной (буферной) зоной между двумя кочевыми объединениями. Аналогии данному явлению мы находим в истории взаимоотношения Руси с половцами и монголами.

ЕЛИН В.Н.

БЕРЕЛЬЦЫ И ИХ ВОСТОЧНЫЕ СОСЕДИ

Публикацией А.А.Гавриловой 1965 года была сделана по существу первая и безуспешная попытка систематизации памятников Горного Алтая I-II пол. I тыс. н.э. По известному в Восточном Казахстане Берельскому могильнику, с учетом близости обряда погребения и вещевых комплексов, он был выделен берельский тип памятников¹. Затем последовали раскопки С.С.Сорокиным в Восточном Алтае курганов, датированных им также I-II половиной I тыс. н.э.², но все же не отнесенных к берельскому типу. Однако отсутствие массовых материалов гунно-сарматского времени давало основание все немногочисленные памятники в большей степени по хронологическому принципу рассматривать именно как берельские³. С начала 1980-х годов в Горном Алтае начинается изучение ярных памятников рассматриваемого времени Белый Бом II⁴, Айрыдаш I⁵, Кок-Паш⁶, Булан Кобы IV⁷. Материалы этих памятников опубликованы лишь частично, но позволяют говорить о сложной этнокультурной ситуации в Горном Алтае конца I тыс. до н.э. — первых веков н.э. Кроме того, становится очевидной несостоятельность включения всех материалов в берельский тип. Для того, чтобы этот тезис был более убедительным, определим наиболее важные черты всех вышеуказанных памятников.

Берель. Достаточно полная характеристика берельского типа памятников была сделана А.А.Гавриловой. Наиболее характерными признаками его являются широкое расположение могил с ориентировкой на В (Берель, Кокса) или на З (Катанда I), сопроводи-

телей для самострела, копья, сложного лука с костяными накладками, подпружных роговых пряжек с округлой или заостренной головкой. Датировка могил берельского типа — IV-V вв. н.э. Говоря об ориентировке могил и погребенных, следует заметить, что судя по всему, ориентировка могил определялась конкретной природной ситуацией то есть определенной ориентировочной привязкой могли быть направление долины, течение реки, священная гора и пр. Это наблюдение подтверждается исследованиями в Восточном Алтае.

Кок-Паш. Основные признаки памятника: наземные погребальные сооружения в виде прямоугольных или овальных камельных оград или оград-крепид, типологически разнообразные внутримогильные конструкции с преобладанием каменных выкладок по периметру дна могил (фиксируются также каменные ящики, деревянные рамы, колоды, "облицовка" стен могил плитами), вытянутое положение погребенных на спине с преимущественно южной ориентировкой, отсутствие сопроводительного захоронения коня, трехлопастные наконечники стрел различных типов (в том числе ярусные), костяные накладки на лук хуннского типа, палаши с кольцевидным и петлевыми навершиями, панцирные пластины, колчаные крышки с почерочной планкой. Датировка — III-V вв. н.э.

Белый Бом II, Булан Кобы IV. Эти памятники во многом сходны. Их отличают кольцевые ограды, погребения людей в каменных ящиках, вещевые комплексы, вписывавшиеся в рамки гунно-сарматского времени, сопроводительное захоронение коня; датировка — конец I тыс. до н.э. — начало I тыс. н.э.

Айрыдаш I. Небольшие наземные сооружения в виде кольца, неглубокие (до 60 см) могилы, трупоположение на спине, отсутствие ящиков-либо конструкций внутри могилы, устройство части погребений под одной насыпью, диаметрально-противоположная ориентировка погребенных в одной могильной яме, различные типы луков, трехлопастные и плоские наконечники стрел из железа, прекрасные серии типологически разнообразных костяных наконечников (с раздвоенным насадом, втульчатые в виде свистящих шариков).

Мы не считаем, что предложенные характеристики того или иного типа являются достаточно полными. Не исключается возможность уже в ближайшее время поставить вопрос о выделении археологической культуры или даже нескольких культур гунно-сарма-

тского времени Горного Алтая.

Сейчас же одной из важнейших необходимо признать проблему хронологического соотношения всех указанных типов и выяснения какие из них хронологически соотносимы с берельским типом. В настоящее время идет довольно активная разработка датировок погребальных комплексов гунно-сарматского времени в Южной Сибири. В ходе этой работы становятся очевидными сложности в определении хронологических рамок тех или иных комплексов. Не вызывает особых затруднений только отнесение имеющихся материалов к гунно-сарматскому времени.

Тем не менее, проведенная работа дает возможность на предварительном уровне выстроить следующую хронологическую цепочку памятников Горного Алтая, включая восточноказахстанских и горноалтайских берельцев: булан-кобинский тип — айрыдашский тип — кок-пашский тип — берельский тип, наиболее поздние из которых два последних. Как отмечалось, как —пашский тип датируется в пределах III—V вв. н.э., берельский — IV—V вв. н.э. Что касается булан-кобинского и айрыдашского типов, то они несут в себе больше архаики и не датируются, очевидно, позднее II в. н.э.

Таким образом, берельский тип памятников до последнего времени характеризовал предтюркскую эпоху и распространялся в южной и западной частях Горного Алтая, которые соседствуют с территорией Восточного Казахстана. Как выясняется, наряду с берельскими синхронно существовал и кок-пашский тип, отличающийся от первого. Вопрос не только в более архаичном облике кок-пашского комплекса, но и в локализации его в пределах Восточного Алтая (рис. I).

С учетом этого обстоятельства решающее значение для определения верхней даты кок-пашского типа имеют раннекудыргинские материалы из Восточного Алтая. Нижнюю границу ранних комплексов Кудырга в связи с новыми находками из древнетюркских оградок этого памятника и могильника Кок-Паш в настоящее время можно пересмотреть в сторону омоложения — до рубежа VI—VII вв. Новые находки из древнетюркских оградок могильника Кок-Паш синхронизируются с раннетюркскими погребениями, с которыми они составляют единый археологический комплекс. В хронологическом отношении к нему примыкают погребения берельского типа, которые рассматриваются в рамках одного временного этапа без видимого

разрыва с последующими кудыргинскими материалами⁹. Поэтому можно не обратить внимание на более архаичный кок-пашский предметный комплекс (рис. I). Достаточно указать, что в берельских комплексах при отсутствии ярусных наконечников стрел имеются более поздние категории находок: подтреугольные наконечники из кости с округлой головкой в сочетании с наиболее характерными для первой половины I тыс. н.э. типами луков с одной или двумя концевыми накладками и центральной фронтальной накладкой на расширяющихся концах, как у луков тюркского времени, удила с кольчатыми псалиями, наряду с отверстиями в тех и других комплексах стремей. В свою очередь, появление ряда новых типов и материалов инвентаря, как, например, однокольчатых удил с железными и костяными стержневыми псалиями, ранних типов стремей (наиболее показательно пластинчатое стремя), небольшого набора костяных накладок на лук из древнетюркских оградок Кудырга и Кок-Паша не ранее середины VI века не вызывает сомнений. Поэтому вполне возможно, что берельский тип какое-то время мог сосуществовать с раннекудыргинским, заходя в VI век, чего нельзя сказать о кок-пашском типе. Наличие берельского комплекса подчеркивает своеобразие кок-пашского предметного комплекса, в большей степени вписывающегося в прототюркский предметный комплекс и не выходящий за пределы V в.

По мнению А.А. Гавриловой, берельцы явились преемниками кунских традиций¹⁰. Начиная с V в. в местную этническую среду вторгаются тюрки-туго, а затем собственно кудыргинцы, принося с собой отличную от хуннской культурную традицию. Было также высказано предположение о непрерывности обряда погребения с конем, начиная с пазырыкского времени¹¹. Следуя этому принципу, можно подчеркнуть появление в курганах скифского времени ряда элементов древнетюркского культурного комплекса: захоронение коней на материковой приступке, наличие балбалов в курганах и некоторые другие. Этим самым был поставлен вопрос о генетической связи ранних и средневековых кочевников.

В связи с этим особое значение начали приобретать памятники гунно-сарматского времени, являющиеся своего рода связующим звеном в наследовании культурных традиций. В эту эпоху происходит не только формирование культурных ареалов, обусловленных местными традициями, но и распространяется хуннское

культурное влияние, сыгравшее в этом процессе роль консолидирующего фактора. Но схема этнокультурного развития населения Горного Алтая, предложенная А.А.Гавриловой, требует некоторых уточнений.

Прежде всего, берельцы в Восточном Алтае не зафиксированы. Их отделяли от кок-пашцев сотни километров. В силу этого, о каких-либо контактах между берельской и кок-пашской этническими группами, хотя они синхронны; правда, берельцы, как было выяснено, существовали и позднее У в. Восточноалтайские памятники, объединенные нами в кок-пашский тип¹² — это памятники иного культурного круга. Их отличает устойчивый обряд погребения без кона с каменными и деревянными внутриогильными конструкциями и специфический вещевой комплекс, близкий к прототюркскому предметному комплексу с более отчетливыми признаками влияния хуннской культурной традиции, наряду с некоторыми сохранившимися чертами культуры раннего железного века.

1. Гаврилова А.А. Могильник Кудыртэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л., 1965. С.54-57.
2. Сорокин С.С. ...огребения эпохи Великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. Вып.18. Л., 1977. С.57.
3. Худяков Ю.С. Восток средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С.125-185.
4. Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С.116-126.
5. Суразяков С.С. Отчет археологической экспедиции Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы за полевой сезон 1982 года // Архив ГАНИИИЛ.АМ, № 279.
6. Елин В.Н., Васютин А.С. Новые материалы предтюркского времени из Восточного Алтая // Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник. Кемерово, 1984. С.35-39.
7. Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С.173-191.

8. Васютин А.С. Культурные памятники древних тюрков Горного Алтая (УП-Х вв.н.э.). Кемерово, 1983. С.8,9.
9. Савинов Г.Д. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. С.29.
10. Гаврилова А.А. Могильник Кудыртэ..., с.57.
11. Там же.
12. Елин В.Н. Восточный Алтай в предтюркское время (хронология и культурная принадлежность памятников). Автореф.дисс... канд.ист.наук. Кемерово, 1987. С.15-18.

ЕРЗАКОВИЧ Л.Б.

О ПЕРИОДИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОТРАРА

Проблема периодизации истории Отрара и в целом городской цивилизации юга Казахстана не потеряла актуальности прежде всего благодаря все возрастающему числу вводимых в науку памятников. В последние годы благодаря работам Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции (начальник К.А. Акичев) значительно пополнились сведения об общегородской застройке XI-XIV вв., получены новые данные об истории сложения оборонительных сооружений. Опираясь на эти данные можно выделить несколько этапов развития средневекового Отрара.

1. XI-XII вв. К началу XIII века Отрар сложился как крупный городской центр с развитой структурой, включающей шахристан с цитаделью общей площадью 16 га и рабад площадью около 200 га. Плотная застройка шахристана, окруженного мощной крепостной стеной, разряжалась магистралью, соединявшей южные и северные ворота с ответвлением к западным воротам. Ритмическая характеристика внутригородской застройки с улицами второго порядка и более мелкими подразделениями подчинялись основной схеме, отмеченной выше и обусловленной рядом факторов (господствующими ветрами меридиальной направленности, расположением городских ворот). Через южные ворота дорога уходила на переправу через Сырдарью и далее на Бухару, через северные — на Чимкент и древнюю трассу "Великого Шелкового пути", через западные — на Исы-Туркестан и далее в низовья Сырдарьи.

Сведения о застройке цитадели предмонгольского времени

отсутствуют: ее территория погребена под многометровой толщей наслоений поры позднего средневековья. Больше того, проблематично само местонахождение цитадели.

Рабат был защищен крепостной стеной, для него характерна сильно разреженная застройка. Здесь находилось водохранилище, подпитываемое водами Арыси, баня. Функционировали подземные водопроводные коммуникации между водохранилищем, городом и баней (В.А.Грошев).

На южном участке шахристана прекрасно сохранилась крепостная стена, сложенная из плотного кирпича — сырца размером 40х20х10 см. Сохранившаяся высота более 6 м, толщина до 4 м в основании и около 1 м — по гребню. Поперечный разрез зафиксировал не первоначальную толщину стены; при поздних реконструкциях внешний фас был подрубен. Остается неясной и первоначальная высота, так как разрез пока не доведен до основания крепостной стены. На восточном участке стена караханидского периода сильно пострадала при поздних реконструкциях. Отметим еще одну немаловажную деталь: отсутствие каких-либо построек, вплотную примыкающих к крепостной стене, что указывает на возможность существования бойниц.

Для массовой жилой застройки караханидского времени характерны многокомнатные постройки, объединяющие большие коллективы, где родственные семьи проживали в изолированных жилых помещениях, которым обычно сопутствовали хозяйственные строения. Многосекционные постройки подпрямоугольного плана с плоскими перекрытиями объединялись в единый комплекс коридором, идущим по центральной оси домостроения или сдвинутым к его боковой стене. В жилом помещении обязательно присутствие тандыра и алтаря огня.

На фоне тесных торговых и культурных взаимоотношений с соседними областями, особенно Чачем и Ферганой, заметны специфические черты культуры региона. Массовое городское строительство не знает сводчатых конструкций как в эпоху раннего, так и развитого средневековья. Своды остаются уделом замковой или дворцово-цитадельной архитектуры. Несобычайно долго переживают традиции домусульманской духовной культуры, особенно культ огня.

П. XIII — I-я половина XIV в. Монгольское нашествие 1219–1220 гг., описания шестимесячной осады Отрара оставили немало ярких страниц в сочинениях современников. Подобный рассказ Джувейни об обороне города заканчивается повествованием о критической участи его жителей, разрушением укреплений. Однако археологические данные корректируют сведения письменных источников. Шахристан уцелел в ходе бурных событий и после короткого периода запустения жители вернулись в дома. По-видимому, монголы разрушили цитадель, где скрывался наместник и последние защитники города. Однако обживание территории шахристана было недолгим и не позднее середины XIII в. центральная часть Отрара забрасывается.

Когда начинается Возрождение Отрара? Е.А.Давидович установила, что Отрар интенсивно чеканил золотые, медные, посеребренные дирхемы в 50–60-х гг. XIII в. Чеканились в это же время и медные фельсы, которые выполняли функцию мелкой разменной монеты. Эти факты свидетельствуют не только о возрождении города в середине XIII в., но и хорошо налаженном денежном хозяйстве Джагатаидов, расширении торгово-денежных отношений во 2-й половине XIII в. Археологические данные конкретизируют картину.

Возрождение города в середине XIII в. началось с освоения незастроенных участков на территории рабата и ближайшей округи. Именно отсюда происходит многочисленные клады с монетами раннемонгольского чекана Отрара. Периферия застраивается усадьбами, жилыми массивами, мастерскими различного профиля, банями. Предположение о том, что караханидская стена была срублена при монголах, не подтверждается. Судя по особенностям жилой застройки, в возрождении Отрара участвовало не только местное население, но и пришлое, появление которого фиксируется благодаря деталям интерьера жилых построек, неизвестным ранее, в частности, тандирам с дымоходом.

В конце XIII или в начале XIV в. важные изменения коснулись территории бывшего шахристана. Восстанавливается крепостная стена, бани. На южном участке внешний фас караханидской стены, после того, как он был подрубен, облетает ремонтная стена толщиной около 1 м, которая захлестывает ее сверху. На

восточном участке стена возводится заново, на развалах ранней стены. Гребень новой стены сохранился на ширину до 1 м, характерна система кладки из рыхлых кирпичей серого цвета: чередование горизонтальных рядов с уложенными на ребро с наклоном.

Вплотную к стене пристраивается узкой полосой массив жилых построек. Они тянутся вдоль крепостной стены на ширину двух небольших помещений, используемых как жилое и хозяйственное. Все помещения стандартны, в жилой части обязательно присутствуют тандеры с прямым дымоходом, направленных к ближней стене, есть стениные ниши, одна из которых используется для устройства камина. Постройки вдоль крепостной стены бедны находками, хотя все содержимое помещений сохранилось *in situ* "укрытое" рухнувшими перекрытиями в результате мощного пожара. Однако в единообразную рядовую застройку были вкраплены отдельные богатые домовладения. Один из таких домов обнаружен неподалеку от крепостной стены с восточной стороны городища. Здесь найдены импортные вещи китайского и ближневосточного происхождения. Характерен интерьер крупного жилого помещения, он включает суфу по всем стенам с П-образным каном (Б.А. Смагулов). Постройка уникальна для Отрара послемонгольского времени именно присутствием канов классического восточного типа. Складывается впечатление, что на старом шахристане Отрара вдоль крепостной стены был размещен гарнизон и военачальники, возможно, монгольского происхождения. Гарнизон контролировал ситуацию на территории рабада и округа Отрара. Регулярная застройка в центральной части города по-прежнему отсутствует, хотя есть данные, что какое-то население ютилось в развалинах старого шахристана. Период завершается грандиозным пожаром, захватившим постройки на рабаде и у крепостной стены.

III. Конец XIV—XV вв. Период правления Тимура характеризуется мощным взлетом жизнедеятельности Отрара. Вновь застраивается территория центральной части города. По срубленным стенам развалин прокладываются улицы, обе стороны которых застраиваются домами с выходами, обращенными на улицу. Складывается типичная система квартальной застройки конца XIV в., которая просуществовала вплоть до XVIII в. Впрочем, авторы регулярной застройки

конца XIV в. несомненно учитывали традиции планировки домовладения города, поскольку сохранилось генеральное направление основных магистралей и расположение городских ворот.

Заново восстанавливается крепостная стена с башнями. Новая стена толщиной около метра футляром облегает массив ранних стен и также захлестывает его поверхность. Сохранившаяся высота со стороны внешнего фаса около 1,5 м. Кладка из кирпича-сырца серого цвета, уложенного на ребро с наклоном в два ряда, чередуется с горизонтальной кладкой в один ряд. Сохранилась штукатурка на поверхности внешнего фаса. На южном участке к стене вплотную пристраиваются жилые помещения с выходом на улицу, параллельную стене, на восточном — функции крепостной стены выполнял боковой фасад и стена двора соборной мечети Отрара, фундаментальной постройки из жженого кирпича (основное здание мечети размером 62х25 м).

На территории рабада возобновляется деятельность мастерских, общественных сооружений, жилых массивов. Возвращаются усадьбы и ирригационная сеть в окрестности Отрара. Обживается территория рабада соседнего с Отраром городища Куруктобе, заброшенного, видимо, сразу же после монгольского нашествия. В слое этого времени нередки находки вещей импортного происхождения.

Приведенные факты свидетельствуют о значительных масштабах возобновившейся жизнедеятельности оттарского оазиса. Строительную деятельность в эпоху Тимура, обычно проецируемую на гигантскую постройку в Туркестане — мавзолей хаджи Ахмеда Ясави, следует рассматривать более широко. По-видимому, была сделана попытка реконструировать всю зону урбанизации по Сырдарье, вплоть до называемой оседлой зоны и в Чуйской долине. Сведения письменных источников о восстановлении крепости Аспара по приказу Тимура не только подтверждаются археологией, но и существенно дополняются. Судя по находкам орудия труда, наличие зернохранилищ крепость аккумулировала и земледельческое население.

Однако уже при ближайших предельных Тимура происходит событие, которое повлекло первый пожар Отрара общегородского масштаба, а затем и второй, в пределах второй половины XV в. Город заметно пустеет, забрасывается мечеть; прилегающие участки некогда жилой застройки используются под кладбище.

IV. XVI в. Происходит некоторое оживление в жизни города. Заново застраиваются заброшенные участки; там, где жизнь продолжалась без перерывов, сохранились традиционные границы домовладений и целых кварталов. Участок с соборной мечетью перестраивается в жилой квартал. Однако XVI в. также завершается периодом частичного запустения. Город переживает кризис, на восточном и юго-западном участках центральной части города бо́льшая часть домов заброшена. Опустевшие участки используются под свалку, кое-где появляются кладбища. Заметно пустеет территория старого рынка. Крепостную стену перекрывает культурный слой. Функции крепостной стены выполняли задние стены жилых домов, выходящих на край бугра высотой до 15 м, образовавшегося на месте построек древнего шахрстана. По-видимому, периодически подрубался склон бугра для придания естественной "крепостной стене" необходимой крутизны.

V. В начале и вплоть до 60-х гг. XVII в. отмечается новый валет строительной деятельности, охватившей территорию центральной части города. Город отстраивается заново, на многих участках жилые кварталы возводятся одновременно, по единому плану. Характерна сплошная застройка жилищами со слабо выраженными социальными различиями, отсутствие крупных административных, идеологических центров. Происходит деурбанизация города при одностороннем развитии экономики, направленном, главным образом, в сферу сельского хозяйства. Вместе с тем отмечается значительное оживление торговой деятельности, внутри областной торговли, которую обслуживали медные монеты казахского чекана и русские медные копейки Алексея Михайловича. Каких-либо специальных крепостных сооружений не возводится. Факты свидетельствуют о массовой инфильтрации в среду городского населения кочевников.

Этот период завершается пожаром и постепенным запустением Отрара около середины XVIII в. Есть сведения о переселении последних жителей в близлежащие Туркестан и Чимкент.

О РОЛИ ОБРАЗА ВОЛКА У ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

Генеалогические легенды древних тюрков, дошедшие до нас в китайских источниках, во многом определили представление о волке как тотеме тюрко-тугов. Общепринятую тотемическую трактовку образа волка у древних тюрков подверг сомнению Д.Клосон¹. Статьи Д.Клосона, основанная на анализе письменных источников, однако не содержит многих известных данных этнографии и фольклора, которые, с одной стороны, подтверждают достоверность сообщений китайских летописей о волчьей символике в древнетюркской среде, а с другой, не могут быть объяснены лишь с точки зрения тотемизма.

Так, у тюркоязычных народов Средней Азии — казахов, киргизов, каракалпаков, узбеков, туркмен, а также у южных башкир во время тоев — пиршеств, приуроченных к значительным событиям — проводилось конное состязание козлодрание (ку'бури, кукнари, кокпар). Тушку козла (барана) — по некоторым сведениям живое животное — бросали в толпу всадников. В состязании побеждал тот, кто завладевал животным и отрывался от преследовавших его игроков или довозил тушу до назначенного места. Борьба между состязующимися велась всерьез. К.Шаниязов указывает: "чрезмерный азарт (участников кокпара — Л.Е.) приводил к убийству и увечьям"².

Любопытная параллель кокпару имеется в детских играх среднеазиатских народов. У узбеков, туркмен игра называется "оқ сўнак" (белая кость) или "сўнак отди" (бросание кости). Играл в лунную ночь мальчики и юноши (у некоторых народов игроки при этом делятся на две партии). Бросают кость. Нашедший оповещает криком о находке. Другие участники набрасываются на него, пытаясь отнять кость. Победителем считается тот, кто донесет ее "старшему", стоящему в условленном месте. Аналогичная игра известна у центральноазиатских кочевых народов — монголов, калмыков.

Традиционно в детской среде сохранялись некоторые обряды, утрачивавшие общественную значимость. В игре "бросание кости" прослеживаются ритуальные моменты: в нее играли лунной ночью, а в ряде случаев только в весенне-летнее время. Вполне воз-

можно также, что в детском варианте отражены более древние поверья.

Описанные состязания представляют собой невооруженную борьбу за животное (козла- в детской игре) и являются привилегией мужского пола, сообразно возрастным категориям. Более того, А. Диваев в отношении казахского свадебного кокпара подчеркивал, что женщины при этом соблюдали определенные правила поведения: "Девушки и женщины в кок-бури никакого участия не принимают". Они собираются в юрте, где идет тои, рассаживаясь по особенному. "попарно одна против другой"³. Значительный интерес представляет собой сохранившееся древнетюркскую форму названия взрослой игры. Исследователи кокпара указывали на несоответствие объекта игры и ее названия и по разному истолковывали это противоречие. С. П. Толстов видел в кокпаре следы ритуальной борьбы (брачных) фратрий "голубого волка" и козла⁴. Б. Х. Кармышева предположила, что "когда-то не козел, а волк был объектом состязания"⁵.

На наш взгляд, волков, рвущих друг у друга добычу, могли олицетворять собой в кокпаре состязующиеся. Не случаен и предмет борьбы. Баран (козел) считался у кочевников главной, беззащитной добычей волка. Это представление образно записано в "Китаби Коркуд". Салор-каган, обращаясь к волку говорит, что на коней, верблюдов и на пастухов тот наводит страх, баранов же убивает: "...увидя белых баранов, ты бьешь их, ударяя хвостом, ударив их по спине... вытаскив жирных баранов, ты, ударяя окровавленным хвостом, пожираешь их с громким чавканьем"⁶. В детском состязании, как и во взрослом, реализовывалось поведение волка - свирепого охотника-бойца. Кстати, подобная "волчья" игра запечатлена в хакаском героическом эпосе "Алтын-Арыг": "Дети играют, бегают. Одни дети Косуль изображают. Другие дети Волков изображают и за теми гоняются"⁷.

"Перевоплощение" в волков (= псов) было присуще членам мужских союзов, представлявших собой "своеобразную социальную организацию волков"⁸. Такие союзы изучены во многих индоевропейских и кавказских традициях⁹.

Следы волчьей символики, свойственной этим союзам, сохранились в героическом эпосе средне- и центральноазиатских народов. Постоянный эпитет Манаса - "сивогривый", Кобланды - "волк";

богатыри Кара-Кула "как волки", спутники Манаса - "сизые волки с хвостами без шерсти". Сражение с врагом уподобляется охвате волков - "как голодные волки друг друга рвут", волчьей охоте на баранов - "как волки, нагнавшие на овец", кокпару - "недруга как на кокпаре разодрал"¹⁰. В казахской легенде о Канибек-батыре его знамя во время войны сопровождают два волка-близнеца. З. Самашев усматривает в этом сюжете ассоциацию с волками Одина¹¹.

Завершая рассмотрение вопроса о кокпаре, коснемся туркменского свадебного варианта обычая, исследованного С. П. Толстовым. Особенность его в том, что козления (ягнения) держит охотушка на коне невеста, а преследующий ее жених с товарищами пытаются отнять животное. В объяснении этого факта мы придерживаемся точки зрения Ю. Ю. Карпова о том, что "... вряд ли правильно говорить об исключительно "военных" целях мужских союзов¹². Для них было характерно "активное участие в отправлении наиболее общественно значимых обрядов" и "групповая принадлежность к архайческим культурам"¹³. Между тем С. П. Толстов отмечал, что "у казахов игра носит название *qyz-börü* - "девушка-волк"¹⁴. Не исключено, что отождествление девушки с волком, наряду с эпическими образами джы-богатыри и объединенный девушка-воительница (Кирк-кыз), являлись отголосками древних женских союзов. Амазонские мотивы среднеазиатского фольклора, по мнению Л. С. Толстовой, восходят к скифскому времени¹⁵.

В связи с анализируемой проблемой необходимо обратиться к еще одному явлению из жизни среднеазиатских кочевников - барымте (баранте), то есть нападению с целью угона скота. Традиция барымты, по всей видимости, уходит в древность, но со временем претерпела изменения. Сведения дореволюционных авторов о барымте отрывочны и иногда противоречивы. В литературе второй половины XIX века исчезавшая барымта характеризовалась как институт, санкционированный обычным правом, служащий "отысканию удовлетворения силой"¹⁶. Ч. Ч. Валиханов констатировал: "Барымта производилась явно, то есть днем и с шумом, в случае нужды, или же тайно, воровски", но с предупреждением за три дня в последнем случае¹⁷.

Барымта была занятием удильцов. Исследователи XIX века отмечали связь барымты с батырством: "Первые барантчи, наибо-

лее искусные и смелые — это киргизские (казахские — Л.Б.) ба-
тыры, т.е. богатыри¹⁷; "наездники, отличавшиеся на баранте
удальством и храбростью, приобретали название Батырей"¹⁸. Об-
ращает на себя внимание, что барымтачи были слабо вооружены —
нередко их вооружение ограничивалось сойлами — утолщенными на
конце палками, которые всадники держали под мышкой правой ру-
ки; при набеге они одевались в лохмотья и производили устра-
шающее впечатление: "иступленные, полунагие, с дикими вопля-
ми" (о явной барымте)¹⁹.

Судя по некоторым описаниям, организация ночной (тайной)
барымты напоминала охоту волчьей стаи с делением на загонщи-
ков и засаду. Ю.Шмидт писал, что барымтачи "подъезжают неми-
нученно к намеченному для угона табуну, несколько всадников
спешиваются и ползком, крадучись, обходят табун сзади, пугли-
вые животные становятся ночью впечатлительными к малейшему по-
роху, табун устремляется в сторону конных барымтачей, послед-
ние тычат коней батыками и сойлами, производят еще больший по-
реполох и кони со всех ног бросаются вперед, а конные барым-
тачи направляют их к намеченному заранее месту"²⁰. Барымта
совершалась и лунными ночами. Угонщики тогда использовали эф-
фект лунного столба. Возможно, вооружение барымтачей сойлами
связано с древним поверьем, что оружием волка является хвост
(см. выше цитату из "Китаби-Коркуд"). Подобное представление,
на наш взгляд, отражено также в особом виде охоты на волков
с плетью у казахов.

Исходя из сказанного представляется, что происхождение
обычая барымты связано с деятельностью мужских "волчьих" сою-
зов. Одной из функций барымты в таком случае было обеспечение
продовольствием членов союза. Способ хищения, грабежа при до-
бывании пищи известен в отношении мужских союзов в традициях
других народов²¹. С.П.Толстов, предположив в поверьях о соро-
ка чилътанах следы древних тайных мужских союзов в Средней
Азии, отмечал, что почитание чилътанов как святых уживалось
с понятием о них как о ворах — "каракичи". Считалось, что чилъ-
таны похищают овец и питаются им в своих пещерах²².
Другая древняя функция барымты — регулирующая, с которой свя-
зана право-регулирующая роль позднейшей барымты. С.П.Толстов
закончил, что данная функция возникла в мужских союзах в эпоху

разложения первобытно-общинного строя: "... крушение перво-
бытно-общинного строя возлагает на мужские союзы новые функ-
ции, содействующие их трансформации в "тайные общества", терро-
ристические организации, осуществляющие примитивные функции
государственной власти, охраняющие зарождающуюся собственность, обуз-
дающие межплеменные распри мерами религиозного, а иногда и
физического террора, обеспечивающие подчинение непослушных,
рабов и женщин"²³.

Обычай, сходный с барымтой, зафиксирован у центральноази-
атских кочевников — монголов, калмыков, тувинов, а также якутов.

Таким образом, в традициях тюрко-монгольских народов обна-
руживаются поверья и обычаи, восходящие к кругу мифологичес-
ких представлений о "волчьем волненье" и связанному с ним древ-
нему институту мужских "волчьих" союзов, ранее исследованных
у индоевропейских и кавказских народов. Ввиду этого сведения
китайских источников об офицерах тюркской кавальерии фули (др.-
тюрк. *bulu* — волк), бытовании у тюрков должности фули-кагана-
титла, "который должен был улаживать на манию убийства"²⁴,
принятия их знамен золотой волчьей головой могут рассматрива-
ться как свидетельства существования у древних тюрков "волчь-
их" мужских союзов. Возможно, с их деятельностью связано то
обстоятельство, что тюрки приурочивали свои "разбойничьи на-
беги" к полнолунию.

Традиция мужских союзов с волчьей символикой у кочевников
евразийских степей восходит к скифам. По-видимому, не чужды
им были и хунны, которых китайцы именovali "собачьими варва-
рами".

1. Clauson G. *Turks and Wolves* // *Studia Orientalia*. Helsinki, 1964. Vol. XXVIII, 2.
2. Маниязов К. Укебеки-карлуки (историко-этнографический очерк). Ташкент, 1964. С.177.
3. Диваев А. Древние игры киргизской молодежи // *Туркестанские ведомости*. 1907. № 54.
4. Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологическо-го исследования. М., 1948. С.284.
5. Кармашева Б.Х. К вопросу о культовом значении конных игр в Средней Азии // *Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке*. М., 1985. С.46.

6. Бартольд В. Китаби-Коркул // ЗВОИРАО. Т.12. СПб., 1900. С.91.
7. Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. М., 1988. С.256.
8. Карпов Ю.Ю. Персонажи шайтлинского праздника игби: атрибуты костюмов и общественные функции // Сб.МАЗ. Т.ХЛШ. Л., 1989. С.141.
9. Иванов Вяч.Во. Сходные черты в культе волка на Кавказе, в древней Малой Азии и на Балканах // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980; Иванчик А.И. Воины-псы. Мужские оковы и скифские вторжения в Переднюю Азию // СЭ. 1988. № 5; Карпов Ю.Ю. Персонажи шайтлинского праздника...
10. Манас. Киргизский героический эпос. М., 1988. Кн.2. С.480, 475; Маадай-Кара. Алтаецкий героический эпос! М., 1978. С.234; Кобланды-батыр. Казахский героический эпос. М., 1975. С.235, 246, 875.
11. Самашев З. Наскальные изображения Восточного Казахстана. Автореф. дис.... канд.ист.наук. Кемерово, 1987. С.28.
12. Карпов Ю.Ю. Персонажи шайтлинского праздника..., с.152.
13. Толстов С.П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен // ПИДО. № 9-10. 1985. С.18. Ст.4.
14. Толстова Л.С. Исторические предания Южного Приаралья. М., 1984. С.206.
15. Казанцев И. Описание киргиз-кайсака. СПб., 1867. С.39.
16. Валиханов Ч.Ч. Сочинения Чокана Чынгизовича Валиханова, под ред. Н.И.Веселовского // Зап.ИРГО по отдел. этнографии. СПб. 1904. Т.29. С.174.
17. Тронов В.Д. Материалы по антропологии и этнологии киргиз // Зап.ИРГО по отдел. этнографии. СПб., 1891. Т.17. Вып.П.С.34.
18. Казанцев И. Описание киргиз-кайсака, с.39.
19. Там же, с. 40.
20. Шмидт Ю. Очерк Киргизской степи к югу от Арало-Артышского водораздела в Акмолинской области // Зап.ЗСОИРГО. Омск, 1894. Кн. ХУП. Вып.П.С.116,117.
21. Карпов Ю.Ю. Персонажи шайтлинского праздника ..., с.146.
22. Толстов С.П. Древний Хорезм, с.311.
23. Там же.
24. Ziu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte Ost-Türken. Wiesbaden, 1958. В.11, S.499.

ПОДУШКИН А.Н.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА ТУЛЕБАЙ-ТОБЕ I

Археологический отряд Чимкентского педагогического института начал раскопки могильника Тулебай-тобе I (Чимкентская область, Бугунский район, в 41 км к северо-западу от г.Чимкента). В течение полевых сезонов 1987-1988 годов были открыты погребальные конструкции в курганах № 1, 2, 3 и 4, материалы из которых публикуются.

Могильник Тулебай-тобе I находится на гребневидном лесном останце левой надпойменной террасы р.Бадам, вытянутом в направлении северо-юг (рис.1). Включает в себя 18 курганных насыпей, расположенных бессистемно. Форма курганов оплывшая, холмевидная; наиболее крутой насыпей - в северной, обращенной к пойме реки, части. Насыпи состоят из леса.

Курган № 1 (основание насыпи 50x42 м, высота 3,5 м). В северном секторе, под насыпью открыта катакомба, состоящая из: вертикального дромоса глубиной 5,5 м от уровня древней поверхности; бокового сводчатого лаза (длина 2,3 м, высота 1,3 м, ширина 1 м), погребальной камеры трапециевидной формы (2,5x11,7x2,8x3 м), которая заглублена на 1 м от пола лаза (рис.1). Погребение ограблено в древности. На дне камеры найдены фрагменты от столовой посуды (части горловин кувшина и кружки с ручками), а также обломки чаш на поддоне. Из элементов декора отмечены станковое рифление, рельефно-выпуклый валик на горловине, прорезанное рифление, покрытие светло-коричневым ангобом.

Курган № 2 (диаметр основания 12,5 м, высота 2,5 м). В юго-западном секторе, вблизи кромки насыпи, на глубине 3,4 м открыта катакомба. Она состоит из дромоса траншейного типа со ступеньками, наклонно спускающегося к центральной погребальной камере (длина дромоса 5,8 м, ширина 0,6-0,8 м): центральной погребальной камеры, овальной в плане вырубленной в материке. Основные размеры ее - длина 2,2 м, ширина 1,7 м, высота 0,9-1,2 м. Расчищен еще один боковой дромос длиной 0,3 м. Он вел в погребальную камеру (№ 2), аналогичную уст-

ройству центральной (длина 1,9 м., ширина 1,1 м., высота 0,9 м.). Обнаружено также впускное погребение в грунтовой яме у западной кромки насыпи. Размеры ямы 0,8х0,5 м.

Основной дромос (траншейного типа), ориентированный по линии С-Ю, перпендикулярно примыкает к центральной камере, а боковое впускное погребение расположено к востоку от дромоса; его длинная ось параллельна оси главного дромоса. Катакомба практически не перекрывалась насыпью. Центральное погребение оказалось ограбленным в древности. Судя по костным останкам, здесь находилось два костяка (мужской и женский). В боковом погребении было также два скелета, судя по всему, разновременных. Верхний был полностью разрушен, при нем были кружка, наконечник, стрелы и камень-оселок. Нижний, ориентированный головой на юг, оказался непогребенным. При нем, с правой стороны тазовых костей, найдены столовый кувшин и чаша на невысоком поддоне.

Во впускном погребении (в яме) найдены остатки костяка ребенка возрастом около года и керамическая кружка.

Курган № 8 (диаметр основания 24 м., высота 2,8 м.) в юго-западном секторе под насыпью вскрыта катакомба, которая состоит из трехступенчатого дромоса траншейного типа длиной 6,8, шириной 0,7-1,05 м, перпендикулярно примыкающего к овальной в плане сводчатой камере длиной 2,4 м., шириной 2 м., высотой 1,2 м. В северной части камеры, на полу, зафиксированы три разрушенных скелета - погребение было ограблено в древности. Найдены точильный оселок из удлиненного галечника длиной 16 см, фрагменты столовой кружки с элементами декора в виде станкового рифления и лощения по красному ангобу.

Курган № 4 имел диаметр основания 17 м., высоту 2,4 м. Под насыпью кургана, сложенной из однородного лёсса, открыты два катакомбных сооружения (рис. 2). Погребение 4а имело траншейный ступенчатый дромос длиной 7,6 м., шириной 0,7-1 м., который перпендикулярно примыкал к овальной сводчатой камере. Длина ее 2,4 м., ширина 1,8 м., высота 1,35 м. В северо-восточной части, на дне камеры найдены остатки шести костяков, один из которых детский. Здесь же, в центре погребальной камеры, стояли четыре сосуда: горшок, три кувшины, разбитая кружка. Найдены также два однолезвийных ножа, након-

ечник и круглая поясная пряжка.

Катакомба 4б расположена в 0,9 м севернее погребальной камеры 2а. Она представляет собой вертикальный дромос ствольного типа размерами 1,4х0,8 м., который переходит в сводчатую камеру-галерею, имеющую по обе стороны боковые большие ниши, в торцевой стенке - еще одну небольшую нишу. Размеры ее следующие: длина 8,6 м., ширина 1 м., высота свода - 1,85 м. Катакомба была пустая (культовое сооружение?).

Катакомбные погребальные конструкции могильника Тулебай-тобе I близки кругу аналогичных памятников, ареал которых охватывает северные районы Средней Азии и Южной Казахстана (Ферганская долина, бассейны Ахангера и Чирчика, Келеса, Бадма-Арыса, Таласская долина). Открытые катакомбы можно отнести к катакомбам, характеризующимся наличием дромоса-коридора, который примыкает к сводчатой камере. Конструктивные особенности катакомб Тулебай-тобе I уже сейчас позволяют наметить предварительную классификацию по этому признаку, и выделить два типа погребения: 1 - катакомба с узкотраншейным ступенчатым дромосом, перпендикулярным длинной оси погребальной камеры ("Т"-образный вариант); 2 - катакомба с вертикальным дромосом-стволом, боковой переходной галереей, которая примыкает к сводчатой овальной погребальной камере. Если первому типу катакомб мыслится как ближайший, так и более отдаленные параллели¹, то второму типу катакомбы аналогов пока не найдено.

В числе конструктивных особенностей катакомб могильника Тулебай-Тобе I отметим также расположение погребальной камеры ближе к западной кромке насыпи, т.е., не в центре под курганом; выход дромоса-коридора на поверхность далеко за пределами насыпи.

Археологический материал из катакомб могильника Тулебай-тобе I, в особенности керамический комплекс и вещи, позволяют датировать эти погребальные памятники I-III, возможно, I-IV вв. н.э., поскольку упомянутый материал связан с археологическим комплексом арысского локального варианта отарско-карауус: II культуры, датруемым I-IV вв. н.э.² Ножи, пряжка, наконечник стрелы находят аналогии также в большой группе катакомбных памятников в Средней Азии и Казахстана I половины I тыс. н.э.³

1. Нурмуханбетов Б.Н. Катакомбы Борижарского могильника // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, С.106-115. Табл. II, III; Подушкин А.Н. Раскопки могильника Алтын-тобе // АО 1982 г. М., 1984. С.462.
2. Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана (I тысячелетие н.э.). Алма-Ата, 1989. С.97-99, 152, 158.
3. Максимова А.Г. Могильник Актобе // Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968. С.148-201. Табл. XI, 7, 15; Максимова А.Г. Шаушукмокий могильник // Максимова А.Г. и др. Древности Чардары, с. 202-206. Табл. ХУП, 4, 7; табл. ХУШ, 5; Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплексы вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 81-88. Рис. 3, 4; Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. № 26. М.-Л., 1952. С. 84. Рис. 47, 2, 3.

САВЕЛЬЕВА Т.В.

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА ТАЛГАР

Раскопки на городище Талгар ведутся в соответствии с международной программой "Великий шелковый путь - путь диалога". Талгар являлся одним из крупных центров транзитной торговли на трассе Великого шелкового пути, проходившего через Илийскую долину¹.

Для раскопок в 1989 г. был выбран участок внутри крепостных стен. Общая площадь раскопа составила 420 кв.м. Зачистка выявила наличие конструкций - остатков верхнего строительного горизонта: фундаменты и фрагменты стен, тянувшихся с В на Ю. Они сложены из крупных валунов, уложенных на раствор глины. В этих стенах зафиксировано наличие дерева (бревно сечением 20х22 см). Оно смазано глиной и является как бы основой стены. Ниже дерева - смесь глины с камнями и крупным песком. На этом уровне (50-55 см от дневной поверхности) между второй и третьей стенами расчищены два напольных очага: 1) очаг в виде ямки яйцеобразной формы, вытянутой по линии С-Ю, 0,45х0,2х0,28 м, глубиной 0,08 м; 2) очаг прямоугольной формы (в

севернее). Размеры ямки 40х28 см, глубина 10 см. В 0,5 м от этого очага к СВ на полу, обнаружено скопление железных прямоугольных пластин двух типов: пластины с прямыми углами и пластины, у которых один конец имеет форму овала. Вдоль длинного края пластин с обеих сторон имеются круглые сквозные отверстия для крепления к основе. На этом же уровне найден железный котел.

По совокупности полученного вещевого материала - керамики, стекла, фрагментам поливной керамики первый строительный горизонт можно датировать XII-нач.XIII в. В продолжение исследования по всей площади раскопа было произведено углубление; стены I, II и III уходили вглубь. Примерно в середине раскопа к северу от стены II проявились поперечные стены из крупной гальки и глины. Выделено несколько помещений (рис.1).

Помещение 1 - жилое (4х2,3 м). Юго-западный угол занят сушкой, рядом с ней - скопление углей. Помещение 2 размером 3х4 м. Северная стена предположительно находится за границей раскопа. В этом помещении обнаружен прямоугольный очаг-алтарь, вмонтированный в пол, размером 56х25 см, глубиной 8 см. Изнутри по периметру нанесены насечки из прямых пересекающихся линий, дно и стенки хорошего обжига. Стенка, около которой расположен очаг, облицована керамическими плитками с орнаментом - это комбинация прямых прорезных линий, кругов, овалов. Плитки прямоугольной формы размером 16х20 см, толщина 1,2-1,5 см. При расчистке выявлено рядом со стеной и очагом найдены куски таких же плиток. На городище Талгар облицовочные плитки раньше не встречались. В помещении 3 оговорен только юго-восточный угол. Его занимают два закрома (а=1,8х0,9 м, б=1,25х1 м), стены которых сложены из камней на глиняном растворе. Помещение 4 вскрыто частично, на полу его - отдельные скопления камней. Помещение 5 - размером 3,4х1,8 м имело хозяйственное назначение. На полу расчищены скопления камней, почти в центре находился отрезок бревна (от упавшего перекрытия?). Помещение 6 (3,6х2,43 м) вытянуто с Ю на С; назначение его не установлено. Помещение 7 имело неправильную в плане прямоугольную форму, вытянуто с З на Ю. Длина 12 м, ширина в восточной части - 3,6 м, западной - 4,9 м. В северо-западном углу на уровне пола вымостка из некрупных камней. По функциональному назначению можно предполо-

жить, что это часть двора. Помещение 8, возможно, является продолжением помещения 7; длина его северной стены 8,1 м, южной 7,4 м, восточной 5 м, западной 6,6 м. У северной стены имеются на полу небольшие площадки, вымощенные камнем. Помещение 10 полностью не раскопано, у самого края южной границы раскопа расчищен парный тандыр. На полу найдены две костяные палочки для еды, а около вымостки — бронзовая тарелочка. Это вещи импортные, как и костяной детский браслет из помещения I.

В результате раскопок была собрана коллекция посуды. Большинство посуды в обломках. По функциональному признаку посуда делится на кухонную, столовую и хозяйственную.

Кухонная посуда представлена фрагментами, имеются и целые формы котлов. Для них характерно вытянутое яйцевидной формы тулово с уплощенной придонной частью. На внутренней стороне площадки венчика имеется концентрический уступ для крышки. Котлы могут быть без ручек или с двумя, реже с четырьмя расположенными симметрично горизонтальными петлевыми ручками. Размеры котлов различны: от сравнительно небольших котелков высотой 15 см и диаметром горла 10 см до котлов в 2-3 раза больших размеров. Котлам имеются широкие аналогии в керамике городов Таласской и Чуйской долин², в Южном Казахстане³. К кухонной посуде относятся также горшки и горшкособразные сосуды, сковороды-жаровни. Горшки либо без ручек, либо с четырьмя или двумя вертикальными петлевыми ручками, чаще плоскими сверху. Размеры горшков стандарты: высота их 20-30 см, диаметр устья 15-20 см. По степени распространенности горшки являются наряду с котлами одной из ведущих форм в керамике XI-XII вв. в Северо-Восточном Семиречье. От всей массы посуды они составили 34%.

Столовая посуда отличается изяществом форм и тщательностью отделки. Это кувшины с узким (диаметр венчика 5-7 см) невысоким горлом (8-12 см), переходящим в раздутое тулово, поддон дисковидный. Горловина и тулово соединялись коленчатой, уплощенной или округлой в сечении ручкой. Украшались кувшины сочетанием концентрических прямых и волнообразных линий.

Водоносные кувшины отличаются более широким и низким горлом, переходящим в округлое тулово. Среди них есть двуручные сосуды, высотой 0,4-0,5 м. Две симметрично расположенные руч-

объединяют плечики и закраину венчиков. Ручки коленчатой формы, у основания их обычно имеются одна-две вмятины пальцев.

В столовой посуде относятся также чаши, кесе, пиалы, тарелки, кружки и миниатюрные сосудики. Она изготовлялась из теста хорошего качества, снаружи покрывалась розовым или светлым глазурем.

Хозяйственная посуда представлена в первую очередь хумами. Они разнообразны по форме тулова: от вытянутой яйцевидной до шаровидной, приплюснутой с полюсов. Размеры — от 20-25 см диаметра горла до 68-70 см. У большинства хумов внешний край венчика украшает наклепной жгут с вмятинами пальцев или заплатами, образующими рельефный край. Иногда на стенках хумов и на площадке венчиков есть отпечатки штампов в виде "решетки в круге" или "четырёхлистника". Аналогичный прием нанесения штампов на венчики и тулово хумов был распространен в XI-XII вв. в керамике Чуйской долины. Круглые штампы, по мнению А.Н. Бернштама, являлись одновременно и клеймами мастеров, и украшением⁴. К хозяйственной посуде относятся также тазики-тагора, крышки, ступки с пестиками.

В отдельный вид следует выделить строительные материалы — облицовочные плитки и жжёный кирпич. В Талгаре в раскопках встречались только обломки и крупные куски жёженого кирпича вторичного использования. Им были вымощены небольшие площадки на полах помещений или дворов. Иногда куски жёженого кирпича составляли заполнение стен.

Среди находок из заполнения и на полах — обломки поливной керамики с росписями, в основном чаш на дисковидном поддоне. Полива прозрачная и зеленая.

Была собрана значительная коллекция изделий из железа: клинжалы, наконечники стрел, копья, кованые гвозди, обломки пожей, звенья цепи, дверные накладки, крючки, запоры и пр. Стекло представлено немногочисленными фрагментами, одной ножом-римки светлозеленого цвета; имеются фрагменты голубоватого стекла.

Анализ предметов материальной культуры из раскопа, достаточно широкие аналогии позволяют датировать жилые постройки второго сверху строительного горизонта кон. XI — началом

XII в.

Можно говорить о том, что на данном участке городища более четко просматривается имущественная стратификация населения. Интерьеры домов отличаются наличием резьбы по штукатурке, наличием алтарей. В домах были найдены импортные изделия, например блюдо, украшенное гравировкой в виде сфинксов⁵, китайского фарфора⁶, шахматные фигурки, монеты⁷. Следует отметить, что раскопки городища ведутся с перспективой консервации и музеефикации вскрытых объектов.

1. Байпаков К.М. Великий Шелковый путь: культурные контакты в прошлом и настоящем // Вестник АН КазССР. 1989. № 3. С. 21-28.
2. Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959. С. 40.
3. Атаева Е.Н., Пачевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городищ Южного Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 5. Алма-Ата, 1958. С. 172.
4. Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции // ММА. № 14. М.-Л., 1950. С. 185.
5. Байпаков К.М. Талгакское блюдо // Известия АН КазССР. Серия общ. наук. 1968. № 6.
6. Нифонтова Л.К. Последние археологические поступления в Центральный Государственный музей КазССР // Известия АН КазССР. Серия археологическая. Вып. I. Алма-Ата, 1948.
7. Бурнашева Р.В. Монета Сулеймана б. Дауда с городища Талгар // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 182-186.

СМАГУЛОВ Е.А.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ОТРАРА

Археологические исследования городища Отрар-тобе (Южный Казахстан) создали источниковедческую базу для рассмотрения вопроса об этнокультурной принадлежности его населения позднесредневекового периода. Широкомасштабные вскрытия позднейших наслоений со всей убедительностью установили, что материальная культура XIV-XIII вв. характеризуется высокой степенью стандар-

тизированной и обнаруживает наиболее прочные связи, типологические соответствия с материальной культурой городов и поселений обширного присырдарьинского региона и всего северо-востока Средней Азии. В результате работ выявлен планировочный и архитектурный облик позднесредневекового Отрара, получены ценные материалы по жилищу и керамике, изучены ремесленные мастерские, общественные и культовые постройки, оборонительные сооружения и т.д.¹

Внутригородская жизнь в этот период испытывает тенденцию деурбанизации и постепенно затухает в первой половине XIII в., что объясняется, на наш взгляд, как внутрорегиональными причинами (выдвижение на первое место гор. Туркестана), так и epochальной тенденцией упадка древней городской культуры на юге Казахстана. Изучение более ранних этапов развития культуры в отырском оазисе показала, что позднесредневековая культура Отрара имеет глубокие местные корни и есть результат непрерывного эволюционного процесса².

Проблема определения этноса — основного создателя культуры Отрара, была поставлена с первых лет работ на городище. При этом основное внимание было обращено на такую характерную особенность как наличие на некоторых керамических сосудах разнообразных "тамгообразных" знаков. Л.Б. Ераковичем, изучавшим позднесредневековые слои городища Сузак, впервые было высказано предположение о связи этих знаков с тамгами казахских племен и родов³.

Позднее, в ходе обследования памятников Чимкентской области Семиреченской археологической экспедицией в 1966-1967 гг. в подземных материалах V-VI вв. были также отмечены "тамгообразные знаки". На основании этого была выдвинута гипотеза о том, что "если принадлежность знаков к казахским родоплеменным тамгам оправдается", то "можно предположить, что керамические мастерские в различных городах Южного Казахстана принадлежали главам тех или иных казахских родов"⁴.

Стационарные археологические работы, начатые на Отрар-тобе в 1969 г., позволили получить значительную коллекцию знаков, как нанесенных краской в центре донца под поливой открытых форм сосудов, так и прочерченных острым предметом на поддоне или же тулова. При этом высказывавшееся ранее предположение

без достаточного источниковедческого анализа приобрело характер установленного факта. Наличие знаков на позднесредневековой керамике Оtrar и других городищ Южного Казахстана рассматривается как "своеобразная черта", "свидетельствующая либо о родоплеменной принадлежности мастера, либо о принадлежности той или иной керамической мастерской главам казахских родов"⁵. В дальнейшем при обнаружении подобных знаков авторы публикации следовали этой интерпретации⁶. Увеличение источниковедческой базы дало возможность рассмотреть этот вопрос на более широкой фактической основе.

Первая попытка более углубленного исследования вопроса о происхождении и значении знаков на керамике Оtrar была предпринята в статье С.М.Ахиянова. Автор, в частности, утверждает: "знаки на посуде XVI-XVII вв. из Оtrar и его периферии — это свидетельство принадлежности керамических мастерских тем или иным племенам, или скорее всего, главам казахских родов". При этом высказывается предположение, что "сосуды с тамгообразными знаками, изготавливаемые этими мастерами, шли на уплату налогов". И утверждается, что "вместе с военно-феодалной кочевой знатью в городах проживали и беднейшие слои казахских племен, которые постепенно переходили к полуседлой и оседлой жизни"⁷. При этом вся система доказательства основывается на двух основных аргументах: 1. по своей форме знаки на керамике совпадают с графической формой тамг казахских родов; 2. знаки на керамике Оtrar появляются только в период XVI-XVII вв., когда в регионе Южного Казахстана происходит борьба между узбекскими и казахскими племенами и устанавливается гегемония казахского ханства. При более внимательном анализе оба этих аргумента оказываются не безупречными. Вызывает сомнение вывод о генетической связи, основанной на формально-типологическом совпадении знаков. Критикуя также прямолинейные выводы, И.И.Мензиев отмечал, что "нельзя идти лишь по пути сличения формы, нужно углубиться в анализ всего целого и при этом не только с внешней стороны типологии формы, но и с внутренней, через основной упор на социальную значимость и конкретного знака и всей системы. Форма может совпадать при различии содержания и, наоборот, сходное содержание может вкладываться в различные формы"

значительное количество фрагментов со знаками найдены в слоних городища Оtrar, где вряд ли в XVI-XVII вв. проживали казахские правители родов, к которым поступали эти "налоги посуды".

Традиция метить керамические сосуды различными знаками в регионе Южного Казахстана имеет глубокие корни⁸. Достаточно вспомнить многообразие знаков на керамических сосудах раннесредневековых поселений Шаушукум-тобе¹⁰, Алтын-тобе¹¹.

При рассмотрении всей совокупности разновидностей знаков на керамике Оtrar XVI-XVII вв. оказывается, что не все они повторяют форму тамг казахских родов¹². Для расселения оседлых кочевых-полукочевых родов характерна локализация по родственному признаку¹³. Однако топографическое распределение видов знаков по площади городища не подчинена какой-либо закономерности.

Всестороннее изучение вопроса о "тамгообразных" знаках Оtrar приводит нас к двум основным выводам: 1. Знаки на керамике — это отражение древней местной традиции; 2. Сопоставление знаков с тамгами кочевых племен, широко распространившихся здесь в XVI в., дает основание для предположения о спорадической инфильтрации некоторых их представителей в структуру позднесредневекового города.

Вряд ли можно говорить, основываясь на знаках, о "приспособности керамических мастерских главам казахских родов" или о том, что керамика с тамгами шла на уплату налогов". В социальнополитической структуре позднесредневекового казахского общества власть над родами и племенами осуществляла особая "каста" феодальной знати — султаны-чингизиды. Представители ее имели особую тамгу: ¹⁴. Подобной тамги нет среди оттарских знаков.

Таким образом, "тамгообразные" знаки не могут служить достаточным источником для определения этноса населения Оtrar.

Другой важной этноопределяющей чертой может служить жилище. Исследование массовых материалов показало, что жилище позднесредневекового периода завершает непрерывную линию развития, уходящую в первые века н.э. и к середине XIV в. в Оtrar сложился устойчивый тип жилища с центральным жилым помещением, занятым по всей площади суфой, в которую впущен тандыр с дымоходом, выходящий топкой на преддверный прямоугольный участок по-

Этнографические исследования Южного Казахстана показали, что основные типоборудующие черты Отрарских жилищ характерны для местного узбекского населения, известного под названием сарты¹⁵. В дореволюционной литературе им посвящено множество статей и монографий¹⁷. В советской исторической и этнографической литературе установлено, что сартами называлось коренное оседлое население Средней Азии, составлявшее в этногенезе узбекского народа первоначальный пласт, образовавшийся в результате туркизации древнеоседлых ираноязычных народов¹⁸. О том, что "мы не имеем основания отказываться от употребления слова сарт в качестве этнографического названия" писал еще В.В.Бартольд¹⁹.

В южном Казахстане в период XVI-XVIII вв. тюркоязычные сарты составляли значительную часть населения городов и поселений, продолжавших традиции древней земледельческой культуры. В первой половине XVIII в. ташкентский сарт Нур Мухамад в своем сообщении Оренбургской экспедиции о городе Туркестане отмечал, что в городах и поселениях, входивших во владение Туркестана (Ан-Курган, Сауран, Икан, Сунак-ата, Сузак... и Отрар) проживают сарты²⁰. А.В.Смирнов упоминает о том, что сарты земледельческих районов Чимкента и Туркестана сохранили в своих преданиях память о своих цветущих поселениях по р.Арысь, сосредоточением политической, административной и культурной жизни которых был многолюдный и богатый г.Отрар²¹. В другой своей работе он прямо указывает, что последние жители гор.Отрара, сарты, переселились в г.Туркестан "не более ста лет тому назад, будучи вынужденные к этому притеснениями сильного киргизского рода кунград"²². О том, что основное население городков, бывших под властью казахских ханов, составляли сарты, говорят русские послы в Тауке-хану Ф.Скибин и М.Трошин²³.

В этнографическом облике сартов интересны те черты, которые свидетельствуют о синкритичном пути сложения этой этнокультурной общности. Е.Смирнов писал в этой связи: "Сарты представляют собой тип, в этнографическом отношении вполне определенный: это, несомненно, арии, но принявшие в себя много тюркской крови, от близкого общения с этой народностью в течение тысячелетий. Сохранили отличительные черты своего первоначального типа, сарты сохранили особенности и в принятом языке, име-

юм свой собственный характер, а не простую смесь языка иранского и тюркского"²⁴.

В XVI-XVIII вв. сарты обладали всеми признаками феодальной народности, и, главным из них — отчетливым этническим самосознанием. Они четко отличали свою общность от таджиков, киргизов, казахов и даже от узбекских кочевых и полукочевых племен. В этнографической литературе признаку этнического самосознания придается важное значение. Н.Н.Чебоксаров писал, что взаимодействие и суммарное влияние всех прочих признаков этноса "на образование и сохранение этнической общности выражается в виде вторичного явления — этнического самосознания, которое в конечном счете оказывается решающим для определения принадлежности отдельной личности или целых человеческих коллективов к той или иной этнической общности. Э.С. представляет собой своего рода результат действия всех основных факторов, формирующих этническую общность"²⁵.

В процессе интенсивной консолидации с последней волной тюркских племен, пришедших в Мавераннахр под именем "узбеки", произошла замена старого этнонима новым. Как отмечает И.И.Зарубин, впервые в официальных переписях населения этноним "сарт" был взят из употребления во время сельскохозяйственной переписи 1917 г. с разъяснением, что "особого народа сарт не существует, и, что этот термин всюду должен быть заменен словом узбек"²⁶. Однако еще при переписи 1897 г. в Самаркандском уезде не делалось различия на сартов и узбеков, а вся основная масса "туземного" населения учитывалась под именем "узбек", в те времена в Ферганской и Ташкентской областях это разграничение сохранилось²⁷. Возможно, что этот факт является свидетельством того, что в различных областях процесс консолидации кочевых узбеков и субстратного этнического массива происходил с различной интенсивностью.

Основной регион расселения оседлых узбеков (сартов) — Ташкентская область и Ферганская долина, где они составляли преимущественное население²⁸. А в регионе Южного Казахстана, где их население было разбросано среди массива казахских племен, распространившихся здесь в XVI в. и имевших кочевой или полукочевой характер хозяйства, в конце XIX в. насчитывало по приблизительным данным 48 тыс. человек (в районах г.г. Туркестана и

гор. Каратау, г. Аулие-Ата (Джамбул) и Мерке, г. Чимкент и окрестности)²⁹. Как явствует из карты расселения народов Средней Азии и Казахстана, составленной Б.В. Адриановым, по данным переписи 1926 г. сарты составляли большинство населения в окрестностях Чимкента, Джамбула и Туркестана³⁰.

Другим регионом компактного расселения сартов, где они до недавнего времени сохраняли свое этническое самосознание, являлся Южный Хорезм. На основе анализа местной топонимики и ряда исторических известий Г.И. Снесарев пришел к выводу о том, что "вопрос о туркизации исконных жителей Хорезмского оазиса и о сложении группы "сарт" — основной этнографической группы узбекского населения этой территории — невозможно решить, не обращаясь к отузскому этническому пласту как к одному из наиболее ранних и активных компонентов в этом процессе"³¹.

Таким образом, основные районы расселения сартов локализованы в северо-восточных регионах Средней Азии. Особое значение этого региона в этногенезе узбекского народа явствует из исторического анализа этого процесса³². Поэтому и рассмотрение проблемы сложения этнографической группы "сарт", в связи с процессом туркизации местного древнего населения имеет определенную актуальность для региона Южного Казахстана, который в силу своего географического положения является одним из основных районов, где процесс интеграции этносов и культурных традиций протекал наиболее интенсивно. На изучение этого процесса на основе археологического материала нацеливает нас одно из основных направлений, принятых в современной археологии Казахстана, акцентирующее внимание на выявление конкретных результатов культурно-интеграционных процессов и изучению роли кочевых и полукочевых туркских племен в сложении и развитии городской средневековой культуры Южного Казахстана³³. При этом необходимо отметить, что под термином сарты в настоящее время принято видеть не только туркизированных потомков древних содвинцев, но и осевшие туркские племена, утратившие свои родоплеменные названия.

Приведенные выше данные, на наш взгляд, дают основания для ретроспективного предположения о том, что "сарты" являлись субстратным, по отношению к казахским племенам, пластом насе-

ления позднесредневекового Отрара. Являясь сами по себе продуктом длительной туркизации местного древнего населения в процессе оседания туркских племен в присырдарьинских оазисах, они и в период позднего средневековья подвергались этому процессу со стороны казахских племен, что обуславливало специфику некоторых черт в материальной культуре позднего Отрара.

В силу экономической неустойчивости и классовой дифференциации в кочевом обществе постоянно существовала некоторая часть населения, которая вела земледельческо-скотоводческое хозяйство. Возможно, часть этой массы населения спорадически инфильтрировалась в социальную организацию древних городов, основное население которых составляли "сарты", а не только расселялись в эфемерных аулах-котау, которых уже в XIX в. в бассейне средней Сыр-дарьи, на южных склонах Каратау насчитывалось большое количество. Нужно отметить, что еще А.Ф. Миддендорф, проезжавший через эти края во второй половине XIX в., отмечал топонимические особенности оседлых поселений сартов и казахов³⁴. Для более раннего времени облик таких казахских оседлых поселений представлен материалами археолого-этнографического отряда ЮККАЭ³⁵.

Правомерность проекции, с некоторыми оговорками, данных второй половины XIX в. на более ранние века основана на стабильности в общих чертах этнокультурной обстановки в регионе в период XVI-XIX вв. Специфика ее как и в более ранние периоды заключалась в сосуществовании в регионе двух ХКТ — оседлых земледельцев и полукочевников-охотоводов. Первых в позднесредневековую эпоху представляли сарты — коренное население маргинальной зоны — северо-востока Средней Азии, интегрированные позже в узбекскую нацию. Вторых — местные полукочевые племена, этническая основа казахского ханства, составившее позже основу казахской нации.

1. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар, Алма-Ата, 1972; Они же. Позднесредневековой Отрар. Алма-Ата, 1981; Они же. Отрар в XIII-XV вв. Алма-Ата, 1987.

2. Акишев К.А. Перспективы изучения позднесредневековых городов Казахстана // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983. С. 6; Байпаков К.М. Средневековая

- городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI-нач. XII вв.) Алма-Ата, 1986. С.186. он же: Некоторые вопросы этнической истории Южного Казахстана, в средние века // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов. М., 1988, с.33.
3. Ерзакович Л.Б. О позднесредневековом городище Сузак // Изв. АН КазССР. Серия обществ. наук, № 3. 1966. С.69.
4. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Новое в средневековой археологии Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С.42.
5. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар, с.200.
6. Желдасбаев С. Раскопки укрепленного поселения Жалгыз-там (XV-XVII вв.) // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С.183; Сенигова Т.Н. Керамика городища Туркестан из верхнего строительного горизонта (XIII-XV вв.) // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С.187.
7. Ахияханов С.М. К вопросу о тамгообразных знаках на керамике позднесредневекового Отрара // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С.56.
8. Имеется в виду критика И.И.Мещаниновым, попыток рассматривать сарматские знаки в связи с кабардинскими тамгами (см.: Мещанинов И.И. Загадочные знаки Причерноморья // ИТАИМК. Вып. 62. М.-Л., 1933, С.41-42).
9. Смагулов Б.А. О традиции "тамгообразных" знаков на керамике Южного Казахстана // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана. Сб. тезисов. Алма-Ата, 1980, С.113-116.
10. Максимова А.Г. Мершиев М.С., Вайберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968. С.111. Рис.12.
11. Байпаков К.М., Подушкин А.И. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата, 1989. С.142-151.
12. Смагулов Б.А. К изучению знаковой системы позднесредневекового Отрара // Изв. АН КазССР, сер. общ. наук, № 6. 1979. С.58-64.
13. Галиев А. К этнодемографической характеристике Казахской ССР (По материалам переписи 1926 г.) // Изв. АН КазССР. Серия обществ. наук, 1973. № 4. С.45; Сухарева О.А. Квартальная об-

- щина позднесредневекового города Бухары. М., 1976. С.276-277.
14. Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-дарьинской области. Т. I. Юридический быт, 1889. Прилож. 2. С.5.
15. Ерзакович Л.В. Жилище Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983. С.81-92.
16. Жилина А.Н. Традиционные поселения и жилище узбеков Южного Казахстана // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982. С.137-163.
17. Южакс Ю.Д. Сарты или таджики, главное оседлое население Туркестанской области // Отечественные записки, 1867, Т.173. № 7; Остроумов П.П. Сарты /Этнографические материалы. Вып. I. Ташкент, 1890, Шишов А. Сарты. Этнографические и антропологические исследования // Материалы для статистики Сыр-дарьинской области. Ташкент, 1904. Т. XI; Смирнов Е. Сыр-дарьинская область. Описание, составленное по официальным источникам. СПб., 1887; Масальский В.И. Туркестанский край. Россия. Полное географическое описание. СПб., 1913. Т.19, и др.
- Наиболее полную историческую сводку о сартах, различных мнениях, существовавших по проблеме происхождения сартов, этимологии термина сарт и др. см.: Зварницкий Д.И. Путеводитель по Средней Азии и Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношении. Ташкент, 1893.
18. Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962. Т. I. С.170; Мданко Т.А. Национально-государственное размежевание и процессы этнического развития у народов Средней Азии // СЭ. 1972. № 5; БСЭ. Т.22. С.603; Вахабов М. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1961.
19. Бартольд В.В. Сочинения. Т.Ш, ч.2. М., 1964. С.314.
20. Добросмыслов А.И. Города Сыр-дарьинской области. 1912. С.110.
21. Смирнов Б. Сыр-дарьинская область. с.63-64.
22. Смирнов Е. Задичавшая страна // Материалы для статистики Сыр-дарьинской области. Ташкент, 1895. Т. I. С.3-4.
23. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI-XVII вв. Л., 1932. С.265.
24. Смирнов Е. Сыр-дарьинская область, с.43.

25. Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнической общности в трудах советских ученых // СЭ, 1967. № 4. С.99.
26. Зарубин И.И. Список народностей Туркестанского края // Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран. 1925. Вып.9. Л.
27. Бартольд В.В. Сочинения. Т.П. Ч.1 М., 1963. С.460-462.
28. Список народностей Союза Советских социалистических республик // Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран. Л., 1927. Вып.13. С.33-34.
29. Смирнов Е. Сыр-Дарьинская область, с.43.
30. Андрианов Б.В. Карта народов Средней Азии и Казахстана (по данным переписи 1926 г.) // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М.-Л., 1961. С.18.
31. Снесарец Г.П. Объяснительная записка к "Карте расселения узбеков на территории Хорезмской области (конец XIX- начало XX вв.)" // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975. С.91.
32. Аснаров А.А. Некоторые аспекты изучения этногенеза и этнической истории узбекского народа // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986. С.8-13.
33. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар, с.205-206.
34. Миддендорф Д.Ф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882. С.339.
35. Жолдасбаев С. 1969-1970 жылдары археологиялык барлау кезинде табылган казактын туракты коныстары джайлы хабар // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С.187; Он же. Раскопки укрепленного поселения Жалгызтам (XV-XVII вв.) // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С.173 и сл.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

ДЭВЛЕТ Е.Г.

О СЕМАНТИКЕ "ОЧКОВИДНЫХ" ИЗОБРАЖЕНИЙ

Среди наскальных изображений хребта Каратау, опубликованных М.К.Кадырбаевым и А.Н.Марьяшевым, выделяется группа фигур в виде двух соединенных линией окружностей. В англоязычной литературе подобные изображения именуют "очковидными". Петроглифы в виде двух окружностей, соединенных линией, встречаются среди наскальных изображений разных континентов, в удаленных друг от друга регионах. Они различаются формой, размерами, техникой исполнения, трактовкой деталей. Окружности бывают выполнены по контуру, у некоторых экземпляров бывает проработана внутренняя поверхность, иногда в нее вписаны концентрические окружности, спирали или другие геометрические фигуры. Соединяющий окружности отрезок обычно передается одной прямой линией (рис.1; 1-2, 4-5), реже двумя или тремя параллельными (рис.1; 7), в отдельных случаях линия бывает волнистой (рис.1; 3, II). Эти изображения трактовались как ловческие приспособления и, более убедительно, как солнечные и лунные знаки. Как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях, мнения авторов в отношении семантики этих фигур не совпадают. Н.Е.Урушадзе считает, что аналогичные знаки на предметах материальной культуры Кавказа и Закавказья эпохи бронзы являются воспроизведением движения солнца от зенита до заката. Встречающиеся среди петроглифов Северо-Западного побережья Северной Америки аналогичные изображения в виде соединенных кругов и спиралей Э.Стивенко рассматривал как отражение определенного небесного явления, а именно того момента, когда Солнце, Луна и Земля располагаются на одной оси. Исследователь подчеркивает, что именно при таком расположении небесных тел наблюдаются такие природные явления, как сильные приливы и наводнения. Добавлю, что подобное взаиморасположение планет сопровождается еще и затмениями. Все же мнение, высказанное Э.Стивенсом, представляется скорее умозрительным. М.К.Кадырбаев и А.Н.Марьяшев высказывали предположение, что очковидные знаки представляют собой варианты

солярных символов.

Разделяя точку зрения относительно солярного характера рассматриваемых изображений, попытаюсь привести дополнительную аргументацию. Наиболее отчетливо солярный характер подобных знаков раскрывают такие дополнительные детали, как например, вписанные в окружность крестообразные фигуры или же радиально исходящие от линии окружности черточки-лучи, возможно, передающие сияние небесного светила. Подобная трактовка встречается редко, но повторяется в сходных вариантах на различных территориях.

Интересен тот факт, что часто у очковидных фигур каждая из двух парных окружностей бывает проработана по-разному, различаясь в деталях. То обстоятельство, что древний художник подчеркивал таким образом их различие, графически противопоставляя знаки, позволяет высказать предположение, что представлены разные небесные тела. Особенно наглядны в этом отношении изображения, зафиксированные в горах Иньшань во Внутренней Монголии (рис. 1; II), где один из знаков представлен с лучами, а другой без них. По всей вероятности, древний художник здесь изобразил лучистое дневное светило — Солнце и ночное — Луну; оба они имеют антропоморфный облик. В подобных случаях линия передает смену дня и ночи, соединяя знаки светил: дневного и ночного. Эти фигуры, с одной стороны, как бы противопоставляются друг другу, а с другой — неразрывно связаны, демонстрируя известную бинарную оппозицию (Солнце — Луна, день — ночь).

Исследователи, уделявшие внимание астрономическим наблюдениям древности, обращали внимание на сходство символики небесных тел в искусстве различных племен и народов, так что отмеченные выше совпадения не противоречат прослеживаемым общим закономерностям. Отмечу, что эти знаки выполнялись не только отдельно, самостоятельно, но и как составная часть более сложных образов: у личин и антропоморфных фигур, включая предметы мелкой пластики, этими знаками передаются глаза. Вероятно, в таких случаях перед нами изображения, также имеющие связь с солярной символикой. У личин из бассейна реки Байкал таким знаком с различной проработкой кругов передачи глаза (рис. 1; IO). В за-

тильских островов присутствуют и солярные культы. Индейцы почитали пещеры, из которых вышли на землю Солнце и Луна, чтобы осветить мир. В одной из таких пещер обнаружено очковидное изображение, возможно, означающее светила (рис. 1; 9). Правая часть этого знака по стилю имеет большое сходство с манерой исполнения изображений личных духов-покровителей, культ которых также был связан с пещерами. Известны образцы мелкой пластики, причем глаза такого божества переданы очковидными знаками. Аналогичными знаками соединяются между собой фигуры близнецов и передаются их глаза. Известно, что герои близнецных мифов у карибов являлись персонификацией небесных тел.

Семантика очковидных фигур, как и прочих знаков в первобытном искусстве, во многом определяется контекстом. В дописменный период люди стремились выражать свои знания о природных и социальных явлениях через сравнительно небольшой набор знаков, вкладывали в них свои многогранные представления об окружающем их мире. Исходя из этого, особенный интерес для нас представляют этнографические параллели подобным сюжетам. Очковидные знаки известны у аборигенов Австралии, которые в частности таким образом символически обозначают обряды инициации, выражают их содержание, связанное со сменой социального статуса, переходом из одной социальной группы в другую. Схема передает это следующим образом. Соединяющий круги отрезок — это "священный путь", по которому посвящаемые проходят во время обрядов, приобретая необходимые социальные навыки. Они попадают из круга подростков в круг мужчин, полноправных членов первобытной общины. Таким образом модифицируется содержание рассматриваемого знака, который в то же время сохраняет значение, связанное с переходом из одного состояния в другое. Возможно, в некоторой степени изменение статуса употребляется смена дня и ночи: человек умирает в одном состоянии, чтобы возродиться в другом.

М.А. ДЭВЛЕТ

"СОЛНЕЦЕГОЛОВЫЕ" АНТРОПОМОРФНЫЕ ФИГУРЫ КАЗАХСТАНСКИХ ПЕТРОГЛИФОВ И ИХ ВОСТОЧНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Специфический сюжет петроглифов среднеазиатско-казахстан-

ского региона составляют "солнцеголовые" — своеобразные причудливо трактованные антропоморфные фигуры, получившие свое название благодаря тому, что их головы своими очертаниями напоминают небесные светила, которые древние жители азиатского континента изображали в числе прочих знаков-символов на скалах (рис.1). И в наши дни на этнографических предметах и среди дотских рисунков можно встретить сходную трактовку солярных мотивов. Головы фантастических человекоподобных существ окружают нимбы-ауры, обозначенные расходящимися от контура в разные стороны черточками-лучами, концентрическими окружностями, а также скоплениями точек. Эти изобразительные элементы встречаются отдельно или в различных сочетаниях, каждый из них и все вместе символизируют, надо полагать, сияние солнцеподобного лица. В наскальных рисунках, происходящих с территории Казахстана, как отмечали исследователи, много индивидуальных форм, устойчивый канон отсутствует.

Самобытную серию изображений "солнцеголовых" открыли на Алтае новосибирские и горноалтайские археологи. Фигуры выбиты, выгравированы, нанесены на каменные плиты минеральной краской. Вполне обосновано высказанное В.Д.Кубаревым в отношении некоторых антропоморфных изображений предположение, что на их головах обозначена корона из перьев. Обращают на себя внимание как бы парящие над концами лучей-перьев расположенные по дуге точки, что не может не вызвать ассоциаций с казахстанскими "солнцеголовыми" (рис.2). Лучистые нимбы с точками у концов черточек-лучей вряд ли можно называть головными уборами, поскольку если перьевая корона или лучистый нимб и могли с определенной долей вероятности отражать реально существовавшие головные уборы, то точки над ними, символизирующие сияние солнцеподобных персонажей, не могли иметь реальные прототипы, они созданы воображением. По всей вероятности здесь изображены не участники первобытных мистерий, одетые в культовые одежды, а излучающие сияние духи-божества древнеалтайского пантеона.

В бассейне Среднего Енисея точки наносились не только над пучками лучей солнцеликих личин окуневской культуры, но и над рогами антропоморфных изображений этого времени, подобно тому как в Западной Сибири на самусьской керамике они представляли над стилизованными мифическими персонажами.

Отдельные экземпляры "солнцеголовых" встречены среди петроглифов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Особенно значительные серии личин, в том числе и лучистых, известны в наскальном искусстве Внутренней Монголии, где исследования петроглифов ведутся с 1976 г. в горах Иньшань ("Лунные горы"). В их западной части, носящей название Ланшань, ("Волчьих горы") и находятся петроглифические памятники. Они были известны издавна, о них писал в книге "Комментарии к трактату о водах" еще китайский географ Линь Даюань. Среди множества наскальных рисунков, опубликованных в 1986 г. Гай Шаньлинем в монографии "Петроглифы гор Иньшань", видное место занимают изображения личин, отличающихся разнообразием форм, условностью, фантастичностью, вычурной стилизацией. При все многообразии вариантов все же значительная часть антропоморфных лиц объединяется в определенные серии. Многочисленные солнцеподобные личины нередко соседствуют на скалах с чаще видными углублениями, точками, в которых китайский исследователь склонен видеть изображения звезд (рис.3)

Основная масса наскальных рисунков солнцеголовых существ датируется эпохой неолита — бронзовым веком, они встречаются на обширнейших пространствах степей и предгорий азиатского материка. Исследователи наскальных изображений урочища Тамгалы сопоставляют изображения солнцеголовых и нашедшие отражение в "Ригведе" описания солнечного бога древнеиндийского пантеона. Бог Сурья описывается с диадемой на голове и именуется эпитетами такими как "Владыка лучей", "Лучащийся блеском", "Лучезарный". Представляется, что расшифровать семантику изображений "солнцеголовых" позволяют и тибето-монгольские термины сакральности, на которые обратила внимание Т.Д.Скрынникова. Она привлекает понятие "харизма", который упоминается в "Сокровенном сказании". Этот термин употреблялся в XIII в. при обозначении сакральной субстанции правителя, которая по представлениям современников была связана с солнцем и проявлялась в виде сияния или нимба. Вероятно, это понятие восходит к древнейшим наскальным мотивам, и лучистый диск антропоморфных персонажей петроглифов Средней Азии и Казахстана связан скорее всего с представлениями об ауре или нимбе солнцеголовых божеств. Представление о сакральности такого иерархического атрибута как головной убор скорее всего

стадиально более позднее.

Сложнее проследить линии связей между древнейшими изображениями лучистых нимбов, имеющими точки у концов лучей, с этнографическими материалами или данными хроник. Все же есть основания надеяться, что связь времен не порвана окончательно. Основания ожидать, что в дальнейшем недостающие звенья цепи обнаружены, дает находка, происходящая из Монголии. Это бронзовая бляшка в виде человеческого лица, головной убор напоминает трехзубчатую тиару. Бляшка рельефная, длиной 6 см происходит из случайных сборов на территории Центрального аймака. Она хранится в Музее изобразительных искусств МНР (рис. 3). Лицо человека ярко выраженного монголоидного антропологического типа: раскосые узкие глаза, широкие скулы, резко очерченные брови сходятся на переносице. Подбородок тяжелый, массивный. Обращают на себя внимание длинные усы с концами, загнутыми вверх, как было принято изображать их на средневековых каменных изваяниях. На лбу диадема в виде ленты, составленной из соединенных между собой колец. Над лбом изображены три суживающихся в верхней части луча, над каждым из которых расположена рельефная точка — "жемчужина".

Подобная бронзовая бляха в виде антропоморфной личины с головным убором в виде трех лучей и "жемчужинами" над ними встречается впервые. Можно высказать предположение о глубокой традиционной преемственности в изображении точек над верхним краем отходящих от головы линий монгольской бляхи, преемственности, берущей начало в древнем наскальном искусстве.

МАРЬЯШЕВ А. Н., ПОТАПОВ С. А.

КУЛЬТОВЫЕ СЮЖЕТЫ В ПЕТРОГЛИФАХ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ

На территории Казахстана в последние годы велись поиски новых петроглифов. Наряду с этим были детально обследованы уже известные святилища с петроглифами, в том числе и за пределами Казахстана — в Киргизии и в Средней Азии, что дало возможность сопоставить полученные материалы. В настоящее время в основном уже решены вопросы, связанные с классификацией и хронологией петроглифов эпохи бронзы и раннего железного века. Однако воп-

росы идейного содержания петроглифов освещены недостаточно полно. В предлагаемой статье дана попытка анализа некоторых сюжетов в петроглифах эпохи бронзы: это изображения солнцеголовых божеств, солярных знаков, "небосвода" со стоящей под ним антропоморфной фигурой, колесниц, людей, стоящих попарно с поднятыми вверх руками, ряженных в звериные шкуры, воинов с подвешенными хвостами и с оружием в руках, изображения следов, лунок-углублений, сцен плодородия. Эти сюжеты повторяются почти повсеместно в крупных межплеменных святилищах, таких, как Саймалы-Таш, Тамгалы, Ой-Джайлы, Арпа-Узень и других.

К наиболее древним следует отнести изображения людей с поднятыми руками под "небосводом" из Саймалы-Таша, изображения повозок с треугольной рамой на маленьких сплошных колесах и с погонщиком, идущим позади, сцены "священного брака", связанные с культом плодородия, изображения солнечных божеств, фигуры животных в геометрическом стиле и множество знаков, в том числе так называемые "очковидные" знаки. В печати уже отмечено, что значительная часть этих петроглифов следует связывать с III тыс. до н.э.¹, а многие — со II тыс. до н.э. Наиболее полно они представлены в петроглифах из Семиречья и Каратау².

Уже в комплексах поздней бронзы многие сюжеты почти исчезают³. Некоторые из перечисленных сюжетов имели распространение далеко за пределами Казахстана — в Каракоруме, в Швеции, Италии. Однако, там они выполнены в несколько ином стиле, иногда даны в сочетании с неизвестными в Казахстане и Средней Азии изображениями. Все это позволяет сделать выводы о том, что эти петроглифы представляют собой единый пласт и связаны с населением, обитавшим на территории Казахстана, Киргизии и Средней Азии в III-II тыс. до н.э. Рассмотрим некоторые из сюжетов.

СОЛНЕЦЕГЛОВЫЕ БОЖЕСТВА

Антропоморфные изображения их получили распространение на территории Средней Азии, Казахстана и Алтая. Наибольшее количество солнцеголовых известно в урочищах Саймалы-Таш (несколько десятков изображений), Тамгалы (около 25), в горах Ешкеш-Ольмес (2), в Семипалатинской области (1 — 2 изображения); на Алтае В. Д. Кусаревым открыты недавно каракольские изображения. К наиболее древним из них относятся надежно датированные

петроглифы из Каракола, которые можно связать с эпохой энеолита⁴, древнейшая группа петроглифов Саймалы-Таша, которую также по стилю изображений можно предположительно связать с этим временем. Основная же часть солярных божеств в урочище Тамгалы датируется эпохой бронзы, в урочище Ешке-Ольмес — эпохой поздней бронзы. На скалах высекли антропоморфные изображения с головами в форме дисков с расходящимися в стороны лучами. В литературе утвердилось суждение, что таким образом изображалось само солнце. Однако на некоторых петроглифах Саймалы-Таша четко видны внутри диска рот и глаза (рис. I, 7), из более поздних аналогий можно привести изображения на Бехистунской скале Ахура-Мазды и Митры⁵. Они изображены с человеческими лицами и лучами, отходящими от головы. Видимо, в древности важно было подчеркнуть лучезарность бога, сияние, исходящее от божества, но само божество было человекоподобным. Интересны сюжеты из урочища Саймалы-Таш, где изображены антропоморфные фигуры с человеческими головами и косами, несущие на руках солнечные диски. Видимо, это изображение участников ритуала, так как не известны изображения божества с косами. Суть ритуала нам не ясна. Отчасти понять такой сюжет можно, опираясь на описание древнехеттского обряда в честь Солнца. Во время праздника жрец нес в сакральное помещение статуи богов и пять солнечных дисков. Затем резали ягнят и устраивали жертвоприношение⁶. Из этого текста следует, что в сюжете из Саймалы-Таша, возможно, запечатлен один из подобных ритуалов.

Существенно, что солнцеголовые божества часто изображались группами, иконографически такие изображения значительно различаются. В Саймалы-Таше можно выделить несколько вариантов:

1) антропоморфное существо без рук, с головой в форме оплошного диска на двух коротких ножках (рис. I, 3-5);

2) божество с руками и ногами, головой в форме диска с лучами (рис. I, 2);

3) антропоморфное божество с головой в виде диска с лучами, внутри которого прорисовано лицо. В Тамгалы божества также изображались по-разному: а) с руками, ногами, головой в форме диска, б) диска с лучами, в) с головой в форме диска, вокруг которого расходятся лучи и точки; г) иногда голова имеет форму концентрических кругов (рис. I, 1). Имеются изображения солнцего-

головых с хвостами, изредка они имеют признаки пола (рис. I, 2, 28). Такое разнообразие форм, видимо, объясняется тем, что важно было передать сияние, блеск, излучаемый божествами; здесь сияние, изображаемое лучами, должно было передать принадлежность божества к разряду высших. Такие иконографические варианты объясняются еще и тем, что божеств с солярными функциями у разных народов было несколько⁷.

Долгое время в восприятии первобытного человека не существовало твердых образов неба и солнца⁸. Появились они с накоплением опыта многими поколениями. Именно этим, вероятно, объясняется разнообразие в изображении солнцеголовых — различных высших божеств.

В урочище Тамгалы широко известна центральная сцена с двумя солярными божествами, несколькими животными и целым рядом людей.

Изображение пары божеств известно по многим источникам: это Митра и Анахит в Средней Азии, божественная пара на скале из Курангаиз, представляющая супружескую чету. Эта пара изображена в короне и с бычьими рогами⁹. С божественной парой связывается идея мужского и женского начал. До последнего времени было принято считать, что человеческих фигур на сцене Тамгалы изображено двенадцать и они исполняют круговой танец, связанный с идеей плодородия. Среди участников обряда, участвующих в хороводе, в центре изображена роженица с плодом, что усиливает смысловое значение всей композиции.

Между людьми и божествами изображены животные. В этой сцене отчетливо прослеживаются "этичность" мифологических представлений древних: вверху божества, внизу хоровод, обращенный к божествам, между ними — животные. Изображенный сюжет со священным браком и обращением к божествам символизирует плодородие. Символическое действие должно вызвать действие реальное. Эти явления известны как пережиток древних представлений у многих народов¹⁰.

В целом среднеазиатские и казахстанские петроглифы убеждают в том, что в древности у племен, населявших эту территорию, существовали представления, свойственные другим древним, особенно индоевропейским народам в эпоху бронзы. Солярные божества в петроглифах можно отнести к божествам первого порядка,

остальные божества занимают по отношению к ним подчиненное положение.

Кроме солнцеголовых, в святилище Саймалы-Таш встречаются и другие изображения антропоморфных божеств — фигуры с небосводом над головой. В археологической литературе эти изображения иногда называют луноголовыми и грибоголовыми. Иконографически обычно луна изображается в форме месяца с рожками. Однако в саймалыташских петроглифах "свод" представлен в форме сегмента, полукруга и полумесяца, что свидетельствует о том, что на каменной части в изображении остается полусфера (рис. I, 10-13). Это наиболее важная часть, несущая главную семантическую нагрузку. Видимо, эта полусфера символизирует небосвод.

Нижняя часть этой полусферы, видимо, не играет важной роли, так как изображается по-разному, а сферическая часть несет главную семантическую нагрузку и поэтому строго выполняется во всех изображениях. Следует отметить, что в северном полушарии Луна никогда не бывает остриями месяца направлена вниз. Известные изображения антропоморфных лунных существ Сулукской писаницы (таблица I, 16) совершенно не похожи на саймалыташские. На Сулукской писанице есть и изображения, которые можно отнести к изображению небосвода (рис. I, 17). Маловероятно предположение, что в Саймалы-Таше высечены изображения божества-гриба, ибо у гриба шляпка имеет строго определенную форму. Изображения настоящих грибоголовых встречаются на Чукотке (рис. I, 14, 15). Они очень конкретны, это явно женские божества. На головах антропоморфных фигур с Чукотки действительно изображены грибы¹¹. Кроме этого, представления о грибе как мифологическом персонаже не распространены у степных и горных народов и не могли иметь такое большое значение, чтобы их изображали в святилищах рядом с солнцеголовыми.

Подобные саймалыташским "небоголовые" изображались и в средневековье, в частности, на водоносных сосудах из Алтантабе (бассейн р. Арысь)¹². Но в святилищах эпохи бронзы, более поздних относительно Саймалы-Таша, такие изображения не встречаются, их можно отнести к наиболее ранним. Видимо, впоследствии божеств небосвода стали изображать какими-то пока не известными нам символами, или, возможно, со временем их перестали обособлять от других высших божеств. На скалах многих святилищ сохра-

нились изображения людей с подвешенными хвостами (рис. I, 18-22). Этот сюжет известен далеко за пределами Казахстана и Средней Азии. Он известен в Шумере, Передней Азии, на Кавказе, в петроглифах Монголии и Алтая и, видимо, отражает какие-то стадийные явления в мировоззрении древних народов. В.Д. Кубарев видит в этом сюжете воинов¹³. Однако есть основания сомневаться в том, что так изображали только воинов. В Тамгале с подвешенным хвостом показано солнцеголовое божество, в степях под Семипалатинском также имеется изображение божества с хвостом. Уже эти примеры указывают на связь хвостатых существ с высшими божествами. С подвешенным хвостом изображено солнцеголовое божество из Тамгалы, идущее за быком. В Саймалы-Таше к солнцеголовому божеству обращаются стоящие попарно люди с подвешенными хвостами. В.Д. Кубарев считает, что антропоморфные существа имели бычий хвост¹⁴. Известно, что в Египте существовал обряд подвешивания бычьего хвоста фараону, что связано с почитанием быка¹⁵. Приведенные примеры подчеркивают связь этих сюжетов с божествами и другими хтоническими существами, а также с жрецами-посредниками между людьми и богами. Оружие, такое, например, как посох и палица, может являться лишь атрибутом божества. В мифологии многих народов божества наделены оружием, прежде всего палицей, например, Индра в Ригведе¹⁶, у хеттского бога грома тоже была палица¹⁷.

Кроме людей с хвостами, в святилищах эпохи бронзы встречаются изображения антропоморфных фигур в звериных шкурах; их принято называть ряженными. У всех изображений крючковатые, явно не человеческие руки (рис. I, 24-27). Что означали эти изображения, установить трудно. Известно, что в шкурах изображались божества плодородия¹⁸. Однако с плодородием как у древних индийцев, так и у хеттов и других народов чаще связан какой-либо один бог, а на скалах мы видим, как правило, несколько антропоморфных существ в звериных шкурах без каких-либо индивидуальных признаков. А.П. Окладников отмечал, что антропоморфно-зооморфные персонажи в одних случаях изображают замаскированных в магических целях людей, в других — это реальные, по первобытным представлениям существа¹⁹. К какому же случаю можно отнести рассматриваемые нами изображения? Ритуалы, связанные с ряжением,

известны к хеттов, лувийцев и других народов, большинство таких ритуалов связано с плодородием. У древних лувийцев существовал в неурожайный год ритуал ряжения юноши в шкуру козла. Вместе с другими он шел впереди процессии и выл по-волчьи. У хеттов в различных ритуалах принимали участие люди в масках животных²⁰. Но если рассматриваемые нами изображения — это люди, ряженные в магических целях, то они должны совершать какой-то обряд. Однако на известных нам рисунках нет никакого действия, так же как нет и самого "объекта" приложения магического воздействия. Если мы обратимся к изображениям ряженных людей, например, к рисункам Каракола, в которых В.Д.Кубарев видит ряженных²¹, то заметим, что здесь в руках ряженных изображения лука (рис. 56, с. 72), ветки, туша животного (рис. 28, с. 59) и другие предметы. Каждое из каракольских изображений имеет индивидуальные признаки. Рядом с ними изображены другие существа и солнцеголовые божества. Следовательно, можно предположить какое-либо действие и возможный "объект", на который оно направлено. Кроме того, по каракольским изображениям видно, что это именно люди, а на головах именно маски²². В рассматриваемых рисунках нет ни одного признака, указывающего на то, что шкура одета на человека; шерстью покрыто все туловище и ноги. Наконец, хвосты на этих изображениях совсем иной формы, чем те, которые встречаются у людей с повешенными хвостами. Таким образом, кажется более вероятным, что это вполне реальные по первобытным представлениям существа, а не люди, ряженные в шкуры. Тогда становится понятно отсутствие действия и "объекта" магического воздействия, так как сами изображенные существа и являются "объектом". Поэтому на наш взгляд, эти рисунки изображают сверхъестественных существ, которые представлялись в зоо-антропоморфном образе. Возможно, это были духи или какие-то мифологические персонажи.

Помимо изображений антропоморфных божеств, людей и других сюжетов в основных святилищах этого ареала известны многочисленные магические знаки и солярные символы. Некоторые из этих знаков характерны и для ранних, и для поздних святилищ эпохи бронзы, другие исчезают в святилищах поздней бронзы. К таким относятся очкообразные знаки, которые встречаются в ранней и развитой бронзе и почти не встречаются в святилищах поздней

бронзы. Эти знаки обычно представляют собой прямую линию, соединяющую два кольца. О смысловом содержании таких знаков существует несколько мнений. Еще при обследовании в начале 70-х годов петроглифов Каратау было отмечено, что эти знаки сопровождают важные по смыслу сцены с колесницами, быками, адорантами и другими, отмечалась связь очкообразных знаков с солярным культом²³. Существует несколько вариантов этих знаков. Кроме концентрических кругов, встречаются такие варианты, когда с одной стороны выбито кольцо, а с другой сплошной диск, или с одной стороны концентрический круг, а с другой круг с крестом или лучами (рис. 2, 6); существовало мнение, что так изображались астральные знаки. В пользу этого свидетельствуют несколько знаков из Саймалы-Таша и некоторых других святилищ (рис. 2, 6, 7). На одном из них прямая линия соединяет два круга, причем внутри кольца выбиты лунки, а вокруг левого кольца расходятся лучи. В этом же урочище обнаружены солярные символы с лучами, соединенные прямой линией. Таким образом, принадлежность этих знаков к кругу солярных очевидна. Имеются очкообразные знаки, напоминающие, скорее, символ колесницы — это кольца с прямой линией, соединенные с прямой, идущей перпендикулярно знаку. В целом, этот знак очень близок к изображению колесниц в плане. Из рисунка видно, что не исключена связь очкообразных знаков с колесницами, тем более, что во многих святилищах наряду с реальными колесницами встречаются много изображений условных, символических колесниц (рис. 2). Учитывая мифологическое мышление древних людей, можно предположить, что очкообразные знаки являются упрощенным изображением условной колесницы, принимают основное смысловое значение таких колесниц. В эпоху бронзы люди не знали более быстрого способа передвижения, чем на колесницах; именно на колеснице, по их представлениям, совершает свой обход Солнце.

На колесницах боги спускаются с неба на землю. Колесницы вообще как самый совершенный вид транспорта часто фигурируют в мифологии: так, в текстах имеются указания на то, что колесница связывает два мира: "... ваша золотая колесница, оттокув(друг от друга) оба мира, да придет запряженная быкоподобными лошадьми"²⁴. Ритуальные колесницы использовались для перевозки огня, что символизировало движение "небесного огня" — Солнца²⁵. Другое назначение их — в качестве предметов погребаль

ного культа, причем такие колесницы входят составной частью в комплекс с жертвенным животным и символами замкнутого пространства — варны, все эти компоненты образуют сложную композицию, символизирующую Вселенную²⁶. Колесница в такой системе выступает как бы связующим звеном между мирами: миром живых и миром мертвых. Связь очкообразных знаков с Солнцем и солярным культом приводилась выше; не исключено, что эти знаки символизируют ход Солнца по небу, его перемещение из высшего мира в подземный мир. Э.Б.Тайлор доказывает, что у многих древних народов существовали такие представления: когда Луна на небе, Солнце находится в подземном царстве, причем, считалось, что именно движение Солнца передает прошлое настоящему, а настоящее будущему²⁷. Таким образом, можно объяснить знаки, с одной стороны которых изображен солнечный символ, как движение Солнца по небу. Причем интересно отметить, что движение (полет) стрелы в петроглифах показывалось прямой линией, которая проводилась от лука до поражаемого лучником объекта. Знаки, где изображены два Солнца, соединенные прямой линией или солнечный знак с одной стороны (рис.2,7,9,10), можно объяснить как ход Солнца, его "смерть" (уход в подземный мир) и "возрождение" (когда Солнце появляется на дневном небе). Большая вариативность в изображении очкообразных солярных символов может объясняться наличием разнообразных представлений, связанных с движением небесных светил, символизирующих смерть и возрождение. Интересно, что в святилищах поздней бронзы очкообразные знаки почти исчезают. Это может быть связано с изменениями в представлениях: на смену солнечной колеснице приходит "небесный конь". Такие изменения произошли с освоением более быстрого способа передвижения — верховой езды. Именно в тех святилищах, где часто встречаются всадники, очкообразные знаки исчезают.

Помимо очкообразных, в святилищах этого обширного ареала известны и другие солярные знаки. Обычно к таким знакам относятся все изображения, имеющие форму круга со спицами или просто с крестом и концентрического круга с отрезками. Все эти знаки связаны с солярной символикой, но нам представляется возможным разделить их на две группы:

1) знаки, изображающие круг с крестом или спицами, по нашему мнению, представляющие именно солнечное колесо (рис.2,11-15),

2) изображения самого Солнца (рис.2,16-18).

Рассмотрим первую группу. Ассоциативное мышление людей эпохи бронзы способствовало тому, что с колесом сравнивали Вселенную, ход времени, круговороты, рождений и смертей. Так, в Ригведе Вселенная представляется в виде колеса: "Как обод-спицы колеса, он (Индра) охватил это (Вселенную)"²⁸. В Махабхарате колесо символизирует ход времени: "Без усталости движется Солнце по кругу, вращая колесо времени и влияя на судьбы всего сущего"²⁹. В буддизме мандал в виде колеса со спицами являлся культовым предметом, символизирующим сансару, то есть предстательство о текучести и непостоянстве мира, круговорот жизни и смерти. Одновременно колесо символизировало Вселенную, точнее, нижний мир, подверженный смерти³⁰. Причем в центре колеса — Вселенной четко прослеживается "ось мира", мандалы и в наше время являются предметом культа в шаманизме³¹. Среди петроглифов тоже иногда выделялась ось колеса (рис.2,15). Вторая группа подобных знаков, как было сказано выше, по нашему мнению, символизировала Солнце как небесное светило и связана с культом плодородия.

В представленной статье мы указали только некоторые культовые сюжеты. Круг этих сюжетов намного шире. Мы предприняли попытку дать объяснение этим сюжетам.

1. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. С.194.
2. Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е. Вопросы периодизации и хронологии петроглифов Казахстана // Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987. С.58.
3. Там же, с.58.
4. Кусарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988. С.94.
5. Делюховцев А.Н., Анисимов А.Н., Гумилев Л.Н. Искусство стран Востока, М., 1986. С.28.
6. Ардзинба В.Л. Ритуалы и мифы Древней Анатолии. М., 1982. С.24.
7. Кузьмина Е.Е. Древние скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986. С.126.
8. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии.

М., 1957. С.54.

9. Ардзинба В.А. Ритуалы и мифы..., с.96.

10. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989. С.180.

11. Диков Н.Н. Наскальные загадки древней Чукотки. М., 1971. С.23-24.

12. Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата, 1989. С.147.

13. Кубарев В.Д. Антропоморфные хвостатые существа Алтайских гор // Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987.

14. Там же, с.162.

15. Францев Ю.П. У истоков религии и свободомыслия. М., 1959. С.246.

16. Литература Древнего Востока. Тексты. М., 1984. С.48.

17. Ардзинба В.А. Ритуалы и мифы..., с.100.

18. Тахо-Годи А.Н. Греческая мифология. М., 1989. с.119;

Мифы народов мира. М., 1982. т.2. С.353.

19. Окладников А.П. Утро искусства. Л., 1967. С.80-82.

20. Ардзинба В.А. Ритуалы и мифы..., с.34.

21. Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола, с.116-117.

22. Там же, с.116.

23. Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата, 1977, С.203. Рис.105.

24. Огибенин Б.Л. Структура мифологических текстов Ригведы. М., 1968.

25. Евсюков В.В., Комиссаров С.А. Бронзовая модель колесницы эпохи Чуньцю в свете сравнительного анализа колесничных мифов // История и культура Востока Азии. Новосибирск, 1984. С.63.

26. Там же, с.63-65.

27. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989. С.131, 166-169.

28. Литература Древнего Востока. Тексты. М., 1984. с.50-51.

29. Махабхарата. Книга третья (лесная). М., 1987. С.332.

30. Кочетов А.Н. Буддизм. М., 1983. С.79.

31. Там же, с.75-76.

К МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ ЗАИЛИЙСКОГО АЛАТАУ

В изучении петроглифов одной из важнейших проблем является вопрос их интерпретации. В данном сообщении предлагается ряд соображений, которые могут оказаться полезными в решении ряда вопросов. Работа основана на изучении наскальных изображений в горных ущельях Джамбулского района Алма-Атинской области.

Все выявленные рисунки четко разбиваются на несколько групп. Среди них наибольший интерес представляют петроглифы, расположенные вблизи искусственно созданных площадок. Площадки, растянутые по всей длине вертикальной стены, находятся или на южных склонах ущелий, ориентированных широтно, или в местах изгибов ущелий, ориентированных меридионально и примыкающих к мощному вертикальному выходу скальной породы. Ширина их равна 1,5-3 м. Снизу площадки укреплялись каменной кладкой высотой до 1,5 м. Иногда кладка выступает за край плоскости площадки, образуя борт. Площадки, в зависимости от местных условий, с восточной стороны имели борт каменной кладки с проходом, а с западной - были "запреты" несколькими валунами или, напротив, имели проход с западной стороны, будучи "запертыми" с востока. Кроме того, вокруг площадок всегда растет трава, например, татарник колючий, которому не свойственно произрастать в местах, не тронутых деятельностью человека. Интересной особенностью оказалось их расположение на склоне горы на высоте и значительное их удаление - до 200 м - от источника воды. Вариативность расположения площадок находится в строгой зависимости от крутизны склона и "зауженности" ущелья. Чем круче склон и уже ущелье, тем выше и дальше от ручья расположена площадка. При наблюдении за этими местами в зимнее время оказалось, что место для разбивки площадки выбиралось так, чтобы она всегда находилась выше теневой линии, образуемой противоположным склоном при низком зимнем солнцестоянии. Средний размер площадок - 20-30 кв.м., что давало возможность для проживания на ней небольшой группы людей, возможно, семьи. Центральная часть вертикальной скалы на некоторых площадках имеет небольшую нишу, об-

разошедшаяся вследствие растрескивания и разрушения монолита. Это могло произойти в результате периодического нагревания участка камня костром с последующим "отпуском". Место, выбранное для площадки, не продувается ветром, хорошо прогревается солнцем днем и отаеет тепло ночью, чем создается микроклимат с температурой выше окружающей. Зимой солнце двигалось низко над горизонтом и под углом, близким к прямому, освещало среза скалы, что способствовало максимальному поглощению солнечного тепла камнем. Кстати, именно полоса шириной 1,5–3 м способна оттаивать под воздействием теплового излучения от нагретого объекта и отражения солнечных лучей. Этот процесс тем интенсивнее, чем темнее цвет скалы. Таким образом, данные площадки можно отнести к местам, выбранным для проживания в наиболее суровое время года. Летом же площадки подвергаются интенсивному нагреву, поэтому жить там в это время было неудобно.

На сегодняшний день выявлено более 20 таких жилых площадок, всегда окруженных наскальными рисунками, расходящимися "веером" вверх по склону. Количество плоскостей с изображениями составляет 5–15 и более. Они никогда не располагаются далее 50–70 м от площадок и среди них практически нет палимпсестов. Степень плотности загара большинства изображений мало отличается от фона. Если на одном склоне имеется несколько площадок и между ними есть плоскости, пригодные для нанесения рисунков, то рисунки на них отсутствуют. Иначе говоря, часть "полотен" мастеров оставалась нетронутыми. Таким образом, рисунки у жилых площадок создавались в строго определенные отрезки времени, чем они отличаются, к примеру, от так называемых святилищ с их разнообразными сюжетами.

ФОНЯКОВА Н.А.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СТИЛЬ УКРАШЕНИЯ ПОЯСОВ В ХАЗАРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ УШ – НАЧАЛА X ВЕКОВ

Наборные пояса – часть военного снаряжения всадника – появились еще в скифскую эпоху и использовались для ношения оружия и предметов личного обихода. В раннем средневековье пояс был показателем места его владельца в дружинной иерархии, что отра-

жалось на его конструкции и длине.

В VI–IX веках, когда в поясах, как и в конской сбруе, оружии и прочем снаряжении начинает проявляться общеевразийская "мода", сходные формы бляшек, пряжек и наконечников распространяются на огромной территории от Японии на востоке до Венгрии на западе. В археологических комплексах этого времени они представляют собой одну из категорий массовых находок и, одновременно, являются показателем уровня развития металлообрабатывающего ремесла и декоративно-художественного вкуса эпохи.

В то же время давно замечено, что несмотря на сходство в формах металлических частей и конструкций, средневековые пояса делятся на хорошо различимые локальные варианты, что позволяет использовать их форму и декор в качестве культурных и этнических индикаторов. Так, в археологической литературе, посвященной вооружению и снаряжению воинов VIII–IX веков, широкое распространение получили такие определения как "салтовский" тип пояса¹, "венгерский", "киргизский", "аварский" стили украшения поясов²). Они отражают новый этап в развитии прикладного искусства степей Евразии – появление орнаментализма³. Перемены затронули прежде всего форму металлических частей набора: их стали украшать растительными и антропоморфными узорами, причем салтовский пояс, по-видимому, был одним из первых образцов формирующегося стиля.

Края бляшек получили фигурный контур, четкая линия, очерчивающая предмет, исчезла, скрылась и его первоначальная форма. При этом сами бляшки располагались на ремне не только в ряд, но и вкладывались одна в другую, создавая "живую", "изменчивую" поверхность. Полученный эффект усиливался применением мотива растительного побега с его бесконечно ветвящимся стеблем. По мнению Г.А.Федорова–Давыдова, именно он внес в прикладное искусство салтовцев свойственную многим кочевникам идею всепроникающего движения⁴. Ее появление в лесостепни Южной России также было данью общеевразийской "моды".

В то же время салтовский пояс имел ряд особенностей. Во-первых, это растительный орнамент. Металлические бляшки пояса покрывались сложными переплетениями стеблей и бутонов лотоса, цветами трилистника, плодами граната, древовидными орнаментами и прочими мотивами, заимствованными из искусства Согда и Визан-

тик. Они были новыми и делали салтовский пояс совершенно оригинальным⁵. Во-вторых, одновременно с цветочными накладками на салтовском поясе встречаются литые бляшки без орнамента. Это могло означать, что металлический набор заказывался не всегда одновременно и часто дополнялся новыми бляшками уже в процессе ношения. Сами же бляшки могли быть изготовлены в разное время разными ремесленниками⁶. Следовательно, салтовский пояс был явлением синкретическим. Такая особенность увеличивает его ценность как исторического источника, позволяя проследить многообразие связей народов Юго-Восточной Европы в раннем средневековье между собой и с тюркским степным миром.

Однако работы, посвященные источниковедческому исследованию этой категории материала, пока отсутствуют. Рассмотрение такого сложного явления как салтовский пояс следует начинать с анализа формы его металлических частей – бляшек и накладок как самих многочисленных и разнообразных.

Основным материалом для данной работы послужили металлические детали поясов из могильников лесостепного (аланского) варианта салтово-маяцкой культуры: катакомбного и ямного у с. Верхнее Салтово Старо-Салтовского района Харьковской области, катакомбного у с. Дмитриевка Шебекинского р-на Белгородской области, Волоконовского ямного, Нижне-Лубянского и Ютановского катакомбных могильников у с. Волоконовка Волоконовского р-на Белгородской обл. Многие поясные украшения происходят из датированных комплексов 2-й пол. V в. – IX вв.

Процедура исследования – формализованный анализ 1700 бляшек и накладок – состояла из нескольких этапов. Вначале были отобраны классификационные признаки, характеризующие наиболее существенные стороны металлических частей: форму (1), декоративные детали (2), функциональные детали (3), сечение пластины (4), способ их укрепления на ремне (5), материал (6), технику изготовления (7). Далее из них были выделены типоборизующие признаки и составлен их список, по которому был описан весь материал (рис.1). Затем он был обработан на ЭВМ по программе распознавания образов, а полученные результаты представлены в графической форме (рис.2,3). Выделившиеся группы признаков получили комментарий и историческую интерпретацию.

Поясные бляшки – список признаков (рис.1).

I. Форма бляшки: 1. Круглая. 2. Полукруглая. 3. Треугольная. 4. Пятиугольная уплощенная. 5. Прямоугольная. 6. Трапециевидная. 7. Полуовальная. 8. Ромбовидная. 9. Пятиугольная удлинённая. 10. Шестиугольная. 11. Сердцевидная.

II. Декоративные детали формы: 12. Мелкие полукруглые вставки по краям. 13. Край зубчатый. 14. Край гладкий. 15. Край фестончатый. 16. Широкая сторона прямая. 17. Широкая сторона выпуклая. 18. Широкая сторона вогнутая. 19. Широкая сторона в виде двух полукружий. 20. Широкая сторона в виде фигурной скобки. 21. Широкая сторона с округлым вырезом. 22. Бляшка оканчивается одним или двумя полукруглыми выступами. 23. Бляшка оканчивается кольцевидным выступом. 24. Бляшка оканчивается выступом с подвесным кольцом. 25. Подвесное кольцо на шарнире. 26. Вырезы и прорезы на бляшке имитируются вдавлениями. 28. Бляшка имеет прямоугольный выступ с низкой прямоугольной прорезью. 28. Бляшка имеет четыре круглых отверстия в центре, расположенные четырехугольником.

III. Функциональные детали формы: 29. Широкая прорезь в центре имитируется вдавлением. 31. Круглая прорезь. 32. Отсутствие прорези.

IV. Сечение пластины: 33. Плоская. 34. С загнутыми внутрь краями.

V. Материал: 35. Серебро. 36. Бронза.

VI. Техника: 37. Литье. 38. Штамповка. 39. Обтяжка серебром. 40. Позолота.

Результаты обработки данных представлены на рисунках 2 и 3. Точки, соответствующие признакам формы, расположены на плоскости так, что расстояние между ними определяется рассчитанными связями. Наиболее близко друг к другу лежат признаки, связанные сильной корреляцией, а связанные слабой – находятся дальше один от другого. Соединив эти точки линиями, длина которых пропорциональна силе связей между признаками, и указав направление связей в сторону признака, обладающего наибольшей частотой, мы получим базисный граф отношения между признаками формы.

Граф на рисунке 2 демонстрирует две группы признаков. Группа I – самая многочисленная. Она включает признаки 2,3,8,11-13,15,17-21,23-25,27,28,32,33. Этими признаками описываются полукруглые, треугольные, ромбовидные и сердцевидные поясные

блишки, снабженные всевозможными декоративными деталями: прорезами, фестончатыми краями, мелкими полукруглыми вставками, разными видами колец. При этом функциональные детали на бляшках группы I почти полностью отсутствуют. Группа I по набору деталей может быть подразделена на подгруппы, из которых:

Подгруппа I имеет признаки 8, II, 15, 18-23, 24, 28, 32, описывающие сердцевидные и ромбовидные формы с фестончатыми краями, широкая сторона которых бывает прямой, вогнутой, оформленной в виде двух полукружий, фигурной скобки или округлого выреза. Один из характерных признаков этой подгруппы - 2. Суды по графу (рис. 3А) бляшки подгруппы I выполнялись в серебре штамповкой. Если же они отливались из бронзы, то всегда обтягивались серебряным листом.

Подгруппа 2 включает признаки 2, 8, 12, 15, 17, 22, 24, 25, 27, 30, описывающие треугольные и полукруглые формы с подвесными кольцами двух видов: 24 и 25 или с их имитациями. Кроме того, она демонстрирует определенную связь с бронзой и литьем. Бляшки этой подгруппы всегда в сечении плоские. Если говорить о группе I в целом, то низкие прорезы на бляшках этой группы больше напоминают декоративные кольца или их перерождения, чем функциональную деталь - прорез для продевания подвесного ремня. Особенно следует отметить наличие признака 23, который, по-видимому, является промежуточным между подгруппами I и 2 и тяготеет более к подгруппе I.

Группа 2 описывается признаками 4-6, 7, 10, 14, 16, 26, 29, 30, 31, 34, объединяющими предельно простые формы, образованные на основе прямоугольника. Это прямоугольные, пяти- и шестиугольные (удаленные и уплощенные), полубовальные бляшки с гладким краем и почти полным отсутствием декоративных деталей. Чаще всего широкая сторона этих бляшек прямая. Функциональных деталей тоже немного: только пятиугольные и прямоугольные уплощенные бляшки имеют широкие прямоугольные прорезы для подвесных ремней.

Граф связи между техникой и материалом (рис. 3Б) показывает, что удлиненные бляшки чаще бывают штампованными, а уплощенные - литыми, в то же время встречаются и штампованные подражания литым. Прорезы на таких бляшках имитируются вдавлениями. Признак 34 - загнутые внутрь края - является общим и для штампованных, и для литых бляшек. Пятиугольные бляшки чаще всего штамповались

из серебра, а шестиугольные - из бронзы.

Количественно подгруппа I группы I составляет 48% от общего количества бляшек и является самой многочисленной. Входящие в нее бляшки преобладают в Подонье и на Кавказе; они имеют прямые аналогии среди поясных наборов за пределами салтово-маяцкой культуры - в материале погребений УП-УШ вв. тюркоязычных народов Центральной Азии и Семиречья. Многочисленные находки этого типа встречены в могильниках Курай, Туяхта⁷, Катанда на Алтае. Есть они также в чаатасе у с. Копены⁸ в Капчальском могильнике на Енисее⁹, в тюркских погребениях Семиречья и Казахстана¹⁰, слоях УП-УШ веков городищ Семиречья и Средней Азии¹¹.

По аналогии эту подгруппу условно можно назвать "восточной" или "тюркской", поскольку для нее характерны прямоугольные и полукруглые формы с прямоугольными прорезами и фестончатым краем. Хорошо представлены также сердцевидные бляшки с округлым вырезом (признак 21), с широкой стороной в виде фигурной скобки (признак 20), и в виде двух полукружий (признак 19) в сочетании с фестончатым краем.

Растительный орнамент, в изобилии покрывающий поверхность бляшек этой подгруппы в конце УШ-IX века, почти до неузнаваемости изменил их облик и скрыл первоначальную форму. Но она демонстрирует исключительную стойкость на протяжении всего периода существования салтово-маяцкой культуры. Отдельные варианты этих бляшек доживают до X века в гладком, лишенном орнамента виде¹².

Подгруппа 2 группы I, по-видимому, сложилась на основе форм поясов предыдущей подгруппы. Ее яркой особенностью являются признаки 24 и 25 - подвесные кольца. Ранний их вариант - кольцевидный выступ на бляшке (признак 23) - есть в подгруппе I. В эту подгруппу входят типично салтовские формы, появившиеся по-видимому в сер. IX века.¹³ За пределами ареала салтово-маяцкой культуры они воспринимаются как показатель ее культурного присутствия.

Признаками той же подгруппы 2 описываются бляшки овальной или трапецевидной формы с прямоугольным прорезным выступом (признак 27). Наибольшее распространение они имеют в Крыму, где считаются местными¹⁴ (Айбабин 1977, с. 237). За пределами Крыма их находки единичны, например в Дмитриевском могильнике¹⁵, где они изготовлены из серебра штамповкой, а прорез имитиро-

вана давлением.

Бляшки группы 2 встречаются в могильниках лесостепного (алянского) варианта салтово-маяцкой культуры. Значительно слабее они представлены в материалах Кавказа и только единичные находки отмечены в Крыму. За пределами салтово-маяцкой культуры аналогии формам с признаками группы 2 известны в могильнике Клин-Яр-3 близ Кисловодска^{х)}, где в более ранних погребениях V-VI веков подобные бляшки использовались для украшения обуви. В качестве обувных украшений они впервые были изданы А.М.Покровским, опубликовавшим часть материалов Верхне-Салтовского могильника¹⁶, хотя есть немало примеров, когда такие бляшки укреплялись на поясах.

Таким образом, при сравнении форм бляшек салтовского поного набора обнаруживается, что он складывался под влиянием общеэвразийской "моды", пришедшей из степей. Эта мода сказалась прежде всего в присутствии сердцевидных, прямоугольных и пятиугольных прорезных бляшек, в технике литья с последующей обтяжкой серебром, чтобы придать им богатый вид, в их расположении на ремнях и, наконец, в использовании ветвящегося растительного побоя, создающего впечатление бесконечного и всепроникающего движения.

Одновременно формировалась местная салтовская традиция изготовления поясов с ее простыми геометрическими формами на основе прямоугольника, восходящими, вероятно, к обувным бляшкам, распространенным на Северном Кавказе в более раннее время. Кроме того, салтовские ремесленники переработали в местном стиле заимствованные с Востока сердцевидные формы, снабдив их всевозможными видами колец. Наконец, они широко применили штамповку — новый для степей прием изготовления поясных украшений. В результате ими был создан неповторимый набор форм и внесен немалый вклад в традицию художественной металлообработки Восточной Европы.

х) Благодарю В.С.Флорова за возможность использовать неопубликованные материалы из раскопок могильника Клин-Яр-3 близ Кисловодска.

1. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура (МИА. № 142). М., 1967. С.62.
2. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Л., 1976; Маршак Б.И. История восточной торевтики III-XI веков и проблемы культурной преемственности. Автореф.дисс., докт. ист. наук. Л., 1980. С.19; Cilinska L. Slawisch-awarisches Grabfeld in Nove Zámky // Archaeologia Slovaca fontes. V. 7. Bratislava, 1966; Fettich N. Die Metallkunst des landnehmenden Ungarn // Archaeologia Hungarica. V. 21. 1937.
3. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников....
4. Там же, с.77.
5. Фонакова Н.А. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII-IX веков // СА. 1986. № 3; Фонакова Н.А. Прикладное искусство Хазарии втор. пол. VIII-нач. X веков (по материалам художественной металлообработки). Автореф.дисс... канд. ист. наук, Л., 1989.
6. Плетнева С.А. От кочевий к городам, с.162.
7. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 году // ТГИМ. Вып. 16. М., 1941.
8. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаатас у с. Копены // ТГИМ. Вып. 15. М., 1940. С.21-54.
9. Левашева В.П. Два могильника кыргызов-хакасов // МИА. № 24. М., 1952.
10. Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (УП-ХП вв) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. Рис. 191, 194, 195, 199; Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина (МИА. № 14). М.-Л., 1950. Рис. 87, 101, 123-126. Табл. 9, 11, 14.
11. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. Рис. 45; Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
12. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989. С.164. Рис. 86.
13. Фонакова Н.А. Лотос в растительном...; Плетнева С.А. На славяно-хазарском..., с.161. Рис. 85.
14. Айбабин А.И. Салтовские наборные пояса из Крыма // СА. 1977. № 1. С.237.

15. Плетнева С.А. От кочевий к городам, с.165. Рис.45-23.
 16. Покровский А.М. Верхне-Салтовский могильник // Тр.ХП АО.
 Т.І. М., 1906.С.472,473.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

К статье К.А.Акишева

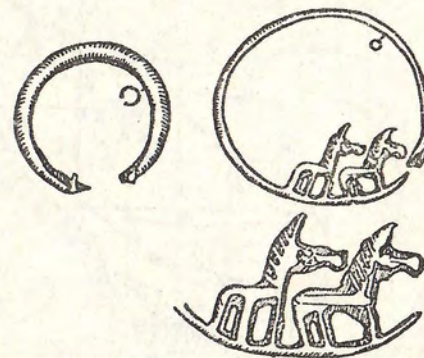

Рис.1. Мын-Шункур. Находки из оград 21а и 17.

Рис.2. Навершие ножа из Сейминского могильника.

Рис.3. Навершие ножа из кургана у с.Турбино.

К статье О.А.Артеховой

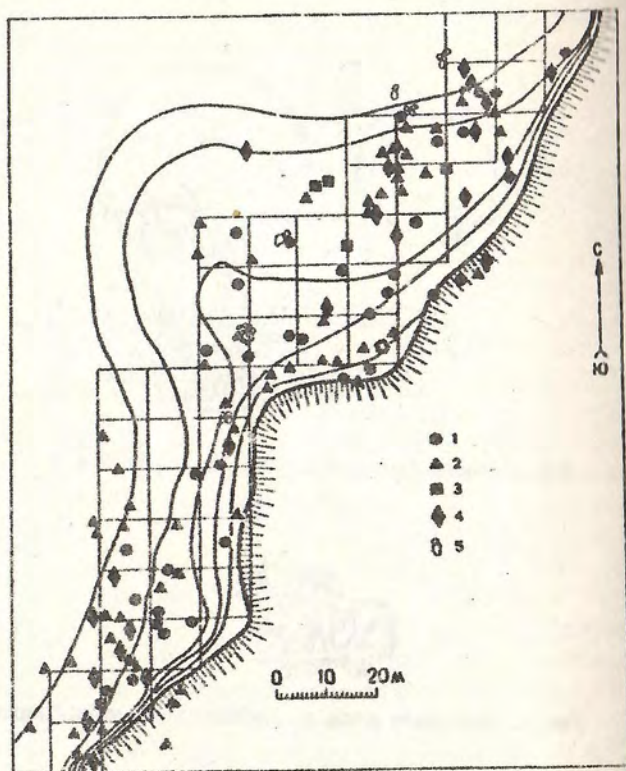

Рис.1. Актогай I. План раскопа.

К статье О.А.Артеховой

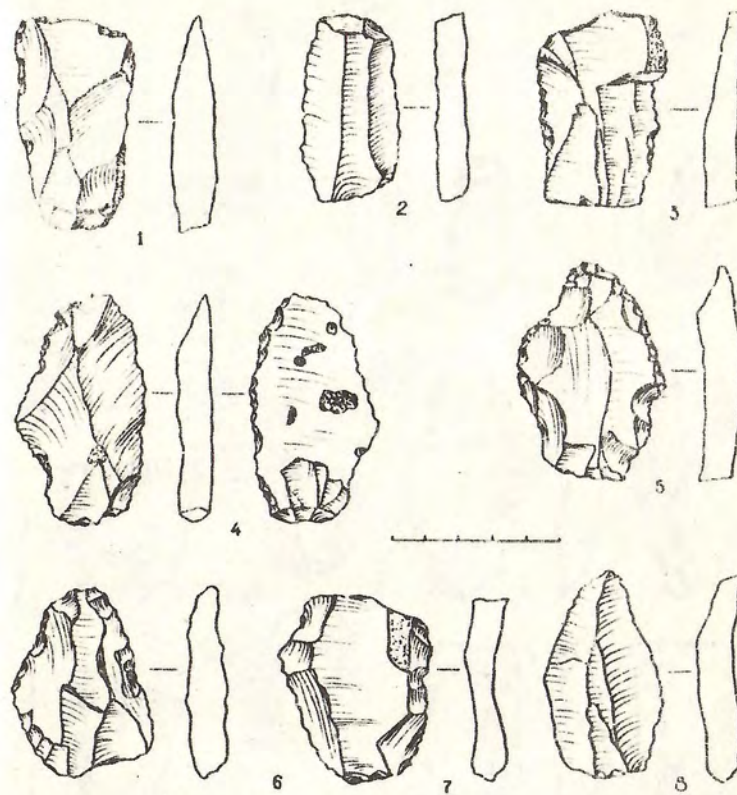

Рис.2. Актогай I. Артефакты.

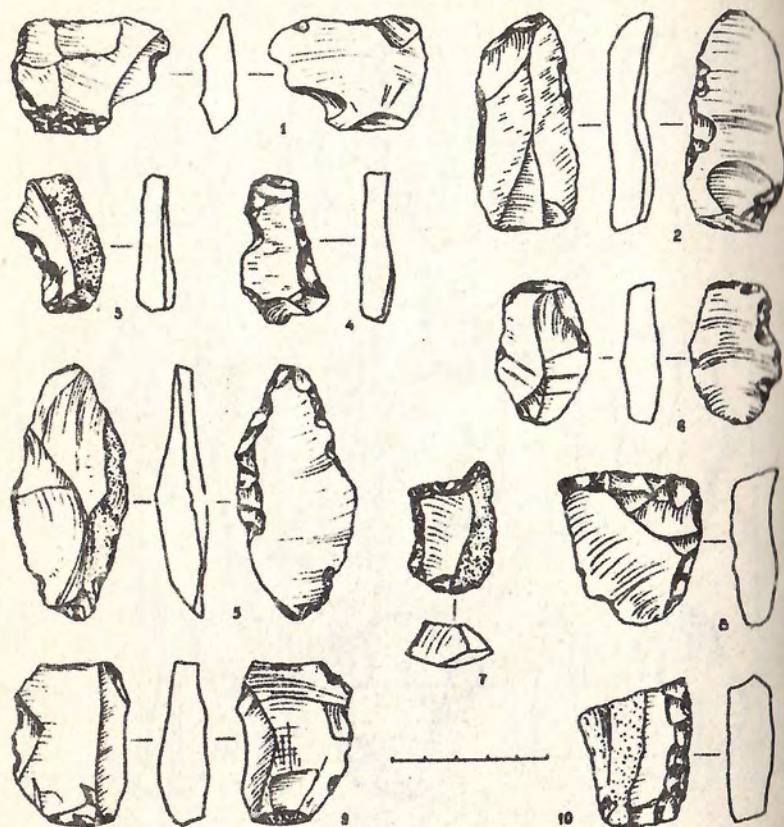
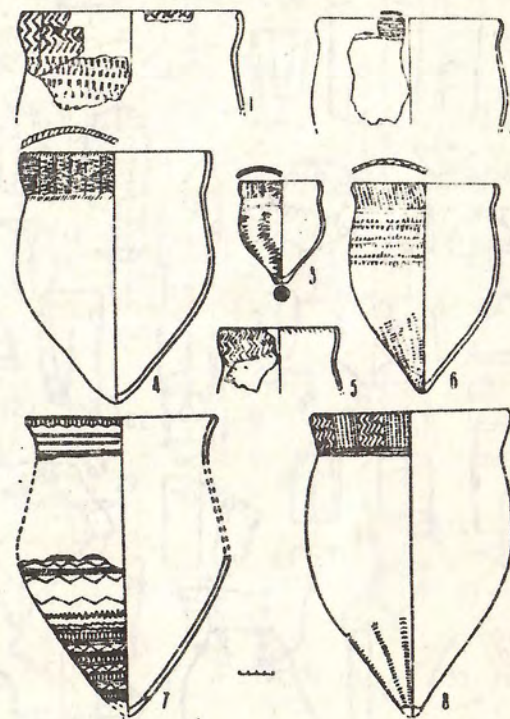

Рис.3. Актогай I. Артефакты.

Рис.1. Маханджарская керамика: 1,2,4,5 - Бестамак;
3,6,8 - Соленое Озеро 2; 7 - Дузбай 3.

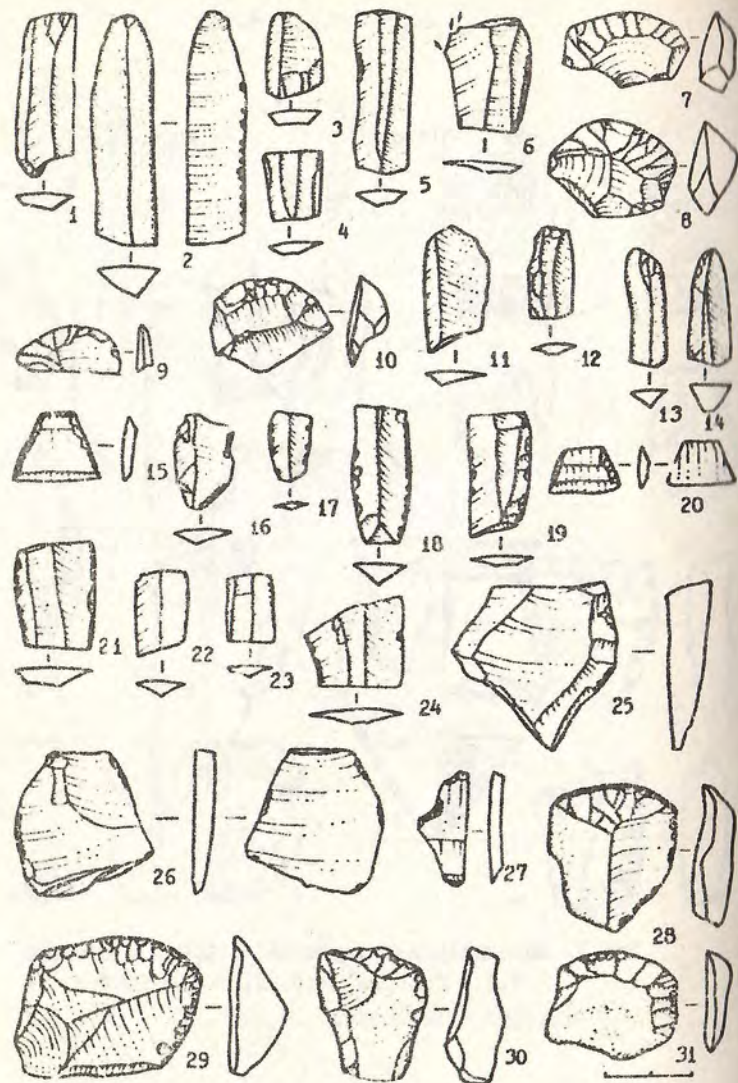

Рис.1. Стоянка Тельмана IV. Артефакты.

Рис.2. Стоянка Тельмана IV. Артефакты.

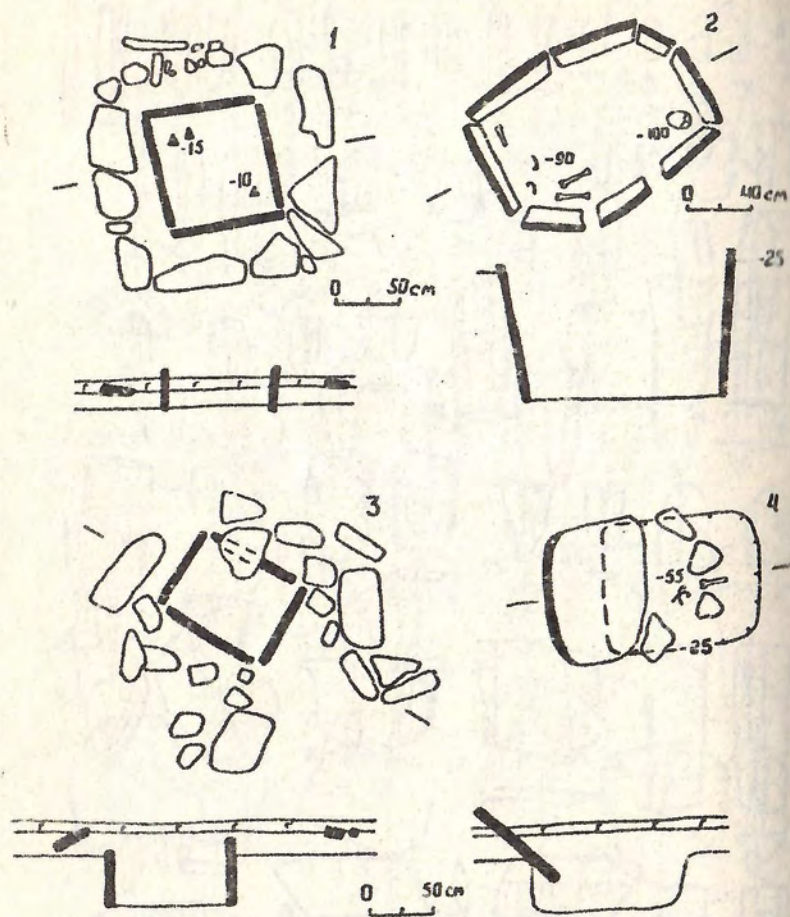

Рис.1. 1 - Могильник Донгал, ограда 22, I тип; 2 - Могильник Енбек-Суйгуш, могила 3, III тип; 3 - Могильник Дермен, могила 5, IV тип; 4 - Могильник Донгал, могила II, V тип.

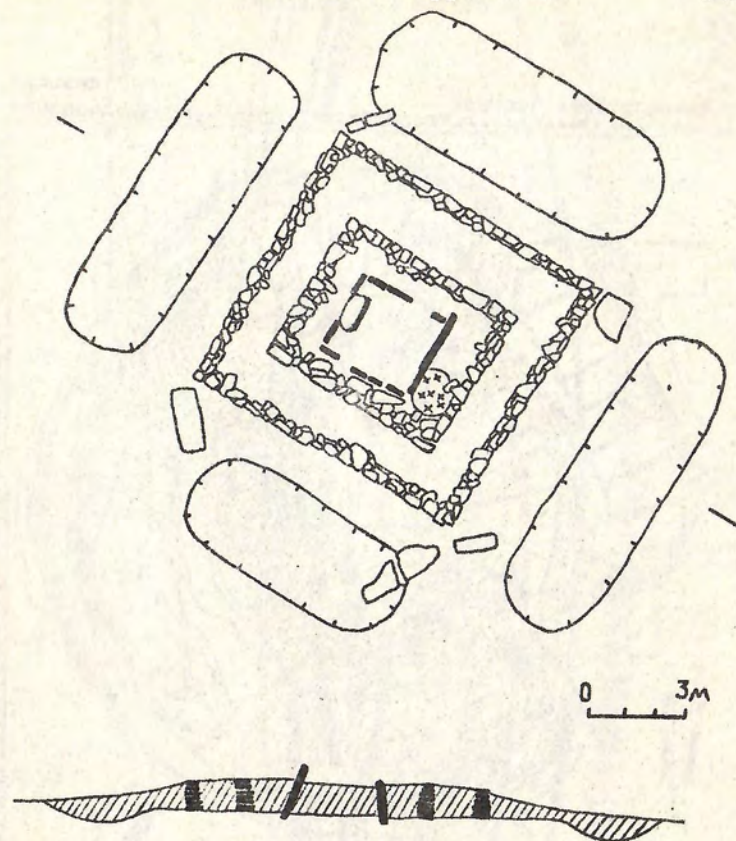

Рис.2. Могильник Енбек-Суйгуш, сооружение II типа.

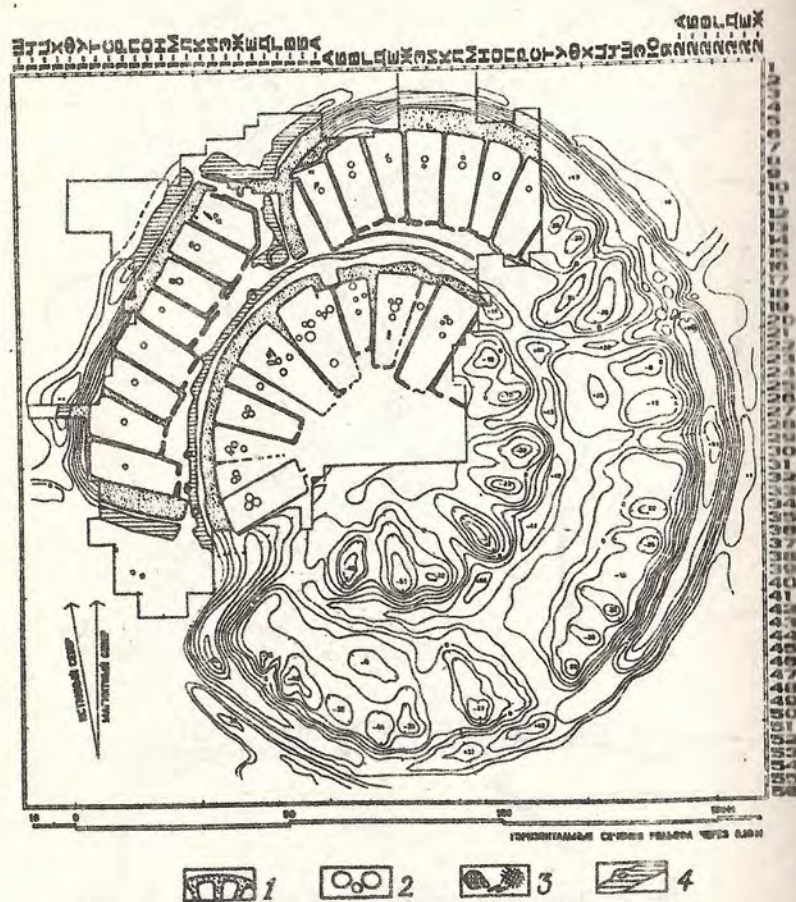

Рис.1. Поселение Аркаим. Современный рельеф и план раскопа.
1 - грунтовые стены; 2 - колодцы, хозяйственные ямы;
3 - очаги, очажные канавки; 4 - рвы: обводной иливневой канализации.

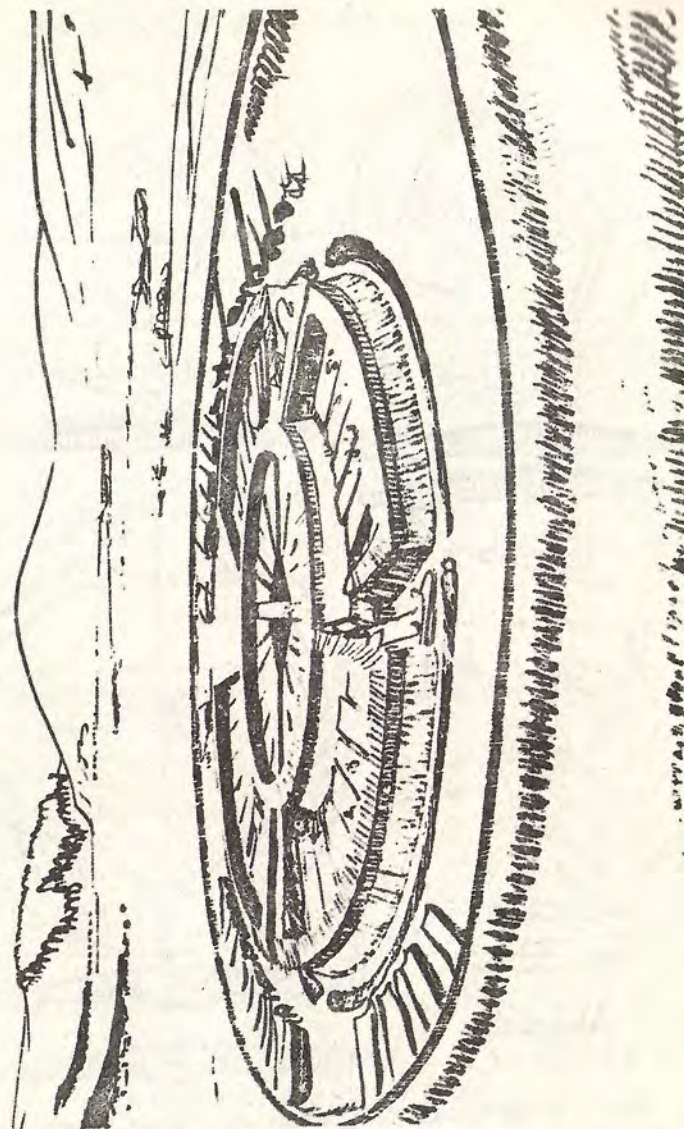

Рис.2. Общий вид пос. Аркаим. Реконструкция (рис. Л.Л. Гуревича).

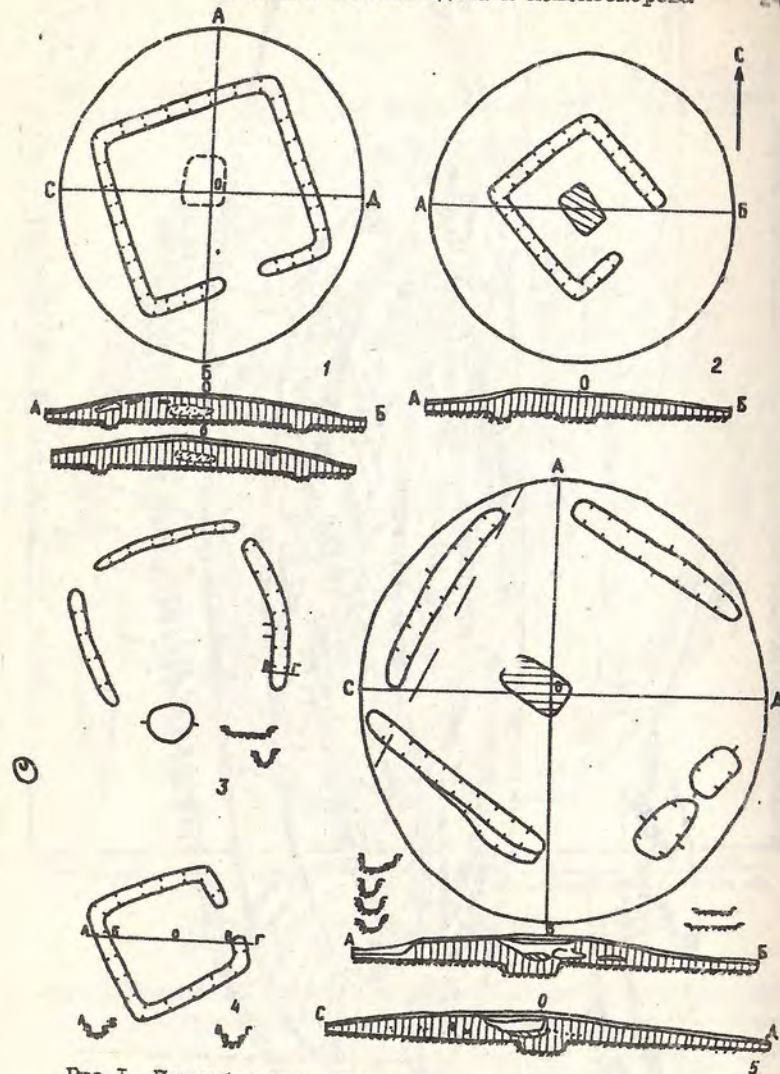

Рис.1. Погребальные сооружения могильника Старый сад:
1 - курган № 50; 2 - курган № 32; 3 - сооруже-
ние № 86; 4 - сооружение № 34; 5 - курган № 54.

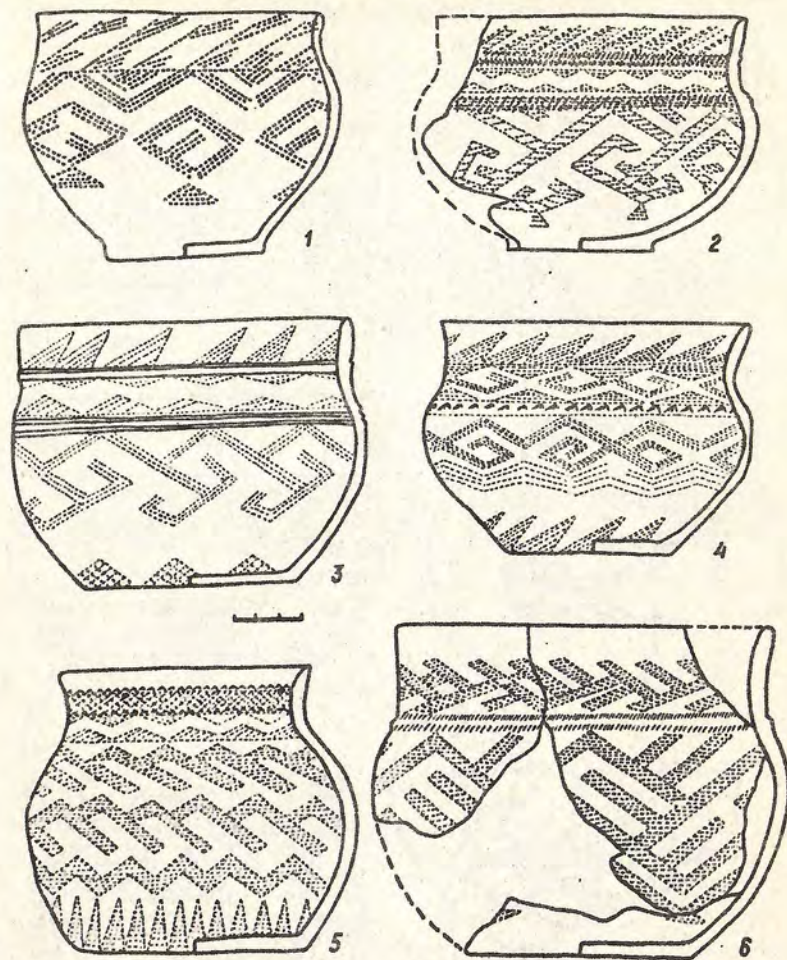

Рис.2. Керамина могильника Старый сад.

1 - курган № 52; 2,3 - курган № 14, погребение № 1;
4 - курган № 67, погребение № 1; 5 - курган № 83,
погребение № 1; 6 - курган № 18.

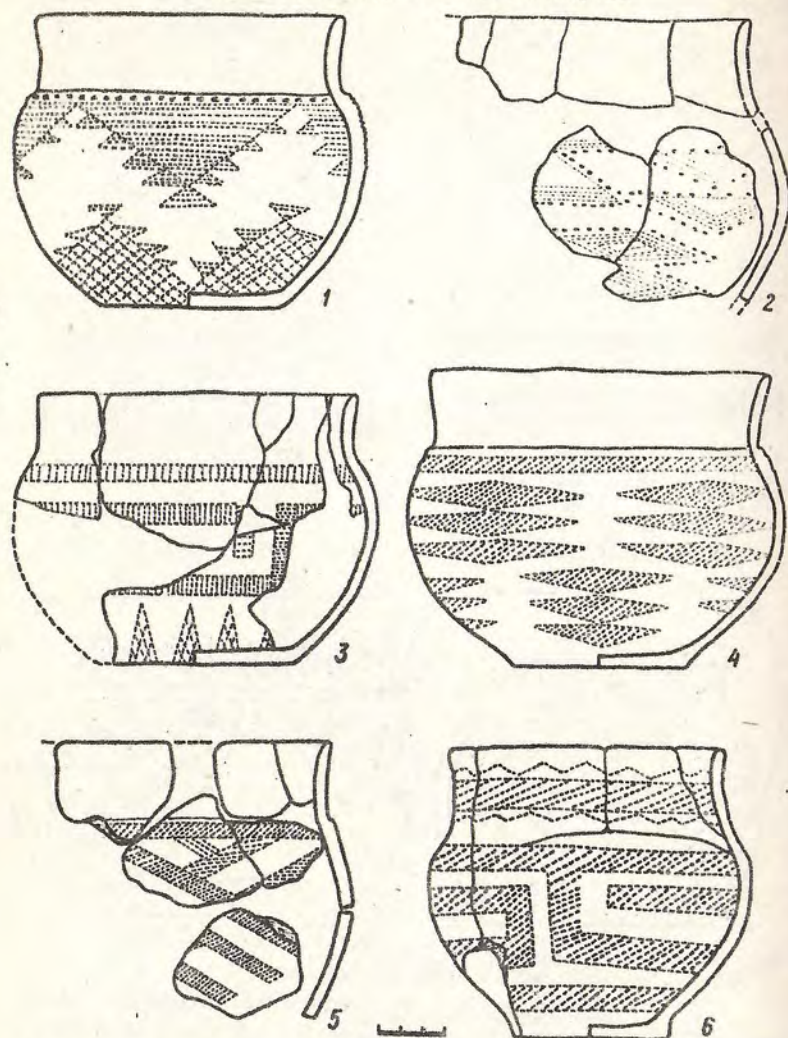

Рис.3. Керамина могильника Старый сад.

1 - курган № 21, ровик; 2 - курган № 21, погребение № 1;
3 - курган № 29; 4 - курган № 35; 5 - курган № 36; за-
падный ровик; 6 - курган № 59, насыпь.

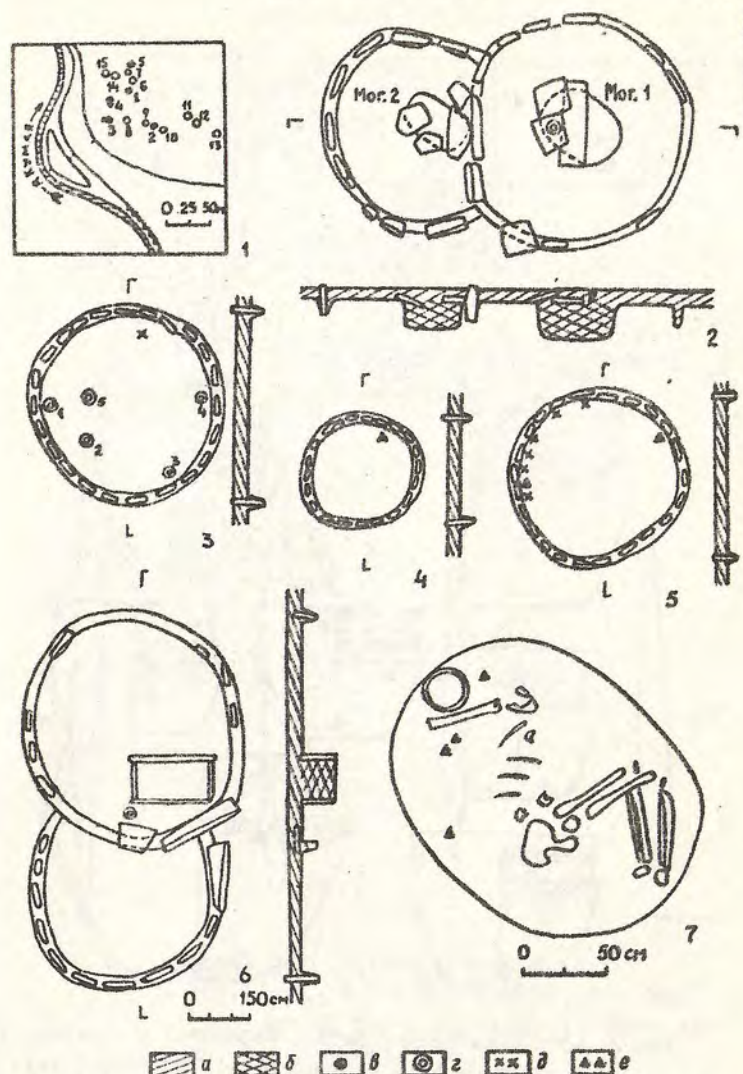

Рис. I. Могильник Звенигородца: 1 - план местности; 2 - ограда 3; 3 - ограда 2; 4 - ограда 5; 5 - ограда 1; 6 - ограда 4; 7 - ограда 3, могила; а - дери; б - заполнения; в - раскопанные оградки; г - сосуд; д - кости животных; е - фрагменты керамики.

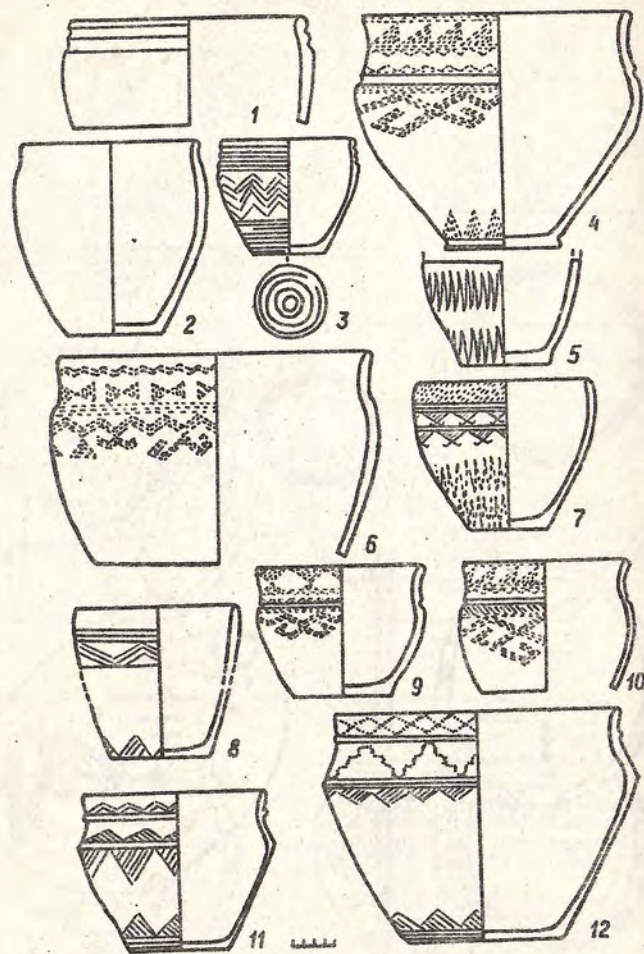

Рис.2. Могильник Звенигородка. Керамика: 1 - ограда 2, жертвенник 5; 2 - огр.4,жерт.; 3 - огр.2,жерт.3; 4,10 - огр.3,мог.1; 5 - огр.2,жерт.1; 6 - огр.3,мог.2; 7 - огр.2,жерт.2; 8 - огр.2,жерт.4; 9 - огр.3,жерт.; 11,12 - огр.4,мог.

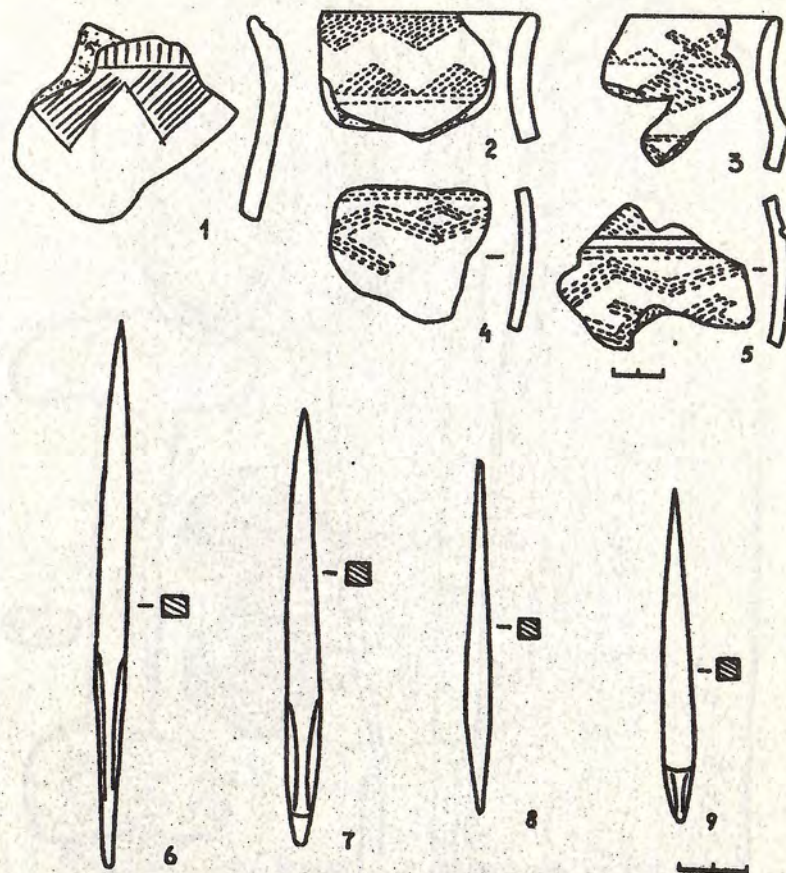

Рис.3. Могильник Звенигородка. Керамика, вещи. 1 - огр.4,мог.; 2,3 - огр.3,мог.1; 4 - огр.1; 5 - огр.3,мог.2; 6-9 - огр.3,мог.1 (1-5 - керамика, 6-9 - кость).

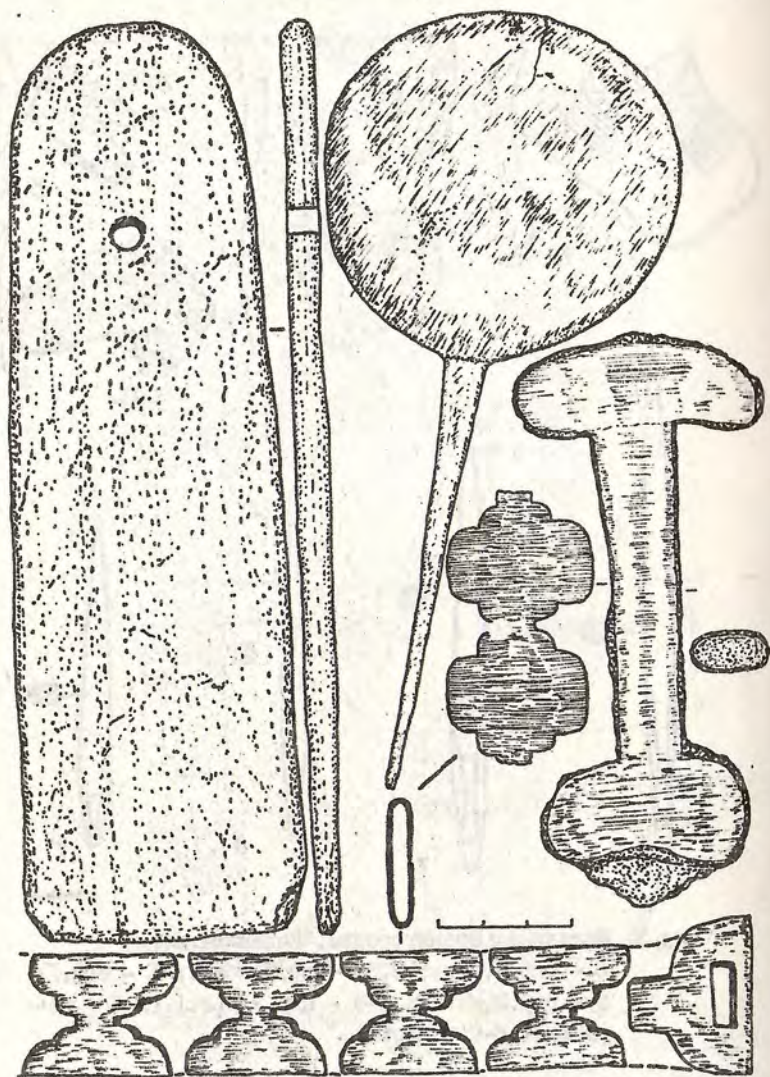

Рис.1. Часть инвентаря погребения кургана у с.Пьяный Яр.

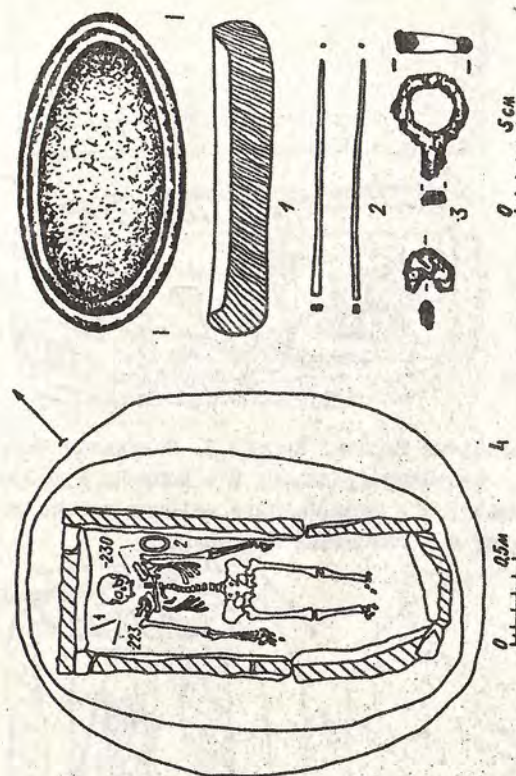

Рис.1. Могильник Бирдик. 1,2 - инвентарь из кургана 1;
3 - предметы из кургана 2; 4 - могильная яма
кургана 1.

К статье Ю.А.Заднепровского

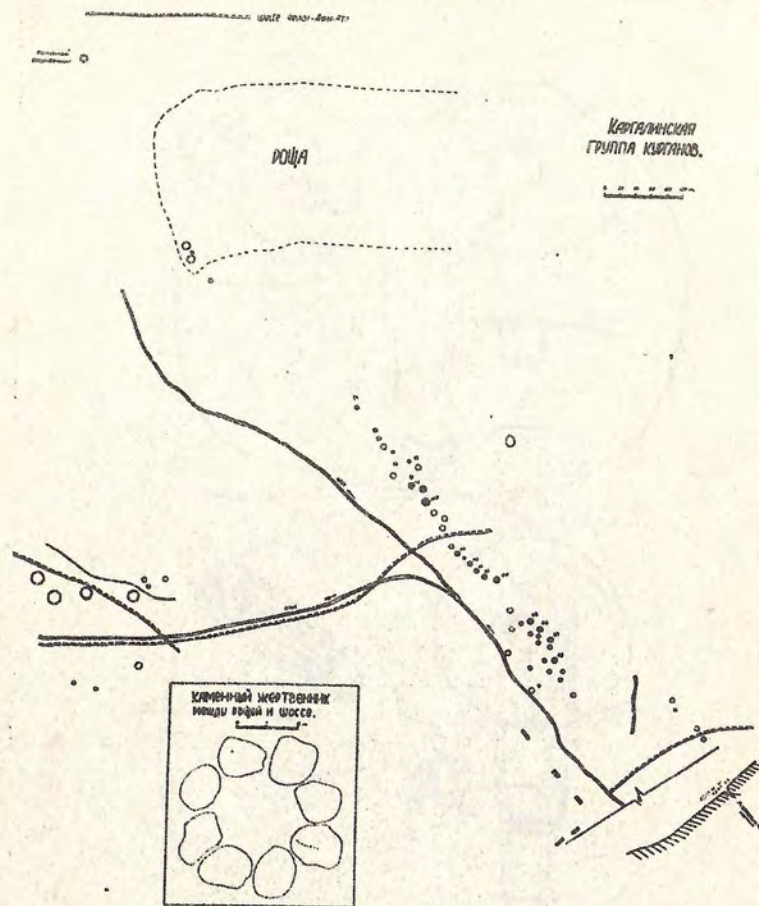

Рис. I. План Каргайинской курганной группы и жертвенника.

К статье А.З.Бейсенова и А.О.Исмагуловой

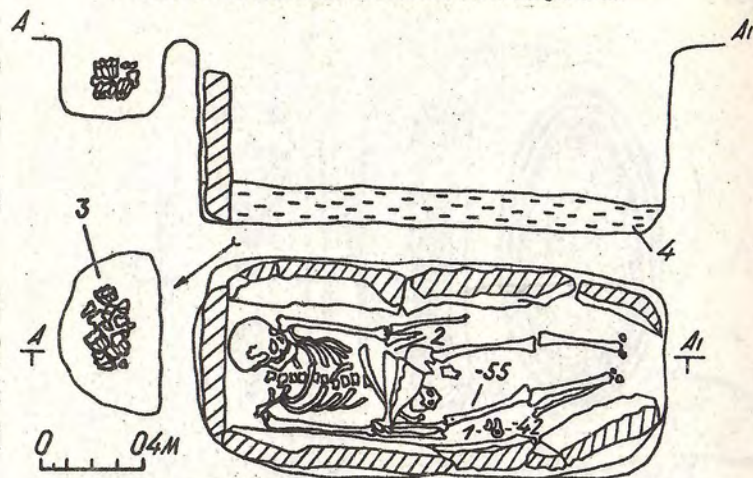
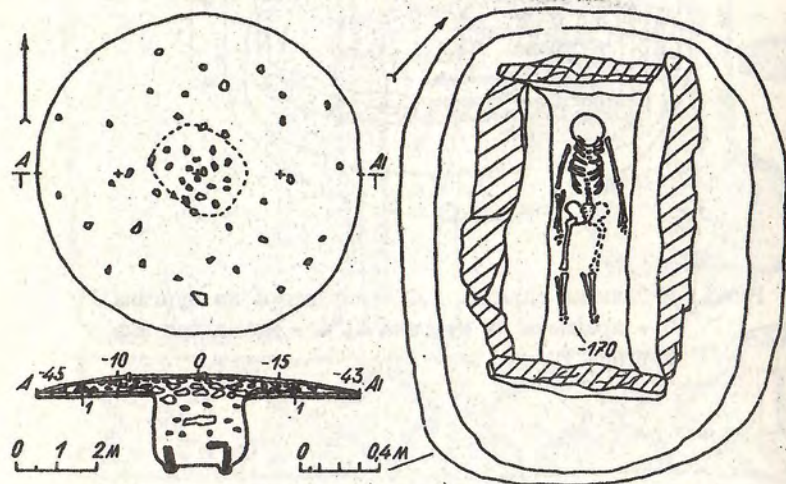
Рис. 2. Могильник Бирлик. Курган 2. Могильная яма.
1 - железные предметы; 2 - лопатка и ребро лошади; 3 - зубы, фаланги, обломки черепа лошади; 4 - глинистая подсыпка.

Рис. 3. Могильник Бирлик. Курган 4: 1 - камни ограды.

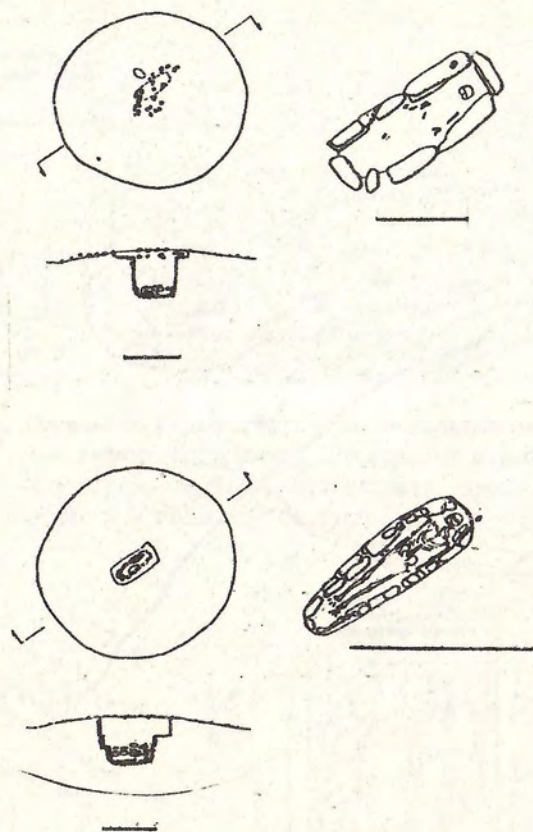
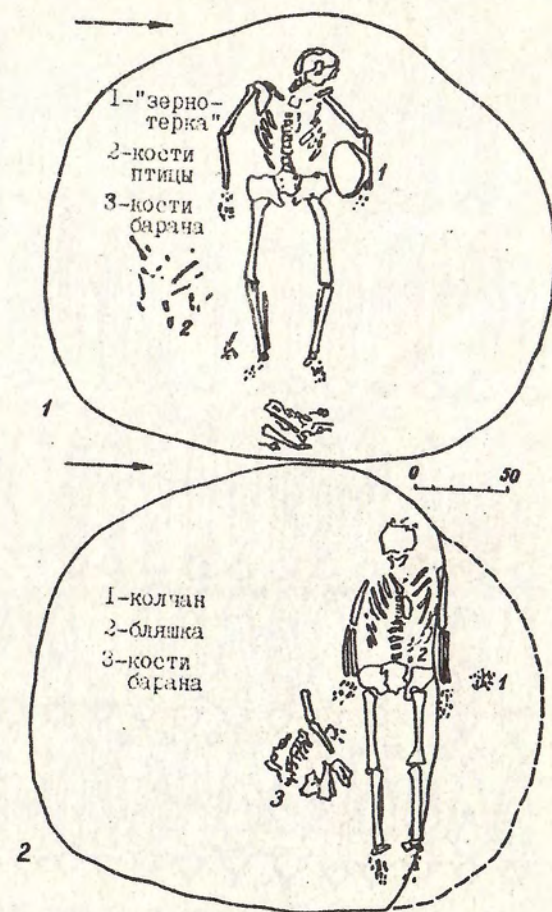

Рис.2. Каргалинские курганы. Планы и разрезы.

Рис.1. Курган 59 у с.Целинный.
1 - погребение 2; 2 - погребение 1.

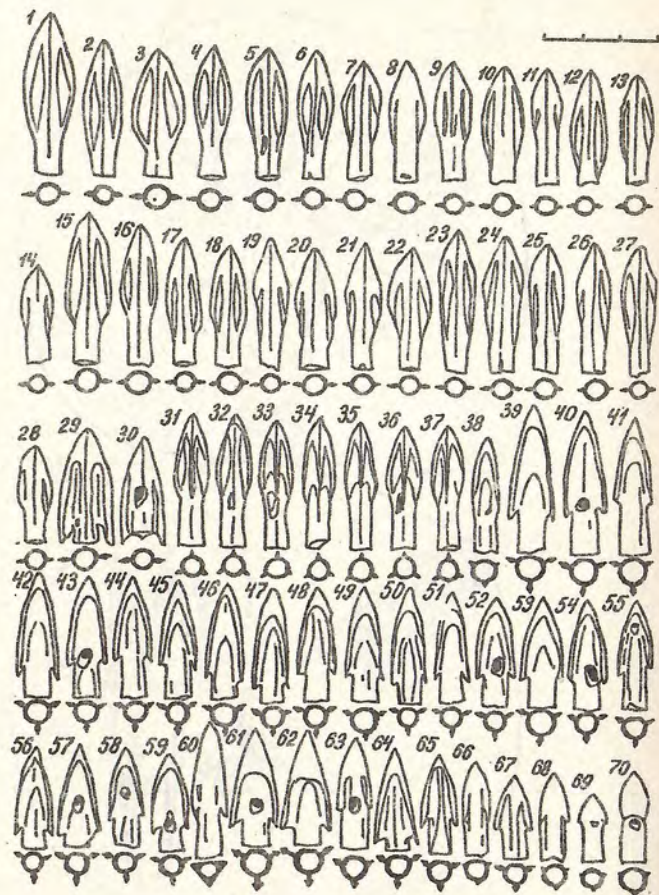

Рис.2. Стрелы из погр. I кургана 59 у с.Целинный.

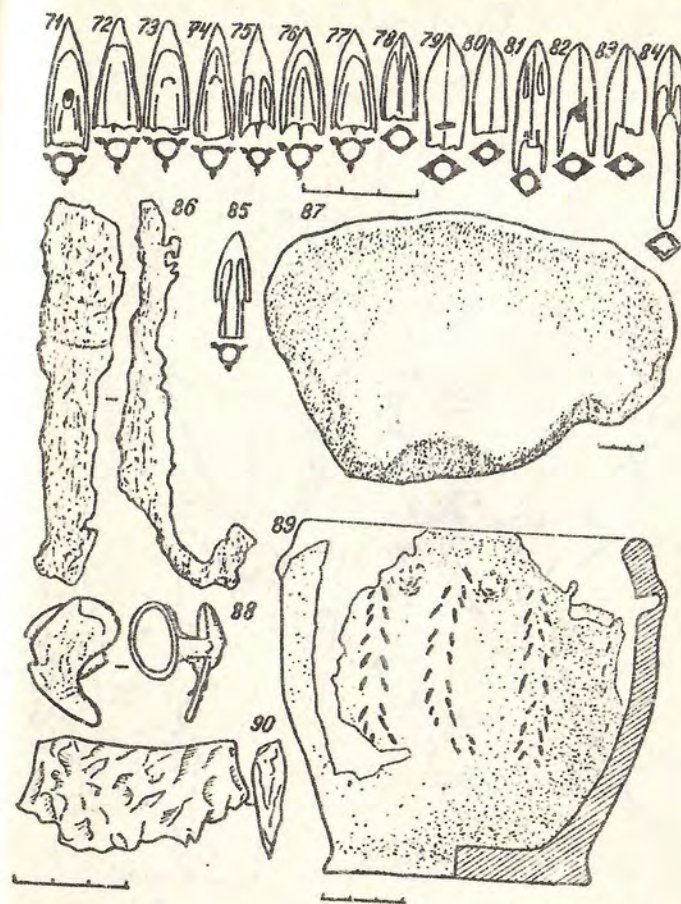

Рис.3. Инвентарь погребения I (71-86, 88-90) и погребения 2 (87) кургана 59 у с.Целинный.

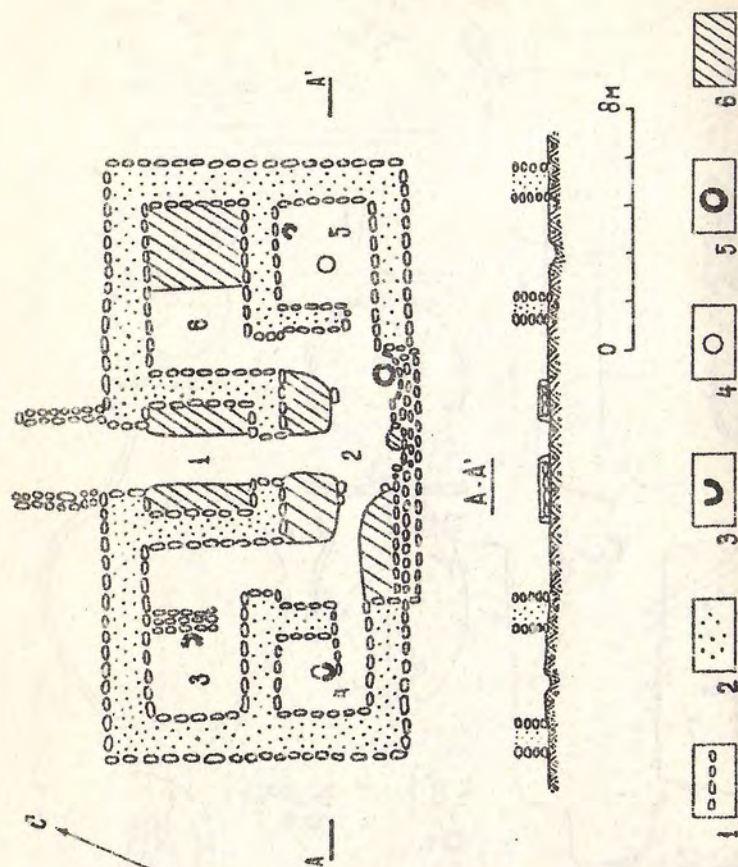

Рис.1. План и разрез караван-сарая Еки-аша.
1 - камни; 2 - земля; 3 - подковообразные очаги; 4 - обогревательные ямки; 5 - тандыр; 6 - глина (1-6 - номера помещений)

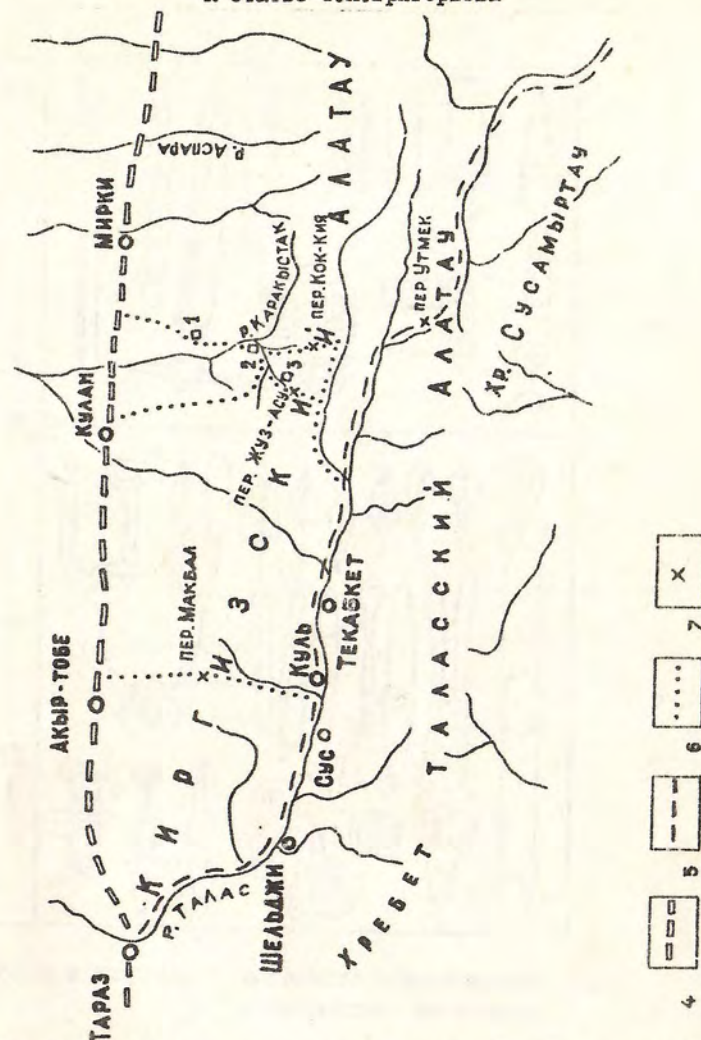

Рис.2. Древние караванные тропы северных склонов Киргизского хребта: 1 - постройка X-XII вв. в местности Ак-Сарай; 2 - поселение X-XII вв.; 3 - караван-сарай Еки-аша XI-нач.XIII вв.; 4 - трасса Великого Шелкового пути; 5 - караванные дороги; 6 - караванные тропы; 7 - перевалы.

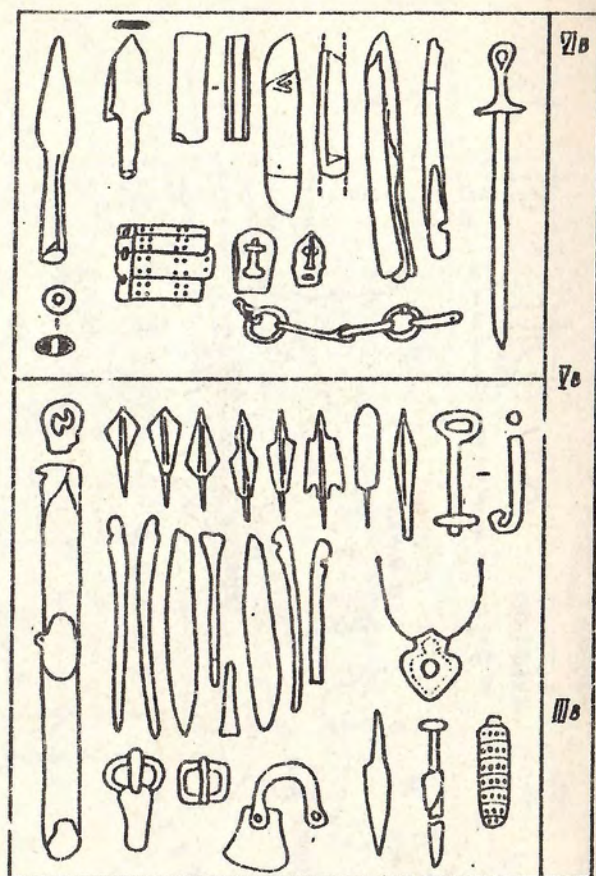

Рис.1. Относительная хронология берельских и кок-пашских предметных комплексов.

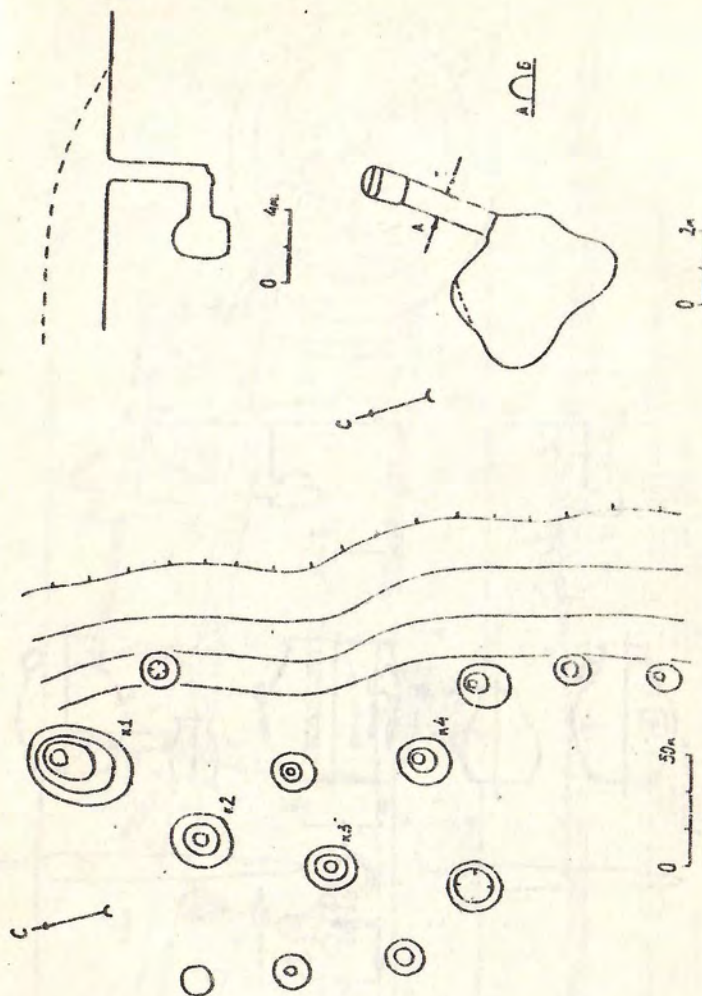

Рис.1. План могильника Тулебай-тобе I. План и разрез катакомбы в кургане I.

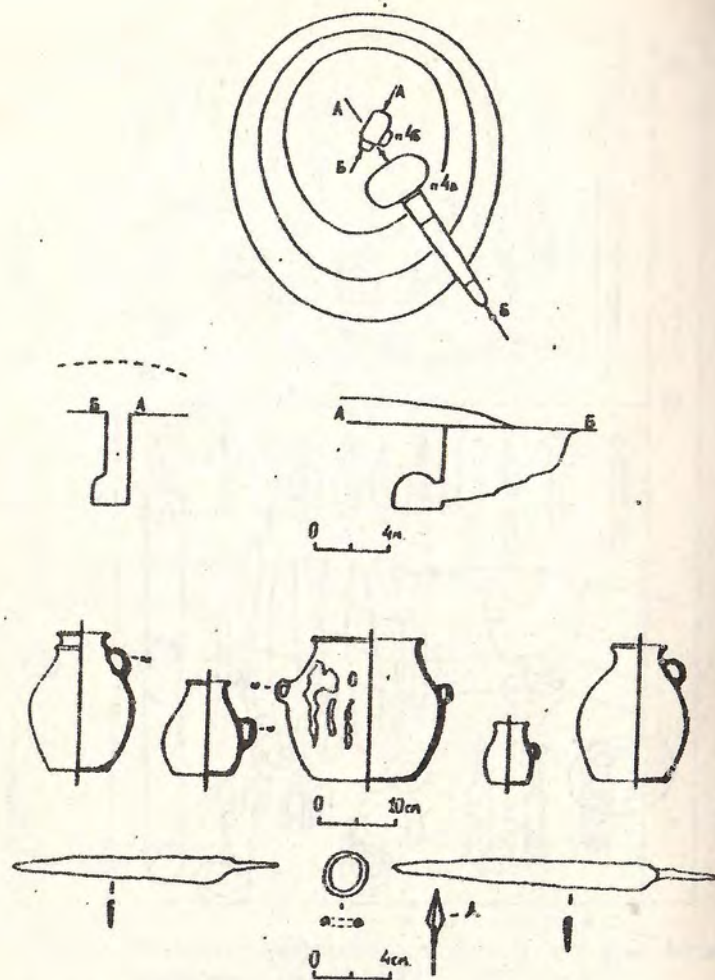

Рис.2. План и разрез катакомбы 4а, 4б под курганом 4. Инвентарь из катакомбы 4а.

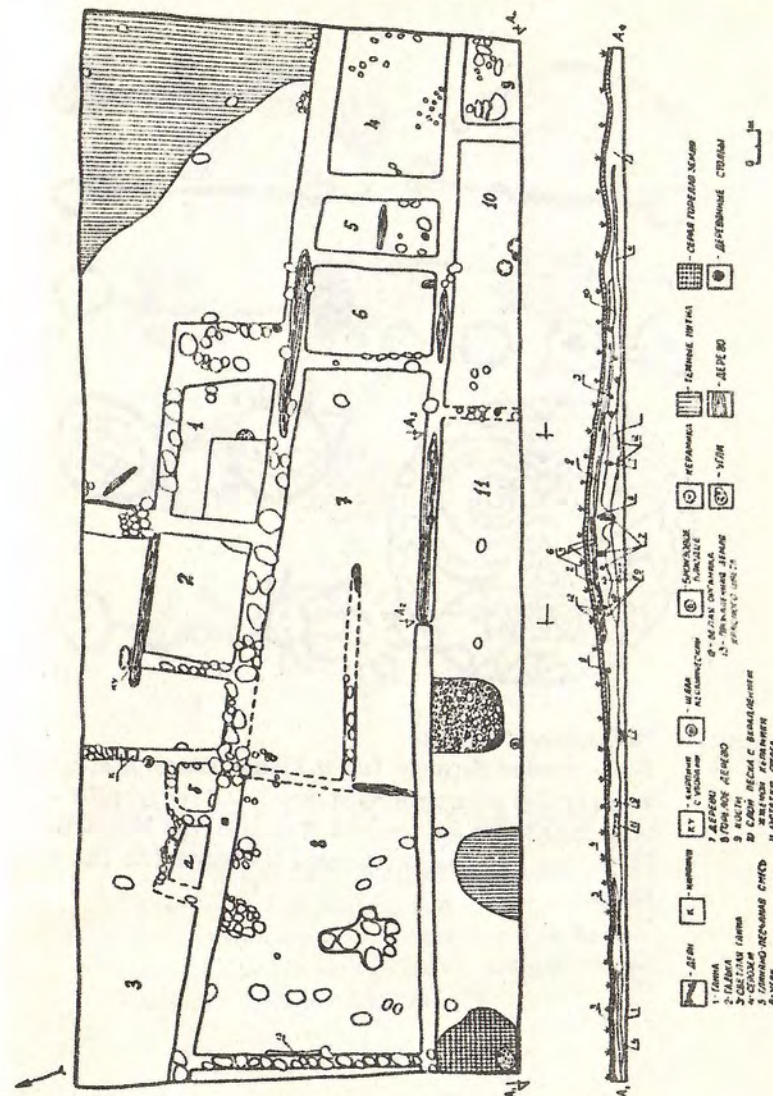

Рис.1. Городище Талгар. Раскоп IV. План II строительного горизонта.

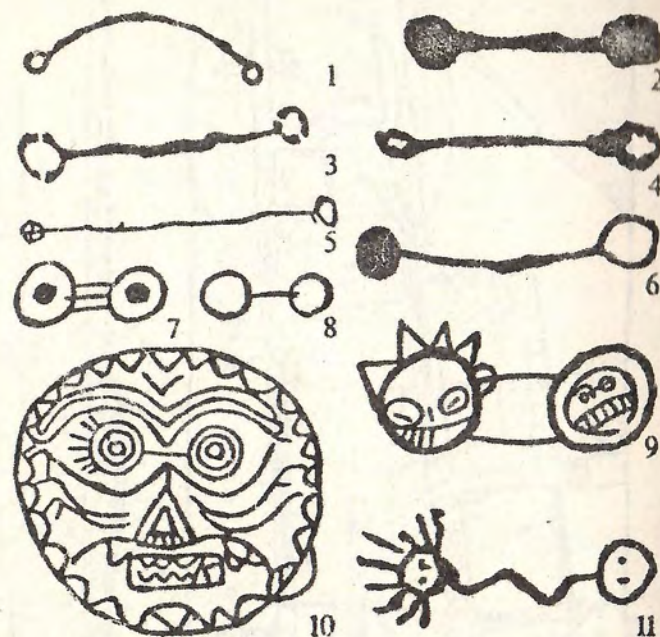

Рис. I. "Очководные" знаки.

1-6 - хребет Каратау (по М.К.Кадырбаеву и А.Н.Марьяшину); 7-9 - остров Куба (по Х.М.Гуарчу); 10 - бассейн р.Байчак, Внутренняя Монголия (по В.В.Ларичеву); 11 - горы Иньшань, Внутренняя Монголия (по Гай Шаньлин).

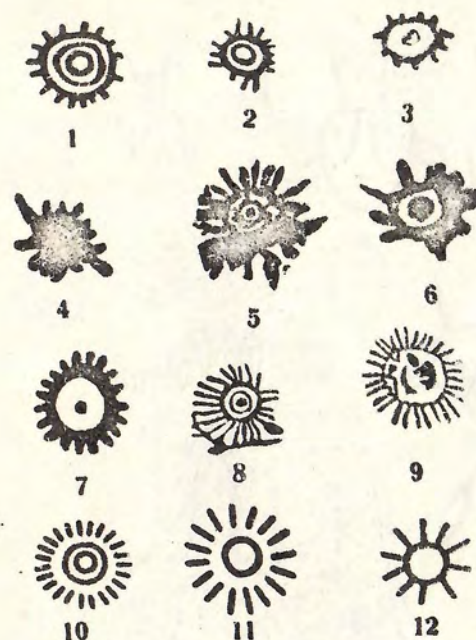

Рис. I. Солярные знаки в наскальном и народном искусстве: 1-3 - Урал (по В.Н.Чернецову); 4-6 - Мугур-Саргол, верхний Енисей; 7 - Алдан (по А.П.Окладникову и А.И.Мазину); 8, 9 - Внутренняя Монголия (по Гай Шаньлин); 10-12 - на тувинских кожаных сосудах (по С.И.Вайнштейну).

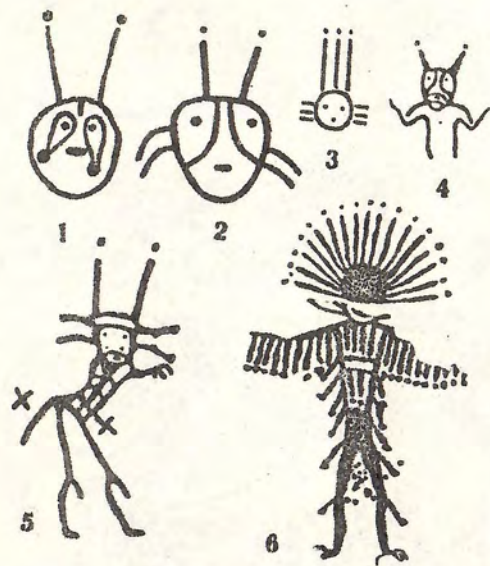

Рис.2. Антропоморфные личины и фигуры с точками над концами рогов и лучей: 1,2,4,5 - Минусинская котловина (по Н.В.Лентьеву); 3 - Самусь IY (по В.И.Матыщенко); 6 - Алтай (по В.Д.Кубареву).

Рис.3. 1-10 - солнечные личины и знаки из Внутренней Монголии; 11 - бронзовая бляшка с изображением человеческого лица (Монголия, Центральный аймак).

К статье А.Н.Марьяшева и С.А.Потапова

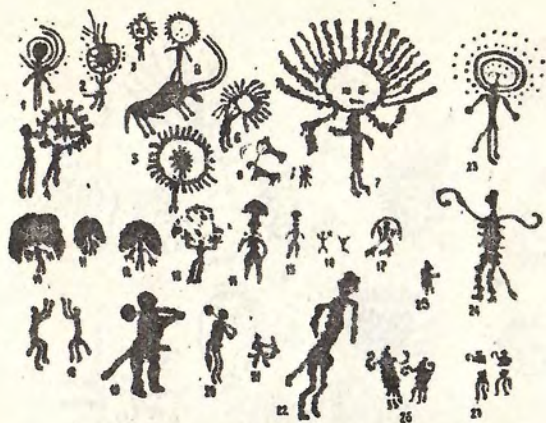

Рис.1. Солнцеголовые и антропоморфные божества.

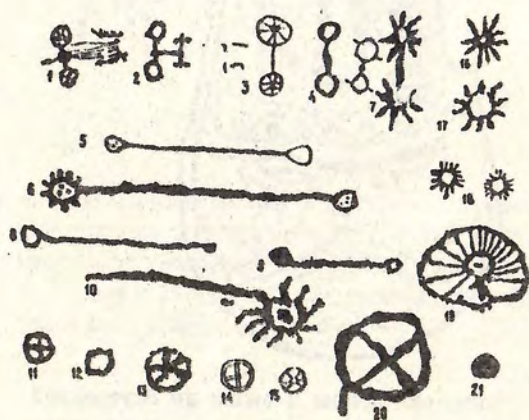

Рис.2. Магические знаки и солнечные символы.

К статье Н.А.Фоминковой

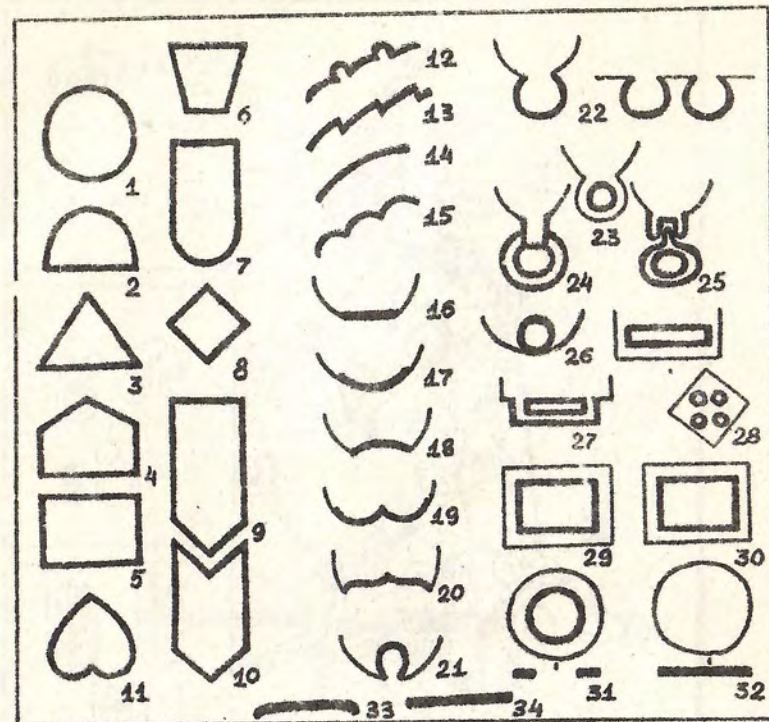

Рис.1. Признаки формы поясных бляшек.

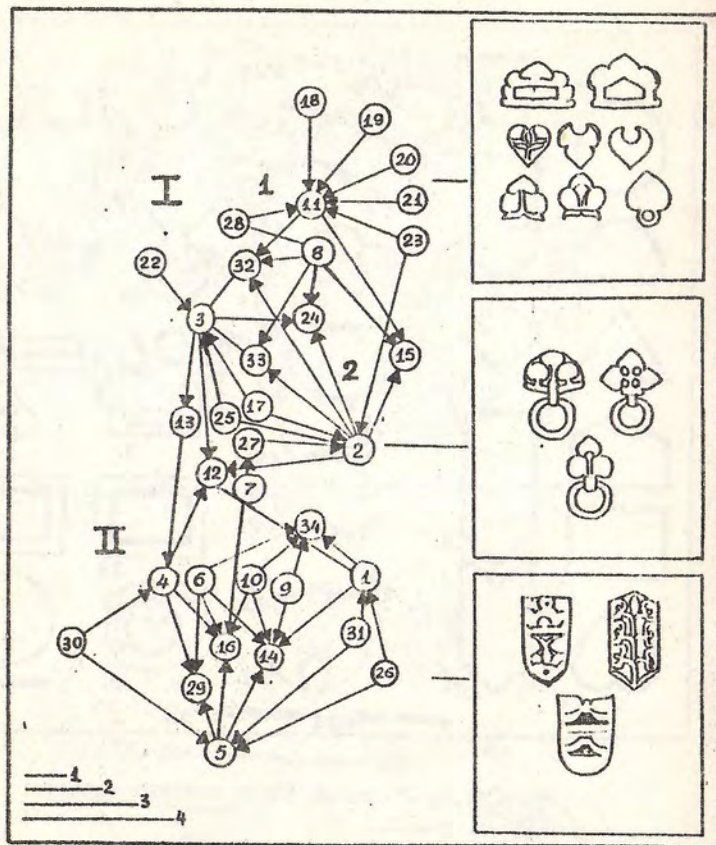

Рис.2. Граф связи признаков формы, декоративных и функциональных деталей поясных бляшек между собой (I - 0,900-1,0; 2 - 0,600-0,899; 3 - 0,300-0,599; 4 - 0,100-0,299).

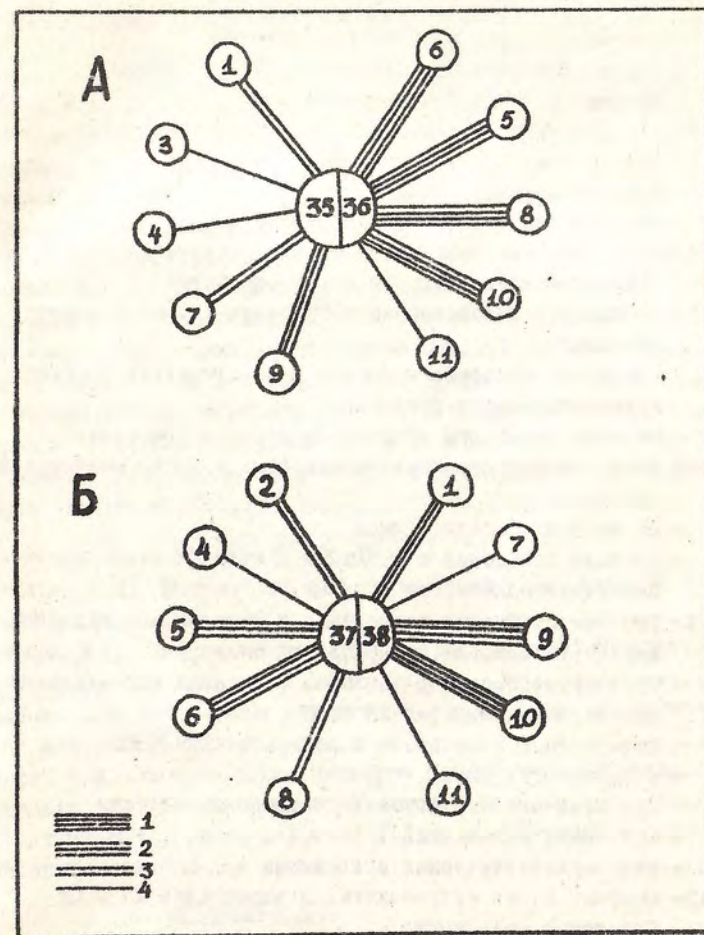

Рис.3. Граф связи признаков формы поясных бляшек с материалом (А) и техникой исполнения (Б) (I - 0,900-1,0; 2 - 0,600-0,899; 3 - 0,300-0,599; 4 - 0,100-0,299).

АСТЭ	— Археологический сборник Гос.Эрмитажа
АО	— Археологические открытия
БСЭ	— Большая Советская Энциклопедия
Бюлл.МОИП	— Бюллетень Московского общества испытателей природы
ВДИ	— Вестник древней истории
ВМУ	— Вестник Московского Университета
Зап.ЗСОИРГО	— Записки Западно-сибирского отделения Императорского Русского географического общества
Зап.ИРГО	— Записки Императорского Русского географического общества
ЗВОИРАО	— Записки Восточного отдела Императорского Русского археологического общества
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИС	— Из истории Сибири. Томск
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КСИЭ	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института этнографии АН СССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МНМ	— Мифы народов мира
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
СА	— Советская археология
САН	— Свод археологических источников
Сб.МАЗ	— Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР
СТ	— Советская тюркология
СЭ	— Советская этнография
ТГИМ	— Труды Гос.Исторического музея
Тр.ИИАЭ АН КазССР	— Труды Института истории, археологии и этнографии им.Ч.Ч.Валиханова АН Казахской ССР
Тр.ХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ТИАКЭ	— Труды Кинотуркменистанской археологической комплексной экспедиции

От редколлегии	3
----------------------	---

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Акишев К.А. Происхождение "звериного" стиля в изобразительном искусстве саков	4
Алимбаев Н. О механизме реализации отношений собственности в кочевом обществе	9
Байпаков К.М., Шарденова Ф.К. О работе над Сводом памятников истории и культуры Казахстана	17
Булутян Е.П. О классификации и типологии скотоводства ...	23
Мартынов А.И. О современных концепциях теории и методики полевых археологических исследований	27
Ольховский В.С. Об археологических признаках миграций в эпоху бронзы и раннего железа	30
Павленко Ю.В. Классообразование у кочевников	33
Рудковский И.В. Элементы и мотивы в орнаментике (по андроновским материалам)	40

КАМЕННЫЙ ВЕК И ЭНЕОЛИТ

Артыкова О.А. Мустьерские памятники Семиречья (Актогай I — 4)	44
Волошин В.С. Об истоках палеолита в Центральном Казахстане	48
Калиева С.С. К проблеме культурной атрибуции энеолитических памятников Тургай Ш тыс. до н.э.	54
Логвин В.Н. Маханджарская культура в неолите Казахстана..	60
Плешаков А.А. Реконструкция хозяйственных комплексов ранне-неолитической стоянки Тельмана XIV по результатам трасологических исследований	65

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Варфоломеев В.В. Погребения эпохи поздней бронзы Кентского микрорайона (типология конструкций)	72
Галкин Л.Л. Кочевники эпохи бронзы Западного Казахстана..	77
Зданович Г.Б. Архитектура поселения Аркхем	79
Курманов К.Ф., Удодов В.С. Некоторые вопросы хронологии памятников бронзового века Алтая	84

Кукушкин И.А. Андроновские погребения Кентского ущелья ...	90
Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы	93
Усманова Э.Р. Дифференцированный подход к умершему в погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский)	97
Оразбаев А.М., Толеубаев А.Т. Новые андроновские памятники Семипалатинской области	104
Михайлов Ю.И. Собака в ритуальной практике андроновского населения	110
Ткачев А.А. К проблеме алакульско-фedorовских контактов...	117

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Алехин Ю.П., Демин М.А., Илюшин А.М. Исследования 1989 г. в Семипалатинской области	124
Байсенов А.З., Исмагулова А.О. Археолого-антропологические данные из могильника Бирлик	128
Бокоченко Н.А. К вопросу о сложении раннекочевнических культур Казахстана и Саяно-Алтая	136
Заднепровский Ю.А. Каргалинский могильник саков Семиречья.	138
Исмагилов Р.Б. Новое погребение эпохи раннего железа на Илеке	143
Кочубей Ю.А. Новое погребение с каменным "жертвенником-столиком" в Западном Казахстане (К вопросу об этнических компонентах в среде сарматской общности)	146
Левина Л.М. Некоторые итоги исследований Джетынасарского отряда Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Восточном Приаралье	150
Ольховский В.С. Святилище Байте III в Западном Казахстане (продолжение исследований)	157
Суразаков А.С. Памятники скифского времени Горного Алтая и Восточного Казахстана	162

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Тригорьев Ф.П. Древние караванные тропы северных склонов Киргизского хребта	165
Гуцалов С.Ю. К проблеме сложения гунинского союза племен (по материалам Западного Казахстана)	170

Елин В.Н. Берелычи и их восточные соседи	172
Ерзакович Л.Б. О периодизации развития средневекового Отрара	177
Ермоленко Л.Н. О роли образа волка у древних тюрков	183
Подушкин А.Н. Некоторые итоги исследования могильника Тулебай-тобе I	189
Савельева Т.В. Раскопки городища Талгар	192
Смагулов Е.А. К вопросу об этнической принадлежности культуры позднесредневекового Отрара	196

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Дэвлет Е.Г. О семантике "очковидных" изображений	207
Дэвлет М.А. "Солнцеголовые" антропоморфные фигуры казахстанских петроглифов и их восточные параллели	209
Марьяшев А.Н., Поталов С.А. Культовые сюжеты в петроглифах эпохи энеолита и бронзы	212
Сараев В.В. К методике изучения петроглифов Заилийского Алатау	223
Фоникова Н.А. Художественный стиль украшения поясов в Хакарии второй половины VIII — начала X веков	224
ИЛЛЮСТРАЦИИ	233
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	274
СОДЕРЖАНИЕ	275

Подп. в печ. 18.03.92 г. Тираж 500 экз. Заказ № 515

Централизованная типография ГА "Совзстройматериалов"

